

Министерство культуры Российской Федерации

*Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 110

К 200-летию со времени
михайловской ссылки А.С. Пушкина

**«...И ГОЛОС ЛИРЫ ВДОХНОВЕННОЙ...
И СЛАВЫ БЛЕСК, И МРАК ИЗГНАНЬЯ,
И СВЕТЛЫХ МЫСЛЕЙ КРАСОТА...»**

МАТЕРИАЛЫ
Михайловских Пушкинских чтений
(20–23 августа 2025 года)

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2025

Серия основана в 1996 году.

**«И голос лиры вдохновенной... И славы блеск, и мрак изгнания, и светлых
М 341 мыслей красота...»** : материалы Михайловских Пушкинских чтений (20–23 августа
2025 года) : [сб. ст.] — Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2025. —
312 с. — (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 110).

ISBN 978-5-94595-148-8

Настоящий сборник научно-популярного издания «Михайловская пушкиниана» включает в себя материалы традиционных Михайловских Пушкинских чтений, прошедших в Пушкинском Заповеднике 20–23 августа 2025 года.

1825 год — центральный год северной ссылки А.С. Пушкина. Сам этот период, с 1824-го по 1826-й, стал переломным в жизни и творчестве поэта: в глуши и ссылочной неволе он сумел найти и открыть большую творческую свободу. В Михайловском были написаны более ста произведений, составляющих безусловную, «золотую» ценность в фонде русской и мировой литературы. Всем этим стихотворениям нынче исполняется двести лет — как и многим важным историческим событиям, вплоть до восстания на Сенатской площади.

Много памятных дат в календаре 2025 года связаны и с людьми из окружения Пушкина. И все эти темы — исторические, локальные, т. е. связанные с Михайловским как с особым местом, родственные и дружеские — нашли отражение в настоящем сборнике.

Издание предназначено для специалистов в области истории, литературы, искусства, краеведения, реставрации, музейного дела, а также для всех, кто неравнодушен к истории отечественной культуры и пушкинских мест России.

Цитаты А.С. Пушкина, кроме специально указанных случаев, приведены по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Указание на источник дается в тексте в круглых скобках, где римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы.

*Авторы несут ответственность за подбор и достоверность
приводимых в статьях фактов, цитат, статистических данных,
имен собственных, географических названий и прочих сведений.*

*Мнения, высказанные авторами, могут не совпадать
с точкой зрения редакции (редакционного совета музея).*

ББК 83.3 (2=411.2) 52-8 (Пушкин)

В настоящий выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» вошли материалы прошедших в Пушкинском Заповеднике в августе 2025 года Михайловских Пушкинских чтений «...И голос лиры вдохновенной... / И славы блеск, и мрак изгнания, / И светлых мыслей красота...» В текущем году мы продолжаем отмечать 200-летие со времени пребывания А.С. Пушкина в ссылке в Михайловском. Этот период (1824–1826 годы) стал переломным в жизни и творчестве поэта. Для него это было время смятения чувств, тягостных раздумий о своей судьбе, размышлений о будущем, попыток вырваться из «ссылочной» неволи, немногочисленных, но ярких встреч, и вместе с тем — духовного преображения и невероятного творческого подъема. Нынешняя конференция была приурочена к событиям в творческой биографии Пушкина двухвековой давности, включая 200-летие создания его произведений. К тому же 2025 год — это год памятных и юбилейных дат, связанных с людьми из близкого пушкинского окружения, включая мать поэта Н.О. Пушкину (250 лет со дня рождения), бабушку М.А. Ганнибал (280 лет со дня рождения) и многих других.

Итог чтений — публикуемые здесь почти два десятка докладов участников: музейных сотрудников, филологов, историков, культурологов, искусствоведов из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Пскова, Московской, Ленинградской, Псковской, Тверской, Липецкой областей. Прошедшая конференция — это вновь обращение к жизни и творчеству А.С. Пушкина, разговор о его эпохе, его окружении, родственных, дружеских, творческих связях, о значении творческого наследия поэта, прямо или косвенно связанного со временем, проведенным им в его псковской «деревеньке на Парнасе», о преображении Пушкина из поэта — в Поэта, чему свидетельством стало его собственное признание: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить», о сохранении пушкинских традиций в отечественной и мировой культуре.

*Эдуард Узенев,
ученый секретарь
Пушкинского Заповедника*

«И ГОЛОС ЛИРЫ ВДОХНОВЕННОЙ... И СЛАВЫ БЛЕСК, И МРАК ИЗГНАНЬЯ, И СВЕТЛЫХ МЫСЛЕЙ КРАСОТА...»

Материалы Михайловских Пушкинских чтений (20–23 августа 2025 года)

Михаил Гладиллин

ЭТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДРАМЫ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...

А.С. Пушкин. Герой

Главный персонаж драмы — Годунов, и через него выражена основная нравственная идея: ради своего честолюбия, ради царского величия он совершает убийство наследника. И это убийство — основное, исходное событие для развития сюжета драмы. И уже на троне для Годунова наступает нравственное наказание — пробуждается внутренний, обличающий его голос правды, голос совести. Эта идея движется от призвания на царство через кульминацию — знаменитый монолог: «Но счастья нет моей душе» до символической смерти; и она, смерть — закономерный исход кровавого правления Годунова.

В своей «тронной речи» новый правитель заявляет свои права на царство: он «наследует могущим Иоаннам», наследует и «ангелу-царю», Федору Иоанновичу, он имеет «священное на власть благословенье», и он избран «народной волей». Какова эта воля народная, говорит опытный царедворец Шуйский: «А он умел и страхом, и любовью, / И славою народ очаровать». Он же приоткрывает завесу предвыборной кампании: Годунов сам берет власть, «опьяненный» ею, «по милости своей». И кто-то ему в этом помогает: «Собором положили... / Заутра вновь святейший патриарх / В Кремле отпев торжественно молебен...»

Первый помощник — патриарх. Это он ведет «с хоругвями и иконами» московский народ; пастырь ведет свою паству «молить» Бориса. Монах и старец Пимен признается: «Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли». Об убийстве Димитрия знает Шуйский, слышал Воротынский, и этот слух витает в кремлевских палатах. Знает и юродивый Николка, народный глашатай на московских площадях. А знает ли «собор» и сам патриарх о злодействе Бориса? Должен знать. В своей «тронной речи» Годунов дает обещание: «Да правлю я во славе свой народ, / Да буду благ и праведен...» Но появляется самозванец, возникают народные волнения, и царь Годунов должен признать: «Лишь строгостью мы можем неусыпной / Сдерживать народ... Твори добро — не скажет он спасибо; / Грабь и казни — тебе не будет хуже». Пленник так повествует о ситуации в годуновской Москве: «Кому язык отрежут, а кому / И голову — такая, право, притча». И пришло время, когда «На троне он сидел и вдруг упал / Кровь хлынула из уст и из ушей». Годунова переполнила чужая кровь.

Царь, вынужденный «грабить и казнить», побеждает и убивает человека Бориса, его подлинную человеческую сущность, которая и дает человеку счастье. «Царя выносят на стуле...» Был трон, был царь, теперь стул, теперь смерть. Смерть — неизбежна и необходима в жизни человека, она указывает на ценность и значение самой жизни. В самом начале Пушкин называет его по имени — Борис. Но потом он именуется своим титулом — царь, даже среди своей семьи, напутствующей на «свой» трон сына, судьба которого сходна с судьбой царевича Димитрия.

Что же захочет совершить царь перед смертью? Начинают выкрикивать: «За лекарем!», «Скорее к патриарху», «Духовника». Но вот — «Царевича, царевича зовет!» И его обращение к сыну — в основном царское завещание и поучение. «Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны», — пишет Пушкин П.А. Вяземскому 13 сентября 1825 года (XIII, 141). Вся пушкинская трагедия есть по существу «трагедия политическая», в которой отражена «судьба народная, судьба человеческая».

Привычно, на коленях и с плачем, народ встречает весть о согласии Годунова: «Ах, смилуйся, отец наш! властвуй нами!» Формула «Да здравствует Борис!» сменяется зеркально к концу драмы на возгласы «Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий! / Да гибнет род Бориса Годунова!» События повторяют евангельский сюжет с Иисусом Христом: его триумфальный въезд в Иерусалим и его распятие. Финальная

ремарка «Народ безмолвствует» — это обращение автора к самим читателям, к их оценке и их личному ответу на происходящее.

В трагедии появляются еще два царя. Образ Грозного в чем-то противостоит Годунову, который у Пушкина так и не раскаивается. Грозный — «державный государь», ведущий борьбу с врагами ради усиления державы, многих каздивший и убивший, но в келье перед братией он признается и кается: «Вы все — обет примите мой духовный: / Прииду к вам преступник окаянный / И схиму здесь честную восприму». И тут же Пушкин для сравнения переходит к царю Федору Иоанновичу:

Он вздыхал о мирном житие
Молчальника. Он царские чертоги
Преобратил в молитвенную келью;
Там тяжкие, державные печали
Святой души его не возмущали.

Именно у «царя-молчальника» мог появиться «царь-цареубийца». «Бог возлюбил смирение царя / И Русь при нем во славе безмятежной / Утешилась». Такое объяснение дает монах Пимен, сам нашедший в монастыре блаженство. Но вот как объясняет причину «утешения Руси» Годунов, поучая сына: «...Я ныне должен был / Восстановить опалы, казни — можешь / Их отменить; тебя благословят». Это объяснение политическое. И здесь же Пимен рассказывает о чуде с царем Федором на смертном одре:

К его одру, царю едину зримый,
Явился муж необычайно светел,
И начал с ним беседовать Феодор
И называть великим патриархом.

Пушкин сообщает: «И начал с ним беседовать Феодор», — и далее уточняет: «Зане святыи владыка пред царем / Во храmine тогда не находился». В реальности происходило следующее (и для Пушкина это второй и основной план его повествования): Феодор призывал на смертном одре патриарха для принятия схимы, но патриарха возле умирающего царя не оказалось. Где же он был? А возле нового царя, Бориса Годунова. Косвенным подтверждением этого объяснения является сцена смерти самого Годунова. Обращение к сыну он заканчивает словами:

«Всё кончено — глаза мои темнеют / Я чувствую могильный хлад... / Входит патриарх, святители, / за ними все бояре».

Первым входит патриарх. Следом за ним остальные. «Кто там?» — говорит Годунов, а значит, он их не звал. «А! схи́ма... так! святое постриже́нье... / Ударил час, в монахи царь идет — / И темный гроб моею будет кельей...» Значит, патриарх слышал речь царя к сыну и вошел в момент ее завершения. Здесь он рядом с Годуновым, готовый совершить «святое постриже́нье», — но и рядом с новым царем. Таков механизм власти: кто хочет власти, тот должен быть возле нее и помогать ей.

Еще одно чудо описывает Пушкин, и обстоятельно, — в рассказе патриарха. Он у автора лишен имени и называется своим церковным титулом, что знаменательно. Пушкин писал в набросках предисловия к «Борису Годунову»: «...Патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него дурака»¹. Уж никак не «по рассеянности» и никак не «дурака». На вопрос царя, как «смирить безумца», патриарх предлагает: «Сам Бог на то нам средство посылает». Бог нередко, по словам пушкинских персонажей, участвует в судьбе людей: он то гневается и наказывает, то милует и награждает. Бог любит, завещает, приводит, судит, дает. Патриарх рассказывает, как «простой пастух, уже маститый старец» поведал ему свою «тайну». Он «в молодых летах... ослеп»: метафора очевидная — слепой пастух, пастырь. До самой старости он напрасно лечился «и зелием и тайным нашептанием», напрасно ходил на поклоненье к «великим чудотворцам», напрасно «кропил водой целебной темны очи». И тогда: «утратил я надежду», и «снилися мне только звуки»... Пушкину почему-то нужны такие подробности. Странно, что утративший надежду получает исцеление: «в глубоком сне... детский голос» ему говорит (поди ж ты, старец, а слушается «детского голоса»!), чтобы шел он в Углич-град и помолился «над моей могилкой / Бог милостив, и я тебя прощу». Правильнее сказать: «и Бог тебя простит». Простит, должно быть, за грех, за который пастух наказан слепотой «в молодых летах». «Но кто же ты?» — спрашивает он «детский голос» и получает ответ: «Царевич я Димитрий / и я теперь великий чудотворец». Тоже странно: отрок, будто с гордостью, сам называет себя «великим чудотворцем». Пушкин по-литературному юродствует над речью патриарха, строя своего

¹ Пушкин А.С. Борис Годунов / предисл., подгот. текста, ст. С.А. Фомичева; коммент. Л.М. Лотман. СПб., 1996. С. 482.

«дурака». Как пишет он П.А. Вяземскому в том же письме от 13 сентября 1825 года — «Не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее» (XIII, 141). Патриарх подошел к главной цели своего рассказа о выдуманном чуде: Димитрий принят в «лик ангелов», и он «великий чудотворец». Приведенный внуком Иваном «на гроб царевича Димитрия», «перед гробом» он прозревает: «Глаза мои прозрели; я увидел / и Божий свет, и внука, и могилку». Пушкин намеренно меняет церковные священные понятия на обыденные, неоднократно повторяемые «гроб», «могилку». «Глаза прозрели», а «Божьего света», божьей правды пастух не узрел. О чем у могилки убиенного мальчика надо подумать дедушке? Может, о внуке Иване, о его будущем. Для Пушкина как автора-просветителя всегда стоит вопрос воспитания, вразумления, утешения, предостережения от недостойных человека поступков и желаний. «И сведано, что многие страдалцы / Спасение подобно обретали / У гробовой царевича доски». Патриарх у Пушкина сам себя разоблачает в своей речи, что чуда не было, желая новым «чудотворцем» укрепить церковную и личную власть. И автор в начале рассказа приводит слова патриарха о самозванце, которые относятся к нему самому:

Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился:
Но стоит лишь ее раздрать — и сам
Он наготой своею посрамится.

«Притворствоваться пред оглашенным светом / Нам иногда духовный долг велит» — так поучает «духовное лицо», католический *pater*, самозванца. Появляющиеся в драме католический священник и польское общество в чем-то противостоят родному православию и самодержавию, но в чем-то указывают и на их сходство, на связь власти светской и власти духовной.

Патриарх, «святый владыко», узнает о бегстве Григория Отрепьева от «отца игумена». Отрепьев, говорит игумен, «постригся неведомо где», «штался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии». В его словах уничижение своего монашеского достоинства — «штался», а с ним и уничижение чужих обителей, и возвеличивание своей, «моей братии». Замечательна реакция патриарха — что грамота Отрепьеву далась «не от Господа Бога»: «Уж эти мне грамотеи!» В противоположность этим словам Пушкин в уста Годунова вложил

ины: «Учись мой сын, наука сокращает / Нам опыты быстротекущей жизни». Такой прием, как дуализм, или двойственность, в оценке или характеристике некоторых выражений или явлений, позволяющий высечь, подобно искре, определенный смысл, нередко встречается в пушкинской драме. «...что еще выдумал! — продолжает сокрушаться патриарх — буду царем на Москве!» Но и Годунов «выдумал», что будет царем, и стал им, при поддержке патриарха, собора и народа московского. Думается, что понятие «самозванство» у Пушкина расширено, и оно касается всех, кто хочет самолично, для своей пользы, возвеличиться и властвовать над другими. Будучи слугой у пана Вишневецкого, Отрепьев «на одре болезни / Открылся... духовному отцу». Самозванец использовал тайну исповеди, и, должно быть, это же он проделал в кремлевской обители перед игуменом. «Однако нечего царю и докладывать об этом, — продолжает патриарх. — Что тревожить отца государя. Довольно будет объявить о побеге дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву». Позже, после сцены в корчме, Шуйский узнает от Афанасия Михайловича Пушкина новость о появлении в Кракове самозванца и рассказывает ее царю. А значит, беглеца и еретика Отрепьева в корчме разыскивают «приказные» по «указу царя», но по распоряжению патриарха. Заканчивает патриарх тоже примечательными словами: «Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать в Соловецкий на вечное покаяние», — и тут почему-то он спрашивает: «Ведь это ересь, отец игумен?» Патриарх всё хорошо понимает, но хочет услышать от подчиненного подтверждения своему оправданию, и он его получает: «Ересь, святой владыко, сущая ересь». Понятие ереси становится оружием в политической борьбе и в наказании неугодных. И Пушкин указывает на появление несогласия в народе, зреющего протеста, готового вырваться в бунт, как социальный, так и религиозный. После провозглашения анафемы еретiku Гришке Отрепьеву раздаются голоса: «Вот уже им будет, безбожникам». «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит», — таков ответ юродивого Николки.

Обратимся к сцене с юродивым. Его появление предвосхищает восклицание: «Чу! Шум. Не царь ли?» Юродивый Николка сравнивается с царем — и противопоставит ему: они находятся на крайних полюсах иерархической государственной лестницы. Надо ничего не иметь своего — ни жилья, ни одежды, ни пищи, чтобы сметь говорить царям правду. Его имя означает «народный победитель», а его железный колпак-шапка уподобляется вечевому колоколу на соборной площади — «Эк она

звонит!» Старуха — определение уничижительное — только ушедшая с обедни, просит: «Помолись, Николка, за меня, грешную». И что же он отвечает? «Дай, дай, дай копеечку». Он трижды усиливает свое обращение, почти приказывает, чтобы «старуха» подумала и что-то решила в отношении своей молитвы. Но она действует по заведенному правилу и платит за молитву: «Вот тебе копеечка, помяни же меня». Юродивый начинает петь и молиться, но мальчишки отбирают копеечку и убегают. Они действуют, повторяя за взрослыми, у которых так заведено — сильный отбирает у слабого. Молитва не завершена, а старуха ушла — она совершила оплаченный ритуал и, вероятно, осталась довольна. Она попробовала отогнать мальчишек: «Отвяжитесь, бесенята, от блаженно-го». Но воспитывать растущих «бесенят» она не намерена, и потому она «старуха».

Появление Годунова с боярами после службы и с раздачей милостыни — тоже ритуал, внешнее показное действие. Первая реакция бояр на обличение Николкой царя грубая и неожиданная: «Поди прочь, дурак!» Но она указывает на то, что они знают об убийстве царевича, и потому гонят юродивого. Будто спохватившись, они добавляют: «Схватите дурака!» Власть сильна окружением, а им, приближенным и придворным, надо держаться вместе против таких вот «дураков». «Никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат», — пишет Пушкин П.А. Вяземскому около 7 ноября 1825 года (XIII, 240). Но эти «уши» торчат не только у юродивого. Отметим, что Пушкин в летописце Пимене и в юродивом Николке увидел своих предшественников в их общем нравственном и общественном деле. Но быть холопом у самого Господа Бога, как известно, поэт не желает.

Еще один детский образ в трагедии: мальчик, читающий верноподданническую молитву в доме Шуйского перед его гостями. «Ну, гости дорогие, / Последний ковш, читай молитву, мальчик». Хвалебная молитва соединена автором с вином. И в эту хитрую атмосферу политического двуличия (или трехличия?) вовлечен мальчик. Но в произведении упоминаются еще мальчишки. В корчме хозяйка объясняет Отрепьеву: «Будто в Литву нет и другого пути, как столбовая дорога! Вот хоть отсюда свороти влево...» Путь и проходов в Литву несколько — «Да бормо иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино». Чекан — старинное ручное оружие, и часовня на Чеканском ручью может напоминать о пограничных сражениях с надменными соседями и о захоронениях русских воинов. В корчме на

границе будущий самозванец появляется свободным мирянином и под своим именем — Григорий Отрепьев. Но здесь он совершает первое свое преступление, подставляя вместо себя инока Мисаила. Граница государственная оборачивается границей нравственной, за которой начинается лукавая и самозванная жизнь. И хозяйка подсказывает, что именно оставляет помимо своего имени Григорий Отрепьев — Родину, родную землю, за которую сражались его сородичи, и что предаст — передает он на вражеское разорение. «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино...» — говорит, опять про вино, инок Варлаам, вместе с Мисаилом гуляющий по миру и тоже подошедший к нравственной черте. «Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье», — говорит хозяйка, и ей в ответ: «Спасибо, родная, Бог тебя благослови». После часовни идти самозванцу «прямо через болото», а оттуда на Захарьево, продолжает хозяйка, «а тут уж всякий мальчишка доведет до Луевых гор». Луевы горы — плохие горы, последнее препятствие перед Литвой, их надо одолеть, чтобы окончательно потерять себя, свое имя, свое земное и божеское предназначение. В трагедии мальчишки отбирают копейчку, мальчик привычно читает хвалебную молитву, Иван ведет деда и слепого пастыря к могилке. Захаровские мальчишки тоже не прочь подступиться к пограничным Лувым горам. Для них, как мы думаем, это заработок: сопровождать беглецов. А значит, люди бегут из Московского царства к соседям. Раньше сражались, а теперь бегут, бегут к врагам отечества. И Пушкин показывает, какой люд просит у Самозванца службы и милости, ища защиты и хлеба, обрекая царство на смуту и гражданскую войну. Привычно московский служилый Хрущов «бьет челом» и просит Самозванца: «Так, государь, отец наш. Мы твои / Усердные, гонимые холопы».

Григорий Отрепьев, Самозванец — идет следом за Годуновым, и сцена в корчме у границы с первым преступлением следует после монолога Годунова «Мне счастья нет» как предупреждение. Его образ дополняет тот искаженный, преступный нравственный путь, на который они оба вступили. Появляется инок Григорий во время сна, рассказывая свое вещее видение, «бесовское мечтанье»: где он на башне, внизу Москва, «что муравейник», и он падает «стремглав». Пушкин и оставляет самозванца спящим в лесу, как зверя, не достигшего человеческого осознания и ума: «Беспечен он как глупое дитя» — это слова Пушкина-персонажа, хотя автор и предлагает ему иной, праведный путь: «Брат Григорий / Ты грамотой свой разум просветил / Тебе свой труд

передаю». Обращение старца и наставника «брат» — наиболее искреннее и честное в драме.

Наше рассуждение по-своему схематично и не может охватить всех житейских, нравственных, религиозных или эмоциональных переживаний и смыслов, которые есть у пушкинских персонажей. Укажем на тот порыв молодости инока Григория, с отрочества «по келиям» скитавшегося и жаждущего жизни бурной, веселой, счастливой. Пушкин дважды называет его Димитрием, т. е. он наделен способностями и качествами, с которыми мог бы достойно править, может, и царством, но ложные цели и ценности, преступные и обманные средства завели его в жизненный тупик, а его Родину — в Смуту. Еще одна возможность для Григория уйти с самозванного пути — это любовь к Марине Мнишек. «Ночь. Сад. Фонтан» — название сцены романтическое. Но свидание по приглашению Мнишек превратилось в жесткий поединок двух интересов и самолюбий. Самозванец идет на свидание с желанием «обольстить ее надменный ум», назвав «московской царицей». Но «любовь мутит его воображение», и он открывает свое истинное имя и то, что он «бедный черноризец». После обоюдных упреков и угроз, взаимного притворства и, наконец, согласия сцена заканчивается словами: «Змея! змея! — Недаром я дрожал / Она меня чуть-чуть не погубила». Но она его окончательно и сгубила, утвердив на пагубное и погибельное дело.

В Михайловском, в ссылке, в переломный и судьбоносный период, обратившись к истории и Смутному времени, Пушкин, пожалуй, окончательно утвердился в объективном взгляде на жизнь, в реалистичном методе познания и его художественном воплощении, реформируя русскую драматическую сцену, русский литературный язык, утверждая правду и свободу в жизни и в искусстве как важнейшие святыни человеческого существования. Историзм мышления способствовал реализму в творчестве. И теперь с одной стороны главенствует факт как объективное научное знание, а с другой — вымысел, основанный на фактическом или фантастическом материале.

Если драма «Борис Годунов» совмещает оба этих пути творческого существования, открывая основное десятилетие деятельности поэта, то завершение этого периода знаменуется двумя крупными трудами: исторической «Историей Пугачевского бунта» и литературной «Капитанской дочкой» — история и литература, искусство в целом как два столпа, два крыла в становлении гуманитарного, гуманистического мировоззрения личности человека.

**«КОМЕДИЯ О ТРАГЕДИИ»: «БОРИС ГОДУНОВ»
В ТЕАТРЕ «МАСТЕРСКАЯ ПЕТРА ФОМЕНКО»**

В репертуаре театра «Мастерская Петра Фоменко» есть спектакль, который называется «К 90-летию Петра Фоменко. «Комедия о трагедии», созданный по мотивам репетиций Петра Наумовича Фоменко (1932–2012) «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Премьера состоялась 30 июля 2022 года, в год 90-летия Мастера. Спектакль реконструировал из репетиций ученик П.Н. Фоменко актер и режиссер Евгений Цыганов.

Для Фоменко Пушкин был главным автором на протяжении всей жизни. По воспоминаниям друзей, режиссер всегда находился в диалоге с поэтом и восхищался его чувством слова. На центральном телевидении он поставил три телеспектакля по «Повестям Белкина»: «Выстрел» (1981), «Метель» (1984), «Гробовщик» (1991). Режиссер неоднократно обращался к «Пиковой даме» (Центральное телевидение, 1969, 1987; Парижская консерватория, 1994; Театр имени Е.Б. Вахтангова, 1996; ГИТИС, 1988), также поставил «Каменного гостя» со студентами Парижской консерватории (1994); «Египетские ночи» (Мастерская П. Фоменко, 2002). В 2009 году создал свой последний пушкинский спектакль — сценическую композицию «Триптих», соединив три, на первый взгляд, совершенно разных произведения: шуточную поэму «Граф Нулин», маленькую трагедию «Каменный гость» и «Сцену из Фауста».

«Зимой 2010/11 года Петр Наумович собрал своих учеников, актеров и стажеров театра «Мастерская Фоменко», чтобы вместе почитать «Бориса Годунова». Несколько недель шли читки. Дойдя до финала пьесы, Фоменко предложил приостановить работу. А спустя год его не стало...» — сказано в аннотации к спектаклю на сайте театра.

«Сочиняя спектакль, его создатели в чем-то «шли за Фомой», ориентируясь на сохранившиеся в записях описания сцен. А какие-то эпизоды сочиняли самостоятельно. И уже позже, в записях репетиций находили подтверждение тому, что выбранный ими путь — тот самый, по которому десять лет назад предлагал идти Фоменко», — сообщалось в пресс-релизе спектакля.

Режиссер спектакля Е. Цыганов в интервью сказал: «Петр Наумович настаивал на том, что это комедия о трагедии. Говорил о том, что

это жанр и намеренье, он говорил о том, что без комедийного сегодня сложно делать трагедию, потому что чистая трагедия обречена, что есть трагедии, да, их ставят, зритель на них спит, мы должны всё равно искать в этом юмор. Вообще нет как таковой описанной школы Петра Фоменко, но поиск легкого в сложном, глубокого в легкомысленном, казалось бы, это была такая тема всего того, что он делал. Мы попытались найти комедийное в трагедийном и что-то содержательное в каких-то комедийных сценах, которые тоже у Пушкина прописаны. Мы относимся к этому, как к запоздалому студенчеству, может быть. Благо есть возможность быть в диалоге с мастером, меня часто спрашивали: как же вы теперь без мастера? Наверное, это в некотором роде такой ответ, что мы не то чтобы без мастера, мы с мастером в диалоге — пытаемся и слышать, и слушать, и соответствовать. Нам так повезло, что у нас есть камертон». В несостоявшемся спектакле Цыганов должен был играть две роли — Самозванца и воеводу Петра Басманова.

«Комедия о трагедии» — это спектакль в спектакле и о спектакле. В этой постановке зритель чувствует присутствие Фоменко. Происходящее на сцене становится двойным «погружением» в два художественных мира: в мир трагедии «Борис Годунов» Пушкина и в мир репетиции. Даже на афише два профиля создателей (Пушкина и Фоменко) соединены в одну картинку (лицом к лицу) — в диалог.

В основу легли сохранившиеся записи репетиций. Часть комментариев Фоменко участники репетиций сняли на видео, часть записали на диктофон; то и другое сопровождается в спектакле «рукописными» титрами-расшифровкой. На протяжении всей постановки голос Фоменко становится ремаркой к словам и действиям актеров. Он направляет их, наполняя пушкинские строки дополнительными смыслами и подтекстами, объясняет особенности мышления и поведения персонажей, их интонации, рассказывает несколько историй из своей жизни, уходя в философские рассуждения, которые звучат пугающе актуально в настоящее время, рассуждает об истории, эпохах, о пушкинском слого, о власти, о народе, о фашизме, одиночестве, об отечестве. Таким образом зритель превращается в свидетеля тайны рождения спектакля. Замечания, комментарии и размышления Фоменко становятся еще одним героем действия, потому что разыгрываемая на сцене пушкинская трагедия сопровождается, прерывается, преобразуется репликами, звучащими порой провидчески и почти всегда остроумно и парадоксально. Артисты подхватывают указания режиссера, стараются им

следовать. Фоменко руководит действием как режиссер и как собеседник, читающий пьесу.

В спектакле присутствует «человек от театра», который назван Ремаркой. Он в строгом белом костюме. Это театральная метафора пушкинского слова, которая проговаривает авторские ремарки, объявляет эпизоды, ориентирует зрителя в пространстве пушкинского текста. Несколько раз в течение спектакля зритель слышит голос Фоменко, обращенный к артистам: «Не ставьте точку, пожалуйста. Точка — смерть для артиста». Интонация Ремарки всегда восходящая, как будто не доведенная до конца, но ее сразу подхватывают актеры. Ремарка управляет происходящим на сцене, иногда сама удивляется тому, что видит (чем ближе к финалу, тем сильнее). Но, озвучивая текст «от автора» и являясь его своеобразным воплощением, остается «чуждым элементом» событий, оценивая их извне.

Режиссер обращает внимание артистов на первое пушкинское название трагедии: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве». «Даже если комедия здесь означает просто пьесу, текст для театра, — это звучит сильно». Фоменко задумывает «комедию о трагедии» и предлагает так называть спектакль. В самом названии уже заложен смысл и ведущий принцип работы режиссера: «Если не будет комедийного оттенка в этой трагедии, не будет и трагедии». «Не теряйте иронию к себе. Это лучшая защита от критики», — советует режиссер артистам. В спектакле всё пронизано иронией. «Настоящую драму можно ощутить только после того, как вдоволь насмеялся», — говорит режиссер.

Спектакль играется без занавеса. В начале действия по обеим сторонам сцены (справа и слева) стоят гримерные столики с зеркалами и свечами, на заднем плане вешалки-штанкетки с театральными историческими костюмами. Актеры появляются перед зрителями в белом исподнем (мужчины в рубашках и портках, женщины в рубашках до пят) и начинают на глазах зрителей переодеваться в яркие исторические наряды. Перед нами площадной театр и актеры-скоморохи, которые через несколько минут станут героями представления. Зрителю дана возможность увидеть процесс сценических метаморфоз.

Художник спектакля М. Мелешко придумала «помост». В ходе спектакля «помост» будет менять угол наклона, превращаясь в вертикальную сцену, из окна которой появится царь Борис. А сам Фоменко будет наблюдать с черного задника-экрана, на который проецируются

сохранившиеся видеозаписи и рукописные субтитры с текстовой расшифровкой.

Годунов останется в «Комедии...» фигурой умолчания. На сцену во плоти он не выйдет. Он появляется несколько раз. Первый — когда принимает шапку Мономаха: его силуэт можно с трудом разглядеть за спинами простого люда, слышен только текст — первый монолог Бориса («Ты, отче патриарх, вы все, бояре, / Обнажена моя душа пред вами...»). Годунов неуверенно и скорбно дает обет на царствование. Разбирая эту сцену, Фоменко говорит, что Борис не лжет в этот момент и демонстрирует свою слабость как бы назло. Борис в жизни играет, создает в этот сакральный момент образ страдальца перед боярами: «Пусть видят, стервецы, как мне тяжело!»

Второй раз Годунов появляется, заменив в окошке стены-помоста свой парадный исторический портрет. Артист Карэн Бадалов произносит монолог «Достиг я высшей власти...» слабым голосом уставшего человека. Монолог обращен не к зрителям, а к собеседнику — Басманову, который смотрит на него по диагонали снизу вверх. В какой-то момент Годунов снимает шапку Мономаха, плющит ее, расправляет, бьется головой об стену, надевает, затем снова ставит портрет на место вместо себя и исчезает. Портрет Годунова появится еще раз в финале, когда предок Пушкина и участник событий Смутного времени Гаврила Пушкин перевернет его обратной стороной, на которой будет изображен Лжедмитрий I.

Годунов не появляется и в сцене, где народ на ступенях церкви ждет явления царя, отнимая у Юродивого копеечку. Сцена превращается в злой розыгрыш «людей из народа», которые притворяются Борисом, стоя у Юродивого за спиной. У Пушкина Юродивый обвиняет царя в убийстве, отказывается молиться за него и сравнивает его злодеяние с собственным горем: «Зарезать мальчишек, как ты зарезал царевича Дмитрия!» Но у Фоменко этот эпизод превращается в жестокую шутку, розыгрыш блаженного самим народом. Николку задерживают и волокут за слова, которых нет у Пушкина (но есть в арии Юродивого из оперы Мусоргского): «Лейтесь, лейтесь, слезы горькие, плачь, плачь, душа православная. Скоро враг придет, и настанет тьма, темень темная, непроглядная. Горе, горе Руси!» Николку отпускают по просьбе женщины.

Монолог-завещание царя Бориса в финале превратится в письмовскиток, который прочтут Феодор Годунов, бояре, Шуйский, Воротынский, Басманов и патриарх. В остальное время Годунов — парадный

портрет. Другие сцены с Годуновым вырезаны из спектакля, но их отсутствие не замечается.

Народ в спектакле становится главным героем, воплощаясь в пяти персонажах: Баба с ребенком, Мужик, Пьяница, Мальчик и Юродивый. Они слепо подчиняются приказам, верят любой сказанной им лжи и не представляют жизни без руководящей силы. Народ здесь показан как стихия: то он изображает любовь к царю, то молится за царя Ирода, то вовсе отказывается от молитвы.

Для Пушкина народ был фундаментальной категорией в трагедии. Мусоргский, следуя этой традиции, назвал свою оперу «народной драмой». Однако в спектакле линия народа трансформируется в «народную комедию» с элементами скоморошества — колпаками и бубенцами, хождением колесом и распевным чтением стихов. Кульминацией становится сцена с юродивым Николкой.

Фоменко подмечает важное различие: у Пушкина написано слово «народ», но сегодня всё чаще видится просто «население». Население — это лишь совокупность людей на определенной территории, тогда как народ — историческая общность: это понятие гораздо более глубокое, включающее в себя политический, культурный и этнический аспекты.

Самозванца Фоменко характеризует как «вора смерти» и «вора судьбы». Тень убиенного царевича Димитрия будет роковой связью между двумя главными героями драмы — Годуновым и Отрепьевым. Эта невидимая, но неразрывная нить одновременно объединяет и проклиняет их, бросая тень на души обоих.

Самозванец, присвоивший себе чужую судьбу, и Годунов, запятнавший себя преступлением, оказываются зеркальными отражениями друг друга: каждый по-своему становится пленником той самой смерти, которая дала одному власть, а другому — право ее оспорить.

Фоменко в комментариях о роли Самозванца обращал внимание актеров на то, насколько Отрепьев становится волевым в своем стремлении к власти: за полтора года выучил два языка, смог очаровать два народа, принес войну и беду для Московского царства. Самозванец проходит поразительную эволюцию — от робкого инока до величавого государя, чтобы в финале, превратившись в безжизненный парадный портрет (окончательно утратив человеческое измерение), бесследно исчезнуть со сцены. Примечательно, что этот режиссерский ход был заложен самим Пушкиным — поэт намеренно выводит Самозванца из

действия перед кульминацией, словно подчеркивая: его персонаж уже выполнил свою историческую роль, став жертвой собственной трансформации.

Самозванец, по Фоменко, наделен удивительным даром, «феноменом, а не недостатком» — умением чувствовать и переживать поражение так же сильно и восторженно, как победу.

Знаменитая сцена у фонтана — поединок Самозванца и Марины Мнишек — финал первого акта и переломный момент в развитии действия. Вместо традиционных декораций артисты, играющие сподвижников Отрепьева (Курбский, Вишневецкий, Поэт, Казак), превращаются в живой фонтан. Их присутствие нарушает интимность сцены, напоминая зрителю: «Народ всё видит и всё слышит».

Отрепьев произносит реплику: «Вот и фонтан; она сюда придет. Я, кажется, рожден не боязливым...» — но тут раздается голос Фоменко: «Ну, в самом деле, нельзя же так трепетать перед бабой!» Самозванец замирает, собирает волю в кулак — и в этот момент появляется Марина. Фоменко снова вмешивается, на этот раз цитируя строчку из песни А. Галича «Красный треугольник»: «Что он чувствует? А примерно как в песне: «Вот стою я перед вами, словно голенький». Лжедмитрий подхватывает реплику, выхватывает мандолину из «рук» фонтана и начинает петь Марине серенаду — ту самую песню Галича, строку из которой только что процитировал режиссер.

В этой сцене Фоменко произносит ключевые слова о природе актера, который «ничего не стоит без метафизики», и формулирует три составляющих, которые переживает Самозванец в этой сцене: «Любовь. Страсть. Страх».

«Это трудная пьеса, поскольку здесь такая вера в ложь, какая только может быть у власти», — размышляет с экрана Фоменко. Ведь все знают, что «царь ненастоящий», но никакие факты не заставят следовать правде. Лишних людей, препятствия, заставляющие усомниться, можно ликвидировать за ненадобностью, списав на (само)разрушение от естественного хода времени.

Власть и духовенство показаны в спектакле с человеческими лицами: Пимен предстает не как канонический старец-наставник, а как земной человек, помнящий и свои молодые страсти и мечты. Он разговаривает с Отрепьевым без церковного пафоса, с житейской мудростью.

Бояре — Шуйский и Воротынский — обсуждают судьбу государства и варианты развития событий по-простому, как обычные люди,

в бане. Поляки демонстрируют тонкое понимание силы слова, владея пропагандой как искусством. А в центре — Самозванец, уверенно идущий к своей цели.

Это не только «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве», но, прежде всего, трагедия власти и совести. «Как всё повторяется в разных аллюзиях, в разных контекстах повторяется...» — говорит Фоменко.

В спектакле реализована концепция двойничества — почти каждый актер исполняет несколько ролей, создавая систему зеркальных отражений. Ключевые парные образы: Пимен / Pater / Царь (единая триада власти духовной и светской), Шуйский / Юрий Мнишек (две стороны политической интриги), Воротынский / Вишневецкий (русский боярин и польский магнат), Юродивый / польский Пиит (голос правды в разных ипостасях). Наиболее парадоксальная пара — Марина Мнишек и Федор Годунов, соединяющая жертву и косвенно палача в одном актерском воплощении.

У Самозванца в режиссерской постановке Цыганова нет сценического двойника, хотя на репетициях Фоменко рассматривал вариант пары с Басмановым. Такая система ролей превращает спектакль в сложную зеркальную галерею, где каждый персонаж обретает дополнительную глубину через своего «двойника».

Фоменко, следуя пушкинской традиции, выводит в спектакле два нравственных центра: юродивого Николку и царевичей — Димитрия и Федора. Эти образы объединены трагической чистотой. Царевичи — невинные жертвы политических интриг, тогда как Юродивый, по словам режиссера, становится носителем подлинной душевной боли. «Только у душевнобольного есть душа, и она болит», — заключает Фоменко.

В спектакле создана красивая световая партитура. «Свет должен быть очень сложным, но чтобы эта сложность была не видна», — отмечает режиссер.

Музыкальность была важнейшей составляющей всех спектаклей Фоменко. Для него имел значение не только собственно смысл слова, но и его звучание, интонация. В «Борисе Годунове» эта концепция нашла особое воплощение: вместо условного театрального «бом» (изображение звука колокола во время репетиции) на сцене зазвучали настоящие колокола. Первоначально режиссер сомневался в осуществимости этой идеи — слишком сложно и дорого. Однако в итоге на сцене появилась звонница из пяти колоколов. Этот акустический образ стал важнейшей

частью звуковой партитуры спектакля. Актерам режиссер говорит: «Не играй в пол и не ставь точки! Точек вообще не должно быть, фраза стремится, летит, живая, как моль — до аплодисментов, когда ее захлопают насмерть!..»

Музыкальный лейтмотив спектакля — тема «Зорю бьют» из хорового концерта «Пушкинский венок» Г.В. Свиридова. Под общий вокализ начинается монолог Пимена: «Еще одно, последнее сказанье...» — и этой же музыкальной темой он заканчивается. Под эту музыку в самом финале «Комедии...» артисты замирают, вглядываясь в закуривающего на видео Фоменко, нарастает фоном гул спорящих актерских голосов, из которых постепенно, никого не перекрикивая, выделяется голос Евгения Цыганова.

Е. Цыганов поставил спектакль прежде всего про любовь: «К театру вообще и к нашему театру в частности. Про любовь к Мастеру и про любовь Мастера к слову, к Пушкину, к стране нашей многострадальной, к ее истории и к своим ученикам».

«Комедия о трагедии» — это больше чем спектакль. Это мост, перекинутый через время, и найденная форма продолжения диалога с Учителем. Мастерская П. Фоменко создала не реконструкцию, а живую, дышащий спектакль, где дух Мастера становится полноправным действующим лицом. Через иронию, скоморошество и «площадной» театр артисты выходят к самой сути пушкинской трагедии — к вопросу о вечном круговороте власти и лжи, о трагической разобщенности народа и правителя, о муках совести. Этот спектакль доказывает, что школа Мастера жива не в застывших догмах, а в самом методе: в поиске «легкого в сложном и глубокого в легкомысленном». И главный итог — зритель уходит не с чувством безысходности, а с ощущением причастности к тайне, став свидетелем того, как искусство способно побеждать самое неумолимое — время и забвение.

ЗИМА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

В пору михайловской ссылки, включаясь в обсуждение актуальной в то время в русской критике проблемы народности, Пушкин пишет статью «О народности в нашей литературе», оставшуюся в наброске. Он приходит к выводу, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу»¹. В этих пушкинских выводах понимание народности основывается на фундаментальных понятиях, определяющих сущностные особенности жизни и характера русского человека: климат, власть, вера, проявление чувств, обычаи и привычки. Всё то, что делает русского человека русским.

Климат, в котором живет человек той или иной национальности, для Пушкина — первое фундаментальное понятие при осмыслении народности творчества. Такое понимание связывает его с французской философией — в лице Монтескье, полагающего, что «царство климата является первым из всех царств, и нравы, действия и законы без всяких исключений подчиняются ему»², или в лице Фонтенеля, которому было ясно, что различия в климате «должны оказывать определенное влияние на всё, вплоть до мозга», а идеи, как и растения, произрастают «совсем не одинаково хорошо в различного рода климатах»³.

Даже нравственное начало в человеке, по мнению Монтескье, зависит от климата. По его мнению, «в северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямотушия. По мере удаления к югу вы как бы удаляетесь от самой морали... В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость»⁴.

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 28–29. Далее Пушкин цитируется по этому изданию.

² Цит. по: Богданов К.А. Климатология русской культуры. Prolegomena // НЛО. 2009. № 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

Об этом же говорили английские философы. Например, «лорд Бэкон заметил, что жители Юга изобретательнее жителей Севера, но что, если уроженец холодного климата гениален, он поднимается на бо́льшую высоту, чем та, которая может быть достигнута южными умами»⁵. Такие суждения философов XVIII века о влиянии холодного климата на нравственность и талант человека были Пушкину, по всей вероятности, известны и не прошли мимо его внимания.

Зима с холодами, снегами, морозами — время года, характерное для России. Не случайно расхожим в европейской литературе XVIII века был образ заснеженной и дикой России. В западноевропейской литературе пушкинского времени нет зимы в нашем бытовании и представлении. Впервые образ зимы Пушкин воплощает в романе «Евгений Онегин» в пору михайловской ссылки, соизмеряясь с фольклорной традицией, по которой зима — это большуха, это дородная, видная, сильная женщина. Несмотря на суровые морозы, снега, холодные ветры, в ней присутствует женское начало. Сравните у Пушкина: «матушка зима», «зима старуха».

Русский человек принимает особенности зимнего климата как естественные, гармонично живет и трудится в нем, умеет совладать с морозами, снегами и ветрами. Картин зимнего быта в романе достаточно много: «На утренней заре пастух / Не гонит уж коров из хлева», «В избушке распевая, дева / Прядет и, верный друг ночей, / Трещит лучинка перед ней», «Вот бегают дворовый мальчик, / В салазки жучку посадив», «Бразды пушистые взрывая, / Летит кибитка удалая, / Ямщик сидит на облучке, / В кафтане, в красном кушаке» и т. д.

Русская зима может вызывать как эмоции радости и восхищения, так и эмоции грусти и печали, тревоги. В четвертой главе, например, картина начала зимы изображена как время испытаний человека, зверей и животных:

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный

⁵ Цит. по: Богданов К.А. Климатология русской культуры. Prolegomena.

Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;...⁶

Но мороз и солнце зимой веселят и дают силы, придают радость
обычному дню:

Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;...⁷

Зимой в России празднуют главные церковные праздники: Рождество и Крещение, готовясь к ним постом. На зиму приходится и Великий пост перед Пасхой, которая бывает весной. Зимой празднуются также народные праздники: Святки, которые начинаются в канун Рождества и проходят до Крещения, Масленица, после которой начинается Великий пост.

Церковные и народные праздники порождают зимой в России интенсивную внутреннюю жизнь, приближают русского человека к смыслам и тайнам жизни. В романе Пушкин подробно изображает гадания в Святки на суженого, которые были приоритетом для женщины, были связаны с тайнами ее души и самым сокровенным. Автор подробно говорит о гадании Татьяны.

Ее глазами показана зима и зимняя жизнь, через ее чувства они восприняты читателем. Создавая образ русской зимы, Пушкин не только изображает пейзажи, но говорит о бытовых, физических, нравственных испытаниях человека, о жизни его души и духа.

В качестве эпиграфа к первой главе романа он использует строку из стихотворения Вяземского «Первый снег»: «И жить торопится, и чувствовать спешит». М.Н. Эпштейн считает, что «первооткрывателями национального пейзажа в русской поэзии явились сразу два поэта: А. Пушкин и П. Вяземский»⁸. Эпиграф к первой главе, действие которой происходит в Петербурге, относится к главному герою. Восприятие же в ней снега и зимы Пушкин отдает Автору:

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. С. 81.

⁷ Там же.

⁸ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» М., 1990. С. 158.

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтинка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный.
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *vasisdas*⁹.

Онегин, возвращаясь полусонным с бала, не видит того, что видит и о чем говорит Автор. К нему описания зимы с трудовой жизнью простолюдинов, их бытом, с хрустящим снегом под ногами, морозным «дымом голубым» не относятся. В первой главе к нему относится лишь строка: «Морозной пылью серебрится / Его бобровый воротник», в которой упоминается зима как время действия, при этом герой не включен в ее восприятие.

Начало пятой главы, написанной в псковской деревне, посвящено подробному описанию зимы. Ее картины находятся в поле восприятия Татьяны и Автора, и зиму читатель видит их глазами. В ее картину включены их мироощущение и мироотношение. У них зима вызывает эмоцию радости и даже восторга:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,

⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. С. 21.

На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом¹⁰.

Картина зимы праздничная. Как считает исследователь, «зима, снег у Вяземского и Пушкина не усыпляют, но зовут к пробуждению, а бодрственное состояние... состоит в четком различении «я» и «мира», которые не сливаются в смутной и зыбкой дремоте, но как бы постоянно расподобляются: мороз вызывает в теле прилив крови, румянец на щеках, жажду движения, резвость и резкость во всём, спешку жить»¹¹. Действительно, Автор и героиня живут в ожидании зимы. И наконец они видят картину ее торжества, ее красоты, чистоты и праздника. Они оживают в первый зимний радостный день («Сорок веселых на дворе»).

Героиня органично живет в пространстве зимы и любит ее. Пушкин об этом прямо и подробно говорит:

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарю поздней
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали...¹²

Пушкин называет героиню простонародным именем Татьяна, у нее «веселый праздник именин» в январе. Тогда же в доме Лариных празднуют христианские праздники Рождество и Крещение и одновременно

¹⁰ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. С. 86.

¹¹ Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...» С. 158.

¹² Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. С. 87.

народные Святки. Татьяне, как и служанкам, Святки — это и радость, и тайный ужас, когда она ворожит «по совету няни», исполняя условия гадания. В морозную ночь она слышит хор небесных светил, чувствует себя в гармонии с миром. В эту пору всё дышит поэзией и всё глубоко связано с традициями русской жизни, которые для нее органичны: они хорошо усвоены, нужны душе, отвечают ее человеческому существу.

Зима — время интенсивной внутренней жизни Татьяны, когда «образ мыслей и чувствований» отвечают ее вере и «тьме обычаев, поверий и привычек», свойственных народу, о чем писал Пушкин. В отличие от Татьяны Ленский и Онегин живут вне мира природы. Их дуэль происходит за деревенской мельницей, но о природе герои и Автор не говорят.

В преддверии именин Татьяна видит вещий сон, о котором писали многие исследователи. Обратим внимание на выводы В.М. Марковича¹³ и Ю.М. Лотмана¹⁴. Они считают, что «сюжет «Сна» во второй части понимается как анти-свадьба, свадьба-похороны. О мотиве смерти во сне и в романе говорит С. Сендерович, который полагает, что «две смерти Ленского поражают своим взаимным несоответствием, расхождением... Смерть Ленского на дуэли принадлежит внешнему плану героино-событийных отношений... Смерть же Ленского во сне Татьяны относится к плану внутренней жизни героини романа»¹⁵.

Если в плане событий романа смерть Ленского изображена без упоминания природы, то во сне Пушкин подробно описывает картину зимнего леса, предшествующую сцене смерти героя. Согласимся с С.Г. Бочаровым, который говорит о гадании и сновидении как «формах откровения о будущем и о скрытых возможностях»¹⁶, в этом эпизоде заключенных в изображении природы, относящейся к сокровенной жизни героини.

Картину леса со «снеговой поляной», где «недвижны сосны / В своей нахмуренной красе; Отягчены их ветви все / Клоками снега», где «до-

¹³ *Маркович В.М.* О мифологическом подтексте сна Татьяны // *Болдинские чтения.* Горький, 1981. С. 75.

¹⁴ *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 271–272.

¹⁵ *Сендерович С.* Две главы о «Евгении Онегине» // *Russian Language Journal.* 1. Vol. XLIII. № 144. P. 238.

¹⁶ *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 22.

роги нет», видит окруженная «печальной мглой» Татьяна. Она идет по этому лесу, явно враждебному ей. Картина зимнего леса неподвижна, сурова и полна безысходности: «Дороги нет». Так чувствует Татьяна. Но не ее, а Ленского ждет смерть. Как отмечают исследователи, «мифологема зимы в русской культуре является одной из наиболее распространенных реализаций архетипа «смерти», несущего в себе прежде всего символическое значение конца»¹⁷.

Мотив безысходности и смерти в зимнем пейзаже снова повторится у Пушкина в стихотворении первой болдинской осени «Бесы». Из современных Пушкину поэтов образ зимы как образ жестокого холода, несущего смерть, присутствует в поэме Е. Баратынского «Эда» 1824 года:

Сковал потоки зимний хлад,
И над стремнинами своими
С гранитных гор уже висят
Они горами ледяными.
Из-под одежды снеговой
Кой-где вставая головами,
Скалы чернеют за скалами.
Во мгле волнистой и седой
Исчезло небо. Зашумели,
Завыли зимние метели¹⁸.

Такое романтическое описание зимы предшествует смерти Эды, покинутой неверным возлюбленным.

Мотив смерти при изображении зимы характерен в западноевропейской литературе. Можно говорить о том, что Пушкин ассимилирует поэтические открытия русских поэтов: Вяземского, у которого появился реалистический пейзаж зимы, и романтика Баратынского — и достижения западноевропейских авторов, соизмеряясь с ними и вырастая в мирового художника.

В романе зима объединяет персонажей в мировосприятии, открывает русский народный мир в его широте и многообразии: в картинах

¹⁷ Бурдина С.В., Мокрушина Е.А. О семантике образов «зимнего» ряда в поэзии А. Ахматовой // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 1 (7) [Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semantike-obrazov-zimnego-ryada-v-poezii-a-ahmatovoy/>].

¹⁸ Баратынский Е.А. Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 320.

физической, бытовой, трудовой жизни, в его душевном и духовном движениях, иногда на пике этих движений. Не случайно зимой в жизни главных героев романа происходят судьбоносные события: Онегин убивает Ленского, на ярмарке невест Татьяна обретает мужа, между Онегиным и Татьяной происходит объяснение.

По евангельскому календарю романа, прослеженному В.А. Кошелевым¹⁹, написание письма и свидание Онегина с Татьяной происходят на исходе зимы в страстную неделю перед Пасхой: «...в воздухе нагретом / Уж разрешалася зима». Влюбленный в Татьяну Онегин проводит зиму взаперти и пишет ей письмо о своей любви, осознавая прежние проступки, как будто очищаясь от них. Онегин зимой получает новые жизненные возможности, а Татьяна утверждает в своем выборе. В романе зимой определяются жизненные пути героев. И невольно вспоминаешь утверждение Монтескье о зависимости нравственности человека от климата, в котором он живет.

Но и православный календарь в романе Пушкина может объяснить характер поведения героини и логику ее поступка. Поведение и ответ Татьяны в страстную неделю обусловлены ее духовной сущностью. Она — «милый идеал» Автора, живущий в суровом зимнем климате. Впервые изображая русскую зиму, Пушкин в центре романа поставил героиню, которая во всей полноте может ее видеть, чувствовать, гармонично в ней жить. Пушкин также впервые в русской литературе создает разносторонний художественный образ русской зимы, когда более полно проявляются свойства ее бытования в России: фольклорная стихия, особый крестьянский и дворянский быт, душевная и духовная жизнь человека и зимнее проживание животных. В результате такого смыслового наполнения образ приобретает значение зимнего бытия России.

Читатель общается к нему через таинственную атмосферу «крещенских вечеров» и святочных гаданий, солнечные морозные утра и «сиянье розовых снегов», через «зарю во мгле холодной», сценку про гуся «на красных лапках» или голодную волчицу и т. д. Национальное бытие глубоко познается именно зимой, которая может выявить особое

¹⁹ Кошелев В.А. Евангельский «календарь» пушкинского «Онегина» (к проблеме внутренней хронологии романа в стихах) // Киберленинка: научная электронная библиотека [Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/evangelskiy-kalendar-pushkinskogo-onegina-k-probleme-vnutrenney-hronologii-romana-v-stihah/>].

состояние души, духа и сущность характера Татьяны, Автора, ямщика, который «сидит на облучке», дворового мальчика, которому «мать грозит в окно», девы, которая «распевая, прядет», и вместе с тем объяснить их национальную принадлежность. Потому что поэт, по словам Н.В. Гоголя, «тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа», когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»²⁰.

²⁰ Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М., 1967. С. 70.

ПЕРВЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ А.С. ПУШКИНА
«ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ»
И ЗАГАДКА ЕГО ПОСВЯЩЕНИЯ П.А. ОСИПОВОЙ¹

Одним из первых крупных произведений, написанных Пушкиным вскоре после приезда его в 1824 году в Михайловское, был цикл «Подражания Корану». Что заставило поэта, оказавшегося в русской деревне, взиравшего на русскую природу, общавшегося с русскими крестьянами и слушавшего сказки своей няни, каждая из которых «поэма», обратить свой взгляд к Востоку? И почему этот ориенталистский цикл оказался посвящен тригорской соседке Пушкина П.А. Осиповой-Вульф?

В своей программной статье барон Н. Врангель одним из первых обратил внимание на некоторую двусмысленность русской усадебной культуры. «Странное дело, — писал он, — но в этой повести о прошлом какая-то особенная, может быть, только нам одним, русским, понятная своеобразная прелесть; прелесть грубого лубка, чудо простонародной русской речи, сказка песен, пропетых в селе, ухарство русской пляски. Всё — на фоне античных храмов с колоннами, увенчанными капителями ионического, дорического или коринфского ордера. Пляска русских босоногих малашек и душек в «храме любви», маскарад деревенских парней в костюмах богов и богинь древности. Или где-нибудь в Саратовской или Симбирской губернии — *девки-аранки с восточными опахалами* (курсив автора) на фоне снежных сугробов. Что может быть нелепее и забавнее, печальнее и умнее?»²

Говоря о филоориентализме, маркировавшем в целом и европейскую, и русскую культуру, в том числе и усадебную, не следует забывать и о том, что усадьба (как, собственно, и город) есть особого рода пространство, принципиально открытое синтезу европейской и восточной культур. Особенность эту можно было бы определить как не-

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П [Электронный ресурс: <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>].

² Врангель Н.Н. Старые усадьбы. Очерки истории русской дворянской культуры. СПб., 1999. С. 26–27.

кую изначально присущую усадьбе претензию на всемирность. Являя собой вполне конкретный локус, обладая границей, оградой (само слово «усадьба», как, собственно, и слово «город», происходит от глагола «усаждать» — обнести границей), усадьба пытается эту границу одновременно и удержать, и размыть, вобрав в себя мир или же заменив мир собою (что порой оказывается почти эквивалентным). Подобно тому, как остроумный П.А. Вяземский заметил однажды, что «Америка, Африка, Азия, куда Вольтер переносил свои драматические сочинения... не выдавались из ограды Парижских застав», а лирический герой В. Гюго (цикл «Восточные мотивы», 1829), глядя в окна парижского дома, прозревал в Париже Восток и восточную культуру, усадьба — своей архитектурой, внешним и внутренним убранством, развешенными по стенам гравюрами и картинами, высаженными в парке цветами — позволяла, не выходя за очерченные границы, путешествовать по миру (*orbi*). Путешествие это могло включать в себя в равной степени и Запад, и Восток, а порой и то и другое. Собственно, именно с этим связаны характерные для русского усадебного быта случаи уподобления русских усадеб как западному образцу, так и восточному. И наряду с загородными домами «во французском вкусе», «палладианскими дворцами на гальский лад», так называемым русским Версалем, мы имеем, например, и подмосковное Кайнарджи — бывшее имение Троицкое, в десяти верстах от Кускова, куда Екатерина II приезжала праздновать Кючук-Кайнарджийский мир и повелела переименовать имение в память того, что здесь среди роскошного пира не был забыт и мир с турками³.

Но Михайловское было имением сугубо русским, с некоторым, правда, европейским налетом (сад в голландском стиле), и с явно русской ономастикой, в которой ничего не было от характерных Монплезира, Парадии, Монмари и проч. Ничего восточного не было также в облике усадьбы Тригорское соседей Осиповых и Вульфов, которая стала для Пушкина в годы ссылки вторым домом. В отличие, может быть, от соседнего Петровского, родового имения Ганнибалов, в котором до 1825 года проживал двоюродный дед А.С. Пушкина Петр Абрамович Ганнибал, заведя там, по восточному обычаю (!), себе гарем⁴. Так почему же самое свое восточное по духу и стилистике произведение,

³ Дмитриева Е., Купцова О. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М., 2008. С. 23.

⁴ См.: Козмин Б. Из рода Ганнибалов. М., 1997.

которое критики впоследствии нередко сравнивали с «Западно-восточным диваном» Гете, а именно стихотворный цикл «Подражания Корану», Пушкин пишет именно здесь, вскоре после своего приезда в ссылку, работая над ним с 26 сентября по 29 ноября 1824 года⁵, — и посвящает его своей тригорской соседке Прасковье Александровне Осиповой-Вульф («П.А. Осиповой»)?

Разумеется, для Пушкина восточная тематика была не новой. Существует мнение, что знакомству Пушкина с Востоком, его поэзией еще в лицейские годы способствовал журнал «Вестник Европы», публиковавший начиная с 1811 года переводы из персидской и арабской литературы⁶. В 1818 году журнал «Вестник Европы» опубликовал статью Сисмонди «О литературе арабской», в которой большое место было уделено поэтике арабских сказок «1001 ночи». С их вольным переводом, выполненным А. Голланом, как и с французскими переводами и переложениями газелей Хафиза и «Завещания» Саади Пушкин скорее всего также мог познакомиться в лицейские годы. Сюда следовало бы добавить чтение восточных повестей и драм французских авторов — Вольтера, Монтескье, знакомство с оперой Моцарта «Похищение из Сераля», написанной на тему Востока, с балетами Шарля Луи Дидло на темы восточных сказок («Халиф Багдадский», «Ханзи и Тао» и другие⁷). Важным источником сведений о Востоке, его культуре и литературе для Пушкина был и домашний, хотя и недолго просуществовавший, театр графа В.В. Толстого, который находился в Царском Селе и который посещали лицеисты. На сценах его разыгрывались спектакли на восточные темы, и он же упоминается в стихах Пушкина 1813 года «К Наталье» (крепостной певице Толстого) и в стихах 1815 года «К молодой актрисе».

Важным было для Пушкина также и общение с его лицейским другом В.К. Кюхельбекером, который позже в своей знаменитой, хотя и обруганной критиками статье 1824 года «О направлении нашей поэзии,

⁵ Пушкин А.С. Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). СПб., 2019. С. 578.

⁶ Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. М., 1974. С. 11–18.

⁷ Балеты Дидло Пушкин дважды упоминает в «Евгении Онегине», сначала в собственной оценке («Там и Дидло венчался славой, / Там, там под сению кулис / Младые дни мои неслись»), а затем в оценке Онегина («Балеты долго я терпел, / Но и Дидло мне надоел»). См.: *Томашевский В.Б.* Пушкин (1813–1824). Кн. 1. М. ; Л., 1956. С. 263.

особенно лирической, в последнее десятилетие» (Мнемозина. 1824. Ч. 2) будет говорить об обращении к восточной поэзии как актуальной задаче русской литературы⁸.

Восточный след исследователи с разной степенью достоверности обнаруживают и в других произведениях Пушкина лицейского и раннего петербургского периода: армянское предание, которым Пушкин будто бы воспользовался при написании «Гавриилиады»⁹; поэму Фирдоуси «Шахнаме», следы которого обнаруживаются в поэме «Руслан и Людмила», частично — через текст-посредник, которым была «Поэма о Еруслане Лазаревиче», сама представлявшая собой переделку отдельных эпизодов из «Шахнаме»¹⁰.

Поэтические впечатления от встречи с «живым Востоком» находят отражение в кишиневско-одесский период в южных поэмах, ставших в русском сознании своего рода аналогом и заместителем восточных поэм Байрона¹¹. Запад (Европа), олицетворением которого предстает пленник, и Восток (черкешенка) сталкиваются в поэме «Кавказский пленник». С эпиграфа, заимствованного из изречений Саади, начинается поэма «Бахчисарайский фонтан» («Многие, так же как и я, посещали сей фонтан, но иных уже нет, другие странствуют далече»). Однако восточная поэма «Бахчисарайский фонтан», как и «Кавказский пленник», была порождена, при всех иных литературных и прочих импульсах, конкретными крымскими впечатлениями. В Михайловском же всё происходило наоборот: восточный сакральный текст становится в это время заместителем «живых впечатлений», но очень важным (виртуальным) поводом для разговора о глубинных проблемах пушкинского бытия.

Автор первой критики на «Бахчисарайский фонтан» М.М. Карниолин-Пинский, отмечая удачу Пушкина в воспроизведении восточного колорита в поэме, писал: «...стихи... проникнуты духом восточных обычаев и цветут азиатскою роскошью, подчиненною законам

⁸ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи / изд. подгот. Н.В. Королевой, В.Д. Раком. Л., 1979. С. 456–457.

⁹ Гулянян С.А. К вопросу об источниках «Гавриилиады» // Пушкин и литература народов СССР. Ереван, 1975. С. 383–401.

¹⁰ Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина: дисс.... на соискание ученой степени канд. филол. наук. Душанбе, 2000. С. 42–44.

¹¹ См.: Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин: из истории романтической поэмы. Л., 1924.

образованного вкуса». Примечательно, что данный, чуть ли не единственный в то время отклик невольно «воспроизвел» требование, которое сам Пушкин предъявит к изображению Востока, объясняя, почему восточным поэмам Томаса Мура он предпочитает Байрона. «Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — писал Пушкин Вяземскому в письме от конца марта — начала апреля 1825 года уже после того, как «Подражания Корану» были написаны, — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранять вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч.» (XIII, 160).

Авторы, которых Пушкин назвал Вяземскому, были основными, кто задавал уже в 1820–1830-е годы в России моду на ориентальную тему¹². И именно восточная поэма «Лалла-рук», французский перевод которой он прочел еще в 1821 году (ее переведет позже на русский язык В.А. Жуковский), послужила ему одним из первых источников его знакомства с Кораном (цитаты из Корана приводились Муром в многочисленных авторских примечаниях).

Дискуссионным остается вопрос, мог ли хотя бы отчасти инспирировать обращение Пушкина к Корану «Западно-восточный диван» Гете (1819). А ведь друг Пушкина Кюхельбекер, к мнению которого он прислушивался, составил в 1825 году краткий конспект, содержащий имена, хронологические даты и заметки для памяти об арабской и персидской поэзии, извлеченные из исторического аппарата к стихотворениям «Дивана»¹³. И хотя сам конспект относится к чуть более позднему времени, вполне возможно, что какие-то разговоры о «Западно-восточном диване» между Пушкиным и Кюхельбекером шли еще в лицейские годы.

В Записной тетради Пушкина стихи цикла «Подражания Корану» соседствуют с беловым с поправками автографом стихотворения

¹² Осенью 1824 года, когда Пушкин работал над «Подражаниями...», вышел, в частности, сборник А.А. Шишкова «Восточная лютня». Библиографию «восточных стихотворений» в русской печати 1820–1830-х годов см.: *Тартаковский П.И.* Русская поэзия и Восток. 1800–1950: опыт библиографии. М., 1975.

¹³ *Востоков А., Кюхельбекер В., Розен Е., Тютчев Ф., Огарев Н., Чернышевский Н., Толстой А.* Неизданные переводы из Гете // Литературное наследство. Т. 4/6. М., 1932. С. 663–665.

«К морю», наброском «Как узник, Байроном воспетый...» (рядом со стихотворением на левом поле — рисунок: ноги в восточных шароварах), черновым автографом ХLI строфы третьей главы «Евгения Онегина», автографом «Разговора Книгопродавца с Поэтом»¹⁴, что позволяет хотя бы отчасти восстановить мыслительный и творческий контекст работы Пушкина над циклом: Крым, судьба Наполеона, русская деревня, миссия поэта и бытовые условия его существования.

При этом известно, что в истории творческих интересов Пушкина в михайловский период работу над подражаниями священной книге мусульман сменил интерес Пушкина к библейским текстам. Пытаясь найти адекватные поэтические средства (прежде всего лексико-фразеологические) для воспроизведения «восточной», мусульманской экзотики, Пушкин одновременно экспериментирует с поэтикой высокой духовной лирики (к середине 1820-х годов она снова оказалась востребованной, пример чему являет Ф. Глинка¹⁵). Впрочем, обращение к библейской образности и стилистике могло быть подсказано и самим текстом Корана, в котором содержится немало заимствований из библейских книг и отсылок к ним, о чем писал в предуведомлении и русский переводчик Корана М.И. Веревкин (1732–1795), переводом которого пользовался Пушкин («Слог Аль-Корана везде прекрасен и текущ, паче же на местах подражательных речениям пророческим и стихам библейским»¹⁶).

Как уже отчасти было сказано, в изданиях «Стихотворений» Пушкина 1826 и 1829 годов «Подражания Корану» печатались с посвящением «П.А. Осиповой», соседке Пушкина и хозяйке соседнего имения Тригорское. Сам факт этого посвящения в исследовательской литературе объясняется, как правило, двумя факторами: тем, что русский перевод Корана, сделанный Веревкиным, Пушкин мог найти в библиотеке Тригорского (предположение, на самом деле, гипотетическое, описанием этой библиотеки, сделанным Б.Л. Модзалевским, по необходимости неполным, не подтвержденное¹⁷). Второе гипотетическое объяснение

¹⁴ Пушкин А.С. Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 577, 579, 580.

¹⁵ См. подробнее: Бодрова А.С. Подражания Корану // Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 4: П—Р. СПб., 2020. С. 193.

¹⁶ Фомичев С.А. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла // Временник Пушкинской комиссии, 1978. Л., 1981. С. 22–45.

¹⁷ Модзалевский Б.Л. Поездка в с. Тригорское в 1902 году // Пушкин и его

основано на том, что по крайней мере какая-то часть «Подражаний Корану» создавалась в сентябре — ноябре 1824 года непосредственно в Тригорском, где Пушкин после ссоры с отцом, Сергеем Львовичем, согласившимся стать «попечителем» сына, проводил большую часть времени.

Но задумаемся: могло ли только это — физическое пребывание в Тригорском в период создания «Подражаний Корану» и гипотетическое чтение Корана в переводе Веревкина из библиотеки Тригорского — стать причиной посвящения Осиповой такого важного для Пушкина поэтического цикла? Осипова, которую Пушкин в 1819 году называл с юношеской беспечностью «милой старушкой», безусловно становится в 1824 году близким для него человеком. Ей в михайловский период Пушкин посвятит предельно автобиографическое стихотворение «Презрев и голос укоризны» (датировано последними числами октября 1824 года), замысел которого был связан с планами побега Пушкина за границу.

П.А. Осипова тогда вмешалась и в конфиденциальном письме к Жуковскому от 22 ноября 1824 года попыталась Пушкина защитить: «Если Алекс[андр] должен будет оставаться здесь долго, то прощай для нас русских его талант, его поэтический гений, и обвинить его не можно будет. Наш Псков хуже Сибири, а здесь пылкой голове не усидеть... Если вы думаете, что воздух и солнце Франции или близь лежащих к ней, через Альпы, земель полезен для русских орлов, — и оный не будет вреден нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вечною тайною. Когда же вы другого мнения, то подумайте, как предугадать отлет»¹⁸. В этом контексте представляется значительным (хотя и слабо верифицируемым) рассказ А.Н. Вульфа, сына Осиповой, о том, что Пушкин собирался бежать из России под видом его крепостного слуги¹⁹.

Осиповой-Вульф было посвящено и стихотворение под заглавием «П.А. О<сиповой>» («Быть может, уж недолго мне...») (1825), автограф которого без заглавия, но с пометой под текстом: «С<ело> Михайлов-

современники. СПб., 1903. Вып. 1. С. 19–52; см. также: *Мальцева Т.Ю.* Пушкин — читатель тригорской библиотеки // Пушкинский сборник. Псков, 1962. С. 33–43.

¹⁸ Впервые напечатано в: Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2361–2362.

¹⁹ *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское: биографические исследования и заметки о Пушкине / вступ. ст., сост. и примеч. С.В. Березкиной. СПб., 2008.

ское. 25 июня 1825» был записан в так называемый большой альбом П.А. Осиповой, местонахождение которого ныне неизвестно²⁰. В нем тоже речь шла о поэтическом побеге — но на этот раз не тайном: весной Пушкин отправил на высочайшее имя прошение о позволении ему выехать в Европу для лечения аневризмы. Это позволение он так и не получил (ему было рекомендовано лечиться в Пскове), однако послание «П.А. Осиповой» создавалось в ожидании ответа, когда отъезд еще казался возможным.

Еще одно стихотворение, посвященное Пушкиным Осиповой в михайловский период и содержащее дату «1824 г.» (хотя, возможно, написанное позже), — «Цветы последние милей...», копия которого имеется в альбоме-футлярчике П.А. Осиповой с пояснительной пометой над текстом ее рукой: «Стихи на случай в позднюю осень присланных цветов к П<ушкину> от П<расковьи> О<сиповой>»²¹. Стихотворение загадочное, по сути, признание в любви, модальность которого не раз вынуждала и мемуаристов, и исследователей строить догадки об особом отношении Пушкина к Осиповой, вплоть до их возможной обоюдной гипотетической влюбленности друг в друга. Так, А.М. Аринштейн сближал «Цветы последние милей...» со стихотворением «Виноград» (1824), считая, что это «два типологически близких стихотворения», намекающие на предпочтение, отданное немолодой женщине²². Еще фантастичнее была версия С.М. Громбаха, согласно которой в стихотворении отразились переживания, вызванные отнюдь не Осиповой, но вторичным посещением Тригорского А.П. Керн в начале октября 1825 года, когда между Пушкиным и нею «по-видимому, произошла размолвка»²³.

²⁰ Первые сведения об альбоме Осиповой, который в Тригорском называли «большим», были даны в статье М.И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Альбом хранился у дочери Осиповой баронессы Е.Н. Вревской в имении Голубово. Последней владелицей альбома была внучка Вревской кн. А.А. Хованская. Впоследствии был утерян (или похищен). См. подробнее: *Пушкин А.С.* Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 717.

²¹ *Пушкин А.С.* Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 775–776.

²² *Аринштейн Л.М.* Пушкин: Непричесанная биография. М., 1998. С. 80.

²³ *Громбах С.М.* «Цветы последние милей» / Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. 1989. С. 103–105.

Как бы то ни было, до нас дошли три стихотворения, посвященные Осиповой — одно о побеге, другое о расставании, третье — почти что признание в любви. И, наконец, цикл «Подражания Корану».

Интерпретаторами лирики Пушкина давно уже были предложены различные модальности истолкования цикла: эстетическая («форма»), религиозная, наконец, автобиографическая²⁴.

Думается, что определенным ключом к загадке имени Осиповой-Вульф, вписанной в текст «Подражаний Корану», может послужить именно тот автобиографический подтекст, который не только сопровождал работу над циклом (это очевидно), но и тот, который оказался в них сокрыт, или зашифрован. Надо сказать, что в этом смысле у Пушкина был прецедент, причем в непосредственном его окружении: то был перевод Жуковским второй части из той самой восточной поэмы «Лалла-рук», который он озаглавил «Пери и ангел» — и в которую поэт вписал историю своей влюбленности в великую княгиню Александру Федоровну, жену великого князя Николая Павловича (Николая I) (см. подробнее в комментарии Э. Жиликовой²⁵).

Остановимся же на том, что в этих подражаниях мусульманским сакральным сурам предстает как эмблема собственных жизненных испытаний Пушкина. Подобный поиск автобиографических проекций в произведениях отнюдь не автобиографического жанра — дело рискованное и чреватое одновременно фантазийностью и банальными упрощениями. В некотором отношении нас оправдывает то, что начиная с XVIII века Восток, восточные сюжеты нередко служили ширмой, за которой скрывалось отнюдь не восточное, но очень современное содержание. Вспомним, например, «Нескромные сокровища» Дидро или «Неадарне» Кребийона-сына.

В контексте житейской ситуации Пушкина осени 1824 года обращает на себе внимание тема преследования и спасения, которая появляется в переложении суры 7 Корана «Робкий» — у Пушкина «Восстань, боязливый...». Примечательно, что упоминание о пещере, в которой чудесным образом спасался от вражеского преследования пророк,

²⁴ См., напр.: *Нольман М.Л.* Западно-восточный синтез в произведениях Пушкина и его реалистическая основа // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 116–126.

²⁵ *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем. В 20 т. / гл. ред. А.С. Янушкевич. Т. 4. Стихотворные повести и сказки / сост. и ред. А.С. Янушкевич. М., 2011. С. 404–414.

в оригинальной суре отсутствует. Мотив этот восходит, по-видимому, к предпосланному переводу Савари жизнеописанию Магомета²⁶.

Там же описано, как Магомет «оживил» высохший колодец и наполнил войско, умиравшее от жажды. Тот факт, что Пушкин сознательно допускает «вольность» в своем подражании, интонирует сюжет как особо для него важный. Сюжет, лично важный для того, кто сам убегал от преследующего его врага (читай: родной отец, С.Л. Пушкин, а возможно, и царь) и кто чудесным образом оказался спасен именно той, кому и посвящен данный цикл: «Кого же в сень успокоенья / Я ввел, главу его любя, / И скрыл от зоркого гоненья»²⁷.

В свое время, характеризуя «восточное царство» в своей работе «Философия права», Гегель писал: «В великолепии этого целого индивидуальная личность бесправно исчезает, внешняя природа непосредственно божественна или есть украшение бога, и история действительности есть поэзия... Тут сердце и ум, не оформляя для себя бога как объект, внутренне примиренные в живой радости и, подобно нищим, счастливо наслаждаются...»²⁸

Идея пророческой миссии поэта, возрождения жизни через смерть, вера в силу слова — это именно то, что так необходимо было Пушкину, особенно в первые кризисные месяцы пребывания в Михайловском, когда он вдвойне чувствует себя пленником — испытал «неправое гоненье»: и внешнее (царя), и семейное (отца). Отсюда и строки: «Мужайся ж, презирай обман, / Стезю правды бодро следуй», а также строки, адресованные богом пророку Мухаммеду: «Не я ль язык твой одарил / Могучей властью над умами», прямо предвещающие пушкинского «Пророка», настолько звучащего именно по-пушкински, что в нем

²⁶ См.: Пичхадзе А.А. «Подражания Корану. 1»: Источники и ассоциации // Русская речь. 1992. № 1. С. 15–18; Фомичев С.А. «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла; Бодрова А.С. Подражания Корану // Пушкинская энциклопедия.

²⁷ Несколько наивно звучащий вывод исследователя о приведенных строках на самом деле достаточно точен: «Нам представляется, что они (строки) вызывают в памяти образ Осиповой Прасковьи Александровны — соседки поэта по имению, владелицы Тригорского, которая после ссоры Пушкина с отцом как преданный друг предоставила ему «сень успокоенья», обласкала его вниманием и «скрыла от зоркого гоненья». См.: Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве Пушкина. С. 66.

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 375.

далеко не сразу заметили кораническую основу — 94-ю суру Корана: «Разве мы не раскрыли тебе твою грудь? / И не сняли с тебя твою ношу, / Которая тяготила твою спину»²⁹.

Источником четвертого «Подражания Корану» послужили поучения из второй суры Корана, представляющие собой притчу о споре правителя Месопотамии Нимрода с мифическим библейским патриархом Авраамом (Ибрахимом) о том, кто более могуществен — он (царь) или бог. В Коране это выглядит так: «Так вот, сказал ему Ибрахим: «Мой Господь — тот, кто оживляет и умерщвляет». Царь возразил: «Я оживляю и умерщвляю». Сказал Ибрахим: «Воистину Аллах заставляет восходить Солнце на Востоке, заставь же его взойти на Западе».

Пушкин обостряет течение конфликта тем, что с царем, считающим себя всемогущим, спорит сам бог, а не его пророк: «С тобою древле, о всеильный, / Могучий состязаться мнил, / Безумной гордостью обильный. / Но ты, господь, его смирил». И вводит к тому же реплику царя, отсутствующую в Коране: «С тобою, боже, равен я», завершающую строками: «Но смолкла похвальба порока / От слова гнева твоего. / Подъемлю солнце я с Востока; / С заката подыми его!»³⁰

И не сокрыто ли за этими строками то обостренное и болезненное отношение к царю земному Александру, причине его изгнаний, которое у помудревшего Пушкина уже снимается в его знаменитом «19 октября» (1825):

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей³¹.

Среди оставшихся в черновиках стихотворений и набросков Пушкина михайловского периода мы находим строки, датируемые не ранее первой половины февраля 1825 — не позднее января 1826 года:

В пещере тайной (?) в день гоненья
Читал я сладостный Коран.
Внезапно Ангел Утешенья,

²⁹ Атаханов Д.Т. Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина. С. 86.

³⁰ См. подробнее: *Пушкин А.С.* Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 598–599.

³¹ Там же. С. 77.

Влетев, принес мне талисман.
Его таинственная сила
Слова святыя начертила
На нем безвестная рука³².

По предположению С.А. Фомичева, набросок представлял собой «первоначальную редакцию» двух «Подражаний Корану»: VII («Востань, боязливый...») и I («Клянусь четой и нечетой...»)³³. По предположению П.В. Анненкова, «автор здесь набрасывает первый очерк известного стихотворения «Талисман» и заставляет говорить мусульманина, не имея нисколько намерения показать сладость Корана и ангелов Магомета, что было бы совершенною нелепостию»³⁴. Не вдаваясь в текстологические и концептуальные споры исследователей, по-разному интерпретировавших набросок, отметим именно то, что касается интересующей нас темы. Вне зависимости от того, будем ли мы считать эти строки наброском подражаний сурам Корана или же давать этому «не реализованному во всей полноте замысла» замыслу «биографическую интерпретацию (ситуация прощания на юге с Е.К. Воронцовой³⁵), чтение «сладостного Корана» предстает в этих строках у Пушкина родом волшебного перстня. Того самого перстня, что позволяет (да простится мне эта аналогия) изрекать, как в «Нескромных сокровищах» Дидро, то сокровенное, что лишь под действием его таинственной магии (не случаен этот настойчиво повторяющийся эпитет «таинственный») позволяет узреть незримое, что открывается «святым словам».

Но, может быть, самое интересное для нас то, что в этих семи неполных строках (стихах) словно прочерчена связь, соединившая два жизненных периода и две поэтические темы, произвольно рифмующиеся: Коран и Талисман.

Когда-то по решению директора Пушкинского Заповедника С.С. Гейченко в экспозиции дома-музея в Тригорском была помещена лубочная картинка «Талисман» с изображением двух восточных

³² См. подробнее: *Пушкин А.С.* Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 135.

³³ *Фомичев С.А.* «Подражания Корану». Генезис, архитектоника и композиция цикла. С. 24–25.

³⁴ *Анненков П.В.* Любопытная тяжба // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 16–43.

³⁵ *Пушкин А.С.* Том третий, стихотворения. Книга первая (Михайловское. 1824–1826). С. 1027.

красавиц, извлеченная из «Альбома северных муз (Альманах на 1828 год)», под которой фигурировали пушкинские строки «Там, где море вечно плещет...». Что заставило С.С. Гейченко пойти на столь нелогичный шаг? Ведь само стихотворение «Талисман» было написано в 1827 году в связи с приездом в Петербург Е.К. Воронцовой и не имело тем самым отношения ни к Тригорскому, ни к михайловской ссылке поэта.

И всё же можно сказать, что имело. Потому что акцентировало внимание на том Востоке, который оказался в Михайловском для Пушкина спасительным — как воспоминание и одновременно как поэтическая задача, выполнение которой связывается отныне с тригорским домом и его хозяйкой П.А. Осиповой-Вульф.

**МЕЖДУ СМОЛЯНКАМИ И ЛИБЕРТИНКАМИ.
МОНАСТЫРЬ В ДВУХ ПСЕВДОПУШКИНСКИХ
СТИХОТВОРЕНИЯХ**

Смолянки

В 1858–1859 годах в Санкт-Петербурге, в типографии Императорской Академии наук, под редакцией Александра Тихменева вышли в свет шесть томов «Сборника литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина»¹. Известен тот факт, что 14 декабря 1851 года Смирдин вместе с женой Александрой Александровной и детьми был возведен в сословие почетных граждан, но денег, чтобы выкупить почетную грамоту в Геральдической палате, у него уже не было. А за год до смерти² он был объявлен полным банкротом. Издание подготовили к печати петербургские предприниматели-книгопродавцы в пользу «семейства Смирдина и на сооружение ему памятника».

В последнем, шестом томе издания было напечатано стихотворение «Монастырь» со следующим редакционным примечанием: «Монастырь» взят из альбома А.С. Пушкина, который он подарил купцу Семену Бычкову в 1829 году, в Москве. В этом альбоме находятся еще два стихотворения, принадлежащие А.С. Пушкину: «Нет, я не льстец» и «Я жду тебя, когда зефир игривый». Предлагаемая пьеса написана в альбоме почерком, схожим с пушкинским; по уверению С. Быčkoва, она принадлежит самому Александру Сергеевичу»³.

Стихотворение «Монастырь» открывается эпиграфом «Что счастьем для нас в минутной жизни было, / То будет счастьем для близких нам сердец», взятым из дружеского послания В.А. Жуковского «Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» («Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт!»).

¹ Первые три тома этого издания вышли в 1858 году, остальные в 1859-м.

² А.Ф. Смирдин умер 16 сентября 1857 года.

³ Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. СПб.: в типографии Императорской Академии наук, 1859. Т. 6. С. 395.

МОНАСТЫРЬ

Что счастьем для нас в минутной жизни было,
То будет счастьем для близких нам сердец.

Жуковский

О муза стройная! лети
На голос юнаго бояна
И песнопенье освяти
Водой священной Иордана!
Я святость лиры забывал,
Когда с прекрасного творенья
Покров таинственный снимал
Рукой мечты и вдохновенья!
Теперь, как набожный поэт,
Как жрец духовных обаяний,
Я стану петь любви обет,
Живые пляски резвых лет
И трепет новых ожиданий...
Рой шумных зрителей жужжал;
Вдруг смолкло громкое собрание,
Священный трепет пробежал
И все молчат, все в ожиданьи:
Так летом, раннею порой,
Перед появлением денницы,
Молчат воздушные певички,
Чуть окропленные росой.
Всех очи жадно устремились
В непроницаемость дверей,
И как бы силою очей
Вдруг двери храма отворились...
Вступает в залу белый хор:
О! тайных дум немая сладость!
Кто объяснит их милый взор
И кто опишет нашу радость?
Неслышной, медленной стопой,
Безмолвно, стройными рядами,

С полупоникшими очами
Оне вошли за роем рой:
Так по лазури востекает
Квадрилион горящих звезд,
И так магнитный взор невест
Сердца метаньем наполняет...
Отдав наставнице поклон,
Оне всем скромно поклонились,
И тихо плавно разместились
Вблизи возвышенных колонн;
Смычок ударил, группы стали;
Душа пленительным полна,
Как ночью светлая луна —
Всех лица радостью блистали...
С какой чудесной быстротой
Под такт гармонии земной,
Небесный хор согласовался:
То взоры долу устремив,
Руками тонкий стан обвив,
Весь рой пленительно сплетался;
То вдруг, как будто, разлучась,
Они друг другу изменяли
И снова быстро отлетали,
Руками к небу возносясь:
То в важном, медленном теченьи,
То снова легкой быстротой,
Едва касаяся стопой,
Они мелькали, как виденья:
Увы! мой взор не успевал
Ловить их быстрое круженье,
И мыслей пылкое движенье
Сам от себя я сокрывал;
Дивился их красе всесильной,
Невинным, ангельским очам,
И как отшельник к небесам,
Летел к ним радостью обильной;
При них земное я забыл;
Душа небесным восхищалась,

И в сердце пламя разливалось,
Как веяньем незримых крыл...
Цветите-ж вы, три милых хора,
Союзом Троицы Святой,
Блистайте юною душой,
Как вечно алая аврора;
Старайтесь ум ваш просветить,
Идите верными путями,
И клятвы дав пред алтарями,
Страшитесь клятвам изменить!..
А ты, кто им как мать родная,
Как мать героев и царей,
Роз, незабудок и лилей
Прилежно клумбы поливая,
Взрасти их сердцем для людей;
Вдохни в них ангельские нравы,
И, наблюдая все забавы,
Их цвет здоровья сохрани
В очаровательной тени:
Да ими Россы возгордятся,
В семействах нравы процветут,
Да дни их с благом протекут —
И чувства в детях обновятся...

Владея нимфы красотой
И сладким голосом сирены
Вы не страшитесь измены,
И всех прельщаете собой!

Но правя слабыми сердцами,
Напрасно не волнуйте кровь —
В других воспламенив любовь,
Любви не будьте чужды сами⁴.

⁴ Сборник литературных статей, посвященных русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя Александра Филипповича Смирдина. Т. 6. С. 395–398. Текст воспроизводится в современной орфографии с сохранением особенности написания отдельных слов.

Главное, на что невольно обращаешь внимание при чтении этого произведения, — контаминация возвышенного и земного, религиозного и светского содержания. С одной стороны, заглавие «Монастырь», стилистика божественного песнопения, сочиненного «набожным поэтом», «жрецом духовных обаяний» и окропленного «водой священной Иордана», свидетельствует о религиозном характере стихотворения. С другой — распахнувшиеся двери храма, «белый хор», торжественно вступающий в залу, лица, блистающие радостью, «магнитный взор невест», их легкий воздушный танец «под такт гармонии земной» и в будущем клятвы перед алтарями, воспламененная любовь и чувства, обновленные в детях, уносят читателя в мир счастливой идиллии. Собственно, к этому и призывает нас эпитафия Жуковского.

Можно понять благородные помыслы петербургских книгопродавцев, пожелавших благодаря найденному в альбоме у купца С. Бычкова неизвестному стихотворению Пушкина привлечь к изданию как можно больше подписчиков. Но ни о каком купце С. Бычкове Пушкин никогда не знал, не ведал и альбома со своими стихотворениями ему, конечно же, не дарил. О том, что этот «Монастырь» Пушкину приписан, сообщил будущий издатель сочинений поэта П.А. Ефремов в 1861 году на страницах «Библиографических записок»:

«С именем же Пушкина напечатано в «Сборнике, изданном в память А.Ф. Смирдина» (т. VI, с. 4) стихотв[орение] «Монастырь», написанное, будто бы, в альбоме Пушкина, подаренном купцу С. Бычкову. По стиху и по содержанию оно весьма сомнительно, ибо походит на знаменитое стихотворение, приписанное П-[ушки]ну «Русским инвалидом» (1859, № 8) «Входя в небесные селенья», которое, как говорят, написано вертящимся столом, от имени Пушкина, какому-то г-ну М., едва не помешавшемуся на приятном занятии обращения и вопрошения волшебных столов»⁵.

Вследствие очевидной непринадлежности стихотворения «Монастырь» Пушкину Ефремов не включил его в редактируемые им собрания сочинений поэта. В дальнейшем оно было надолго забыто издателями. Тем не менее, было бы любопытно открыть имя автора и прояснить загадочный сюжет этого идиллического стихотворения.

⁵ Ефремов П.А. Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина. Статья 2-я // Библиографические записки. 1861. № 19. Стб. 588.

Нам удалось найти «Монастырь» среди других стихотворений в изданной анонимно в 1828 году в Москве книге «Песни Золотого рожка: отысканная рукопись неизвестного сочинителя». В предисловии издатель приоткрывает завесу анонимности:

«Один из моих друзей, уезжая за границу, оставил мне свои бумаги; пересматривая их, я нашел тетрадь его сочинений. — И бессмертное произведение Гения, и самая маловажная повесть в области изящного, более или менее, обращают на себя внимание любителей словесности; руководствуясь этой мыслию, я решился напечатать стихи моего друга; если они доставят несколько приятных минут нашей просвещенной Публике, я с удовольствием издам и другие его стихотворения.

Не знаю, почему в рукописи сочинитель не выставил своего имени; подлинник не прикосновенен для меня во всяком случае и потому я оставил его, как он был.

Ни слова не скажу об характере моего друга: читатели сами будут судьями автора; мне остается желать, чтобы предприятие мое выдать в свет произведение неизвестного пера заслужило одобрение соотечественников. Новиков»⁶.

То, что издатель «Песен Золотого рожка» московский поэт Дмитрий Ипполитович Новиков (1800–1831)⁷ является одновременно и автором, впервые открыл в 1991 году азербайджанский литературовед Агиль Джафар-Хандан-оглы Гаджиев в статье «Поэт и издатель Д.И. Новиков, знакомый А.С. Пушкина»⁸. Заглавие книги подсказало исследователю имя ее автора. Обратившись к Словарю псевдонимов И.Ф. Масанова, он выяснил, что «Золотой рожок» — псевдоним сотрудника журнала «Русский зритель» Новикова, с которым он в 1828 году опубликовал два стихотворения «О-му» и «Осень Лифляндии (Д... И... Б-ну»⁹).

⁶ Песни Золотого рожка: Отыскан. рукопись неизвест. сочинителя. М.: тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад., 1828. С. 2.

⁷ См.: *Панов С.И.* Новиков Дмитрий Ипполитович // *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь* / гл. ред. П.А. Николаев. М., 1999. Т. 4. С. 336–337.

⁸ *Гаджиев А. Дж.* Поэт и издатель Д.И. Новиков, знакомый А.С. Пушкина // *Проблемы современного пушкиноведения*. Псков, 1991. С. 159–167.

⁹ Внесем маленькое уточнение: информация, на которую ссылается Гаджиев, в книге И.Ф. Масанова находится не на с. 394, а на с. 396. См.: *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. М., 1956. Т. 1. С. 396.

«Таким образом, — делает вывод Гаджиев, — заглавие «Песни Золотого рожка» можно прочесть как «Песни Новикова»¹⁰. Кроме того, Гаджиев заметил, что в двух стихотворениях «Песен Золотого рожка», написанных в жанре послания — «М-ру» и «Друзьям и ...», использован прием сфрагиды, то есть упоминания имени автора в самом тексте стихотворения (Дмитрий).

Оригинальный текст стихотворения «Монастырь» в «Песнях Золотого рожка» практически идентичен более поздней публикации в сборнике, посвященном памяти Смирдина. Однако Новиков, в отличие от издателей-книгопродавцев, ввел в него существенную помету — ключ для правильного восприятия текста. Имеется в виду его сноска к цветочной метафоре в стихе «Роз, незабудок и лилей»:

А Ты, кто им как Мать родная,
Как Мать народов и Царей!
Роз, незабудок и лилей (*)¹¹
Прилежно клумбы поливая,
Взрасти их сердцем для людей:
Вдохни в них Ангельские нравы
И, наблюдая все забавы,
Их цвет здоровья сохрани
В очаровательной тени:
Да ими Россы возгордятся,
В семействах нравы процветут,
Да дни их с благом протекут —
И чувства в детях обновятся...

Трудно сказать, подразумевается ли в этом отрывке Екатерина II, основавшая в 1764 году Воспитательное общество благородных девиц в Новодевичьем Смольном монастыре в Санкт-Петербурге, или же ко времени написания стихотворения вдовствующая императрица Мария Федоровна, в ведомстве которой с 1796 года находился Смольный институт, или даже Юлия Федоровна Адлерберг, бывшая его начальницей в 1802–1839 годах. Как бы то ни было, для понимания стихотворения

¹⁰ Гаджиев А. Дж. Поэт и издатель Д.И. Новиков, знакомый А.С. Пушкина. С. 162.

¹¹ В сноске под звездочкой: «Здесь говорится о трех возрастах девиц Смольного монастыря».

и его метафорики важно, что начиная с екатерининских времен смолянки носили платья в соответствии с их возрастом: младшие — кофейные (розы), учащиеся в средних классах одевались в голубые платья (незабудки), старшие носили символические белые наряды, которые должны были подчеркивать их ангельскую сущность и готовность стать невестами (лилеи).

Таким образом, стихотворение Д.И. Новикова «Монастырь», на самом деле воспевающее бал в Смольном монастыре, можно отнести к петербургским текстам, равно как и «Отрывок из древнего предания Семика», опубликованный им за собственной подписью в альманахе «Радуга» на 1830 год. В эпилоге его безымянный герой в своих воспоминаниях уносится к невским берегам и к Дудергофскому озеру, расположенному на окраине Петербурга в районе Красного Села:

Я вспомнил призрак бывших снов,
Вблизи гранитных берегов,
В полночь над невскими струями,
И в чистом поле, под шатрами,
В местах, где дремлет Дудергоф.

Оба эти стихотворения Новиков посвятил одной и той же женщине — Е.Н. Б-ой. Имя ее до сих пор остается неразгаданным.

И в завершение этого сюжета следует отметить, что анонимно изданная в 1828 году книга «Песни Золотого рожка, отысканная рукопись неизвестного сочинителя» была в библиотеке А.С. Пушкина, но до наших дней не сохранилась. Л.Б. Модзалевский в описании «Библиотека Пушкина. Новые материалы» оставил краткую помету: «Этой книги мы не могли отыскать в библиотеках Ленинграда»¹².

Либертинки

Действие второго повествования происходит в Москве в Новодевичьем монастыре на Воробьевых горах и, в отличие от предыдущего сюжета, носит авантюрно-эротический характер. Мы нашли его в хранящейся в Пушкинском Доме старинной рукописной книге Копытовой

¹² Модзалевский Л.Б. Библиотека Пушкина. Новые материалы // Б.Л. Модзалевский. Библиотека А.С. Пушкина. Приложение к репринтному изданию. М., 1988. С. 28.

Прасковьи, из библиотеки Забелина Ивана Егоровича¹³. Это тетрадь, состоящая из 89 листов, заполненных одним почерком в 1833 году. Большинство записей носит религиозно-моралистический характер. Стихотворению, о котором пойдет речь, предшествует назидательное рассуждение о схожести наших добродетелей с пороками. Оно иллюстрируется рассказом о бедном грешнике, который пришел на службу в монастырь, дабы замолить свои грехи. Этот страдающий человек вызывает глубокое почтение у окружающих, ибо «познал суету мира сего, и в душе своей нашел столько сил, чтобы отречься ей и жить об одном Боге»¹⁴. А далее прозаический рассказ о грешнике незатейливо переходит в стихотворную эротическую новеллу о любовных похождениях монашенки Агнессы под названием «Ново-Девичий монастырь, или Приключение на Воробьевых горах».

Приветствую тебя, девичье поле
С твоей обителью святой;
Где Девы юные в неволе
Печальный век проводят свой.
Какой оттоль ландшафтный вид,
Красой природною блеснит!
Взгляни, серебристыми струями —
Москва река в берегах течет;
Чернеет лодка с рыбаками
И быстро вдоль реки плывет:
А там, внутри ее зыбей
Ташатся сети рыбарей.
Среди прибрежной Луговины
Рога пастушечьи трубят
В дали Воробьевых гор вершины
С зеленой рощей взор манят.
Прохладной утренней порою
Аврора гаснет и потом
Выходит солнце за горою
На небе чистом, голубом.
Пернатых хор его встречает

¹³ Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ). Ф. 244. Оп. 15. № 38. Л. 57 об.—65.

¹⁴ Там же. Л. 56 об.—57.

Веселой песню своей;
А Феб лучи свои бросает
Над очарованной землей.
От них берега реки златятся
И рыбы в струйках веселятся,
Плывя по зыбкому стеклу,
Бегут к янтарному песку.
Волшебный край очарованья,
Твои бесчисленны красы!
С душой, наполненной мечтанья,
Один в полдневные часы,
Там, там под тению дерев,
Внимал я *Иволги* напев.
И шум надгорного потока,
И говор листьев надо мной,
И песни Девы недалеко
Пленило всё меня собой...
И в той счастливой стороне,
Что раз случилось видеть мне,
Позволь, читатель, для проказ
Мне описать тебе рассказ:
«Сидя средь рощицы тенистой
Я время с книгой проводил;
Вблизи меня ручей лил чистой
Между своих дерев журчал.
Вдруг слышу голос за собою,
Туда я взор оборотил
И что ж с *Белицей* молодою
Мущина тихо говорил:
«Пойдем подальше, Агнеса,
Клянусь, там чаще дерева»;
Ее ответ: «*большой повеса!*»
И тем их кончились слова.
Пошли — и скрылись за кустами,
И их мне было не видеть;
Но что там делать, то пред вами
Читатель, мне нельзя сказать.
Но я забыл Девичье поле,

С его обителью святой —
Где Девы в жалостной юдоле
Убиты хладною тоской...
Пробил на башне час полночный
Запел в обители петух.
Прошли молитв часы урочны
И кое-где огонь потух.
Звезда полуночи сверкала
Над тем святым монастырем;
Безмолвно всё, — но лишь травую
Полночный ветер шевелит;
И страж недремлющей рукою
В доску чугунную звенит.
Всё спит, лишь в келии одной
Белица, милая собой, —
Как дочь небесного Эдема,
Иль Дева ханского гарема,
Лежит в раздуминьи о друге
О нежном будущем супруге;
Покрыта тонкой простыней,
Зефир в окно порхает к ней
И в келье бегая, порою
Шалит меж пламенных грудей.
Счастливец сей во мраке ночи
Целует девственные очи
И в русых волосах играя
На грудь лилейну гонит их,
И нежны ножки прохладяя
Лобзанья рвет украдкой с них.
Она в небрежном положеньи
Глаза под лоб закачены
Душа погрязла в вожделеньи
И ножки врозь, разложены.
Минувших дней воспоминаньи
Толпой на память к ней пришли
Как раз они в очарованьи
Тропой таинственной шли.
Меж Воробьевыми горами

Сокрылись оба за кустами.
И там-то с другом пламенели
Огнем божественной любви
Дрожали, — таяли и тлели
И час в блаженстве провели.
И вдруг как Этна запылала
Лежа в физическом огне,
И друга в мыслях обнимала
Но это все мечты одне. —
Ей нужен он, — он их живет
Он может лечь под простыней
И к ней прижаться поплотнее
И ножки сплесть одна с другой
Уста с устами соединяя
Амуров нектар с них испить
Его друг другу сообщая
Себя и свет совсем забыть
И пивши чашу райских благ
Шептать: *Ифс, Ах! Ифс, Ах!..*
Сего-то девушка алкала,
Как птичка воздуха полей,
И друга ночью ожидала,
Он слово дал приехать к ней...
Ждала, и вежды не смыкалась
От ней бежал далеко сон,
Лишь с думой сладкою сливались
Любовь приятная, и он!
Но кто-то в дверь толкает,
Снаружи робкою рукой;
Она встает, и окликает:
И слышит отзыв, *Саша твой!..*
Какой восторг в ночном свиданьи
Был в их встревоженных душах,
Какие страстные лобзаньи
На их пылающих устах.
Но это всё обыкновенно
У них получше должно быть,
Что в жизни временной бесценно,

Чего нельзя ни с чем сравнить.
Того-то Саша ожидает,
И как на иглах он сидит,
Пока постель перестилает
Пока Белица лечь велит:
Минута кажется с неделю
Пока он ляжет вместе с ней,
Но вот легла уже в постелю,
Покрывших тонкой простыней.
Сперва различны разговоры
У них о разном начались;
Известно, что любовны вздоры
Из уст любовников лились:
«Агнеса, помните, мы с Вами
ходили в рощицу гулять,
За Воробьевыми горами
Часы златые провождать.
На крыльях времени летели
Они тогда, мой друг, от нас,
Недолго мы любовью тлели
Настал разлуки грозный час!
Но мы его теперь забудем,
Так Саша ей тут говорил:
И наслаждаться с тобой будем,
С тем руку к груди прислонил.
Своими беглыми руками
Ее сисочки пербирал;
Читатель! — знаете вы сами,
Что этим чувства возбуждал.
Они друг друга целовали, —
Потом с восторгом обнялись
И в сладострастьи утопали
Ему в забвеньи предались...
Кровать тесовая под ними
Среди безмолвия скрипит:
Амур невидимо над ними
В полночном сумраке парит
Своей волшебною рукою

Агнесы ножки разложил;
И у Саши над спиною
Он их в кольцо искусно свил.
«Ах! Ангел мой! Она шептала:
«Ты мне на свете всех милей!»
И крепче Сашу прижимала
Твердя: «Ах! Сашенька, скорей!»
Лишь Саша двинулся, она кричит: «Ой! Ой!
Ох, друг бесценный Мой!»
Из а, из а, Агнеса, ангелочик!
Ох, милюшкой дружок!
Сию счастливую их лету
Претрудно выразить поэту...
Его перо не в состояньи
Излить восторг ночных свиданий,
Их знает тот, кто любит сам,
Кто Деву к груди прижимает,
В ее объятиях по ночам
Любви блаженство испивает.
Потом, любовью упоенны
Легли, спокойно, отдыхать;
Ночной работой утомленны
Приятно стали засыпать:
Давно покров угрюмой ночи
Сошел с лазоревых небес;
Но сон смыкал еще их очи,
На них глядел с улыбкой бес.
Душа в нем злая веселилась,
Тому, что Дева соблазнилась,
Любви всё время посвящала
А книг священных не читала.
Вдруг звон к заутрени раздался
И их он вскоре разбудил,
Проснувшись, Саша испугался
Ах! Поздно, поздно говорил:
«Небось!» Агнеса повторила;
Потом, тихонько проводила —
Его чрез задний, тайный двор;

Оттоль к заутрени пошла
Молитвы петь во общий хор. —
Так жизнь она свою вела; —
Читатель! Ты, качнув главою
Мне верно скажешь: «Он соврал.
Не может быть ночной порою
Мужчина в келью чтоб попал.
Стоят все кельи за стенами,
Чрез них дорога лишь чертям,
Врата за крепкими замками
Нельзя пройти ни там, ни сям».
Читатель! Полно не дивися,
Клянуса, в том сомненья нет,
И вот тебе на то ответ:
Там сводни должность отправляет
Из штатных сторож удалой,
И в кельи, к Девам провожает
Мушин полночную порой.
Известно, тех он провожает
Его кто щедро подарит;
А тех в обитель не пускает
Кто только в будущем сулит.

А. Пушкин

Стихотворение подписано именем А. Пушкина. Оно начинается романтическим описанием идиллического ландшафта Воробьевых гор над Москвой-рекой, столь контрастирующим в дальнейшем с описанием святой обители и томящихся в неволе и заточении юных дев.

Далее автор-рассказчик, от имени которого ведется повествование, становится невольным свидетелем — сначала любовного свидания монашенки Агнессы с мужчиной (его имя пока не названо) в тенистой рощице, а затем ночного посещения героем (Сашей) кельи Агнессы. Описывая испытываемые ими любовные восторги, страстные лобзанья и пр., автор избегает обсценной лексики, хотя и признается, что

Сию счастливую их лету
Претрудно выразить поэту...

Его перо не в состоянии
Излить восторг ночных свиданий...

Религиозный запрет оборачивается здесь противоположной стороной — чувственным наслаждением. И когда в эпилоге наивный читатель выражает сомнение в том, чтобы мужчина ночью через крепко-накрепко запертые могучими засовами стены женского монастыря мог проникнуть в монашескую келью, автор со знанием дела разъясняет, как это возможно («Читатель! Полно не дивися...»).

В рукописной книге некоей Прасковьи Копытовой стихотворение «Ново-Девичий Монастырь, или Приключение на Воробьевых горах» приписано А. Пушкину. На самом деле, это стихотворение, или повесть в стихах, как ее называют литературоведы, написал поэт пушкинского времени Александр Иванович Полежаев в 1825–1826 годах, т. е. почти одновременно с поэмой «Сашка». Характерно, что в обоих произведениях главным действующим лицом является молодой человек по имени Саша, прославившийся своими любовными похождениями.

В повести отчетливо ощутимы традиции французского либертинажа, пережившего свой расцвет во второй половине XVIII века и бывшего не только социальной и бытовой эротической практикой, но и явлением, которое во многом подпитывала философия критического рационализма и материализма. Последняя утверждала примат природы в области человеческих отношений, и прежде всего — отношений между полами. Так, например, математик Ламетри, проповедуя идею подчиненности души физическим потребностям, в своей «Речи о счастье» доказывал принципиальную важность чувственного счастья для сохранения человеком нравственного равновесия¹⁵. В России же отголоски либертинажа маркировали так называемую мужскую поэзию первой трети XIX века, к которой и относится поэма Полежаева.

Остается вопрос о том, почему это эротическое произведение Полежаева, долгое время по цензурным соображениям не появлявшееся в печати¹⁶ и ходившее в списках, было приписано Пушкину. Любовная

¹⁵ См. подробнее: *Делон М.* Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.) / пер. с франц. Е. Дмитриева, Г. Шумилова; под общ. ред. Е. Дмитриевой. М., 2013.

¹⁶ Впервые напечатано полностью: *Полежаев А.И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1939. С. 67–70.

лирика Пушкина, как и Полежаева, чувственна и эротична. Но ее отличает отсутствие грубости, пошлости, непристойного смакования деталей. Поэт не снимает последние покровы, а предпочитает язык недоговоренностей и шутливых намеков. Это характерная черта его творчества. Как писал С.А. Венгеров, «непечатные произведения Пушкина представляют собой такое же проявление гения его, как и всё, что он писал. «Царь Никита» в такой же степени образец шаловливой поэмы, в какой остальные поэмы великого поэта представляют собой образцы поэзии возвышенной. Как истинный знаток человеческой психологии, а главное — сам человек с изящными вкусами, Пушкин понимал, что так называемая пикантность только в том и заключается, что завеса приподымается чуть-чуть»¹⁷. Эротическая поэзия Пушкина так же изящна по форме и так же легка, остроумна и непринуждена, как и его графика¹⁸. Она пробуждает наше воображение, заставляя включиться в его любовную игру. «Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный нектар в воспалительный состав, а музу в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие», — писал сам поэт в «Опровержении на критики» (XI, 157).

К сожалению, и в прошлом веке, и в наши дни эта характерная особенность пушкинского творчества нередко игнорируется. Массовое сознание безуспешно пытается отыскать в произведениях Пушкина приапические образы и «мотивы гипертрофированной сексуальности» в стиле И.С. Баркова. Не находя таковых в собраниях сочинений поэта, оно настойчиво приписывает ему анонимные эротические тексты, извлеченные из многочисленных списков. Началось это во многом с «Первой ночи», которую как произведение Пушкина впервые опубликовал в 1861 году в Лондоне Н.П. Огарев¹⁹. В том же году Н.В. Гербель

¹⁷ Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. Т. 2. Вып. 22–30. С. 152.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Денисенко С. Эротические рисунки Пушкина. М., 1997.

¹⁹ Русская потаенная литература XIX века. Отдел 1. Ч. 1. Лондон, 1861. С. 73–76.

в берлинском издании подтвердил непричастность к нему Пушкина — и авторство Полежаева: «Стихотворение «Первая ночь», облетевшее всю Россию с именем Пушкина... написано покойным Полежаевым, что известно всем, знавшим несчастного поэта»²⁰. Однако в последнее время и авторство Полежаева подвергается сомнению²¹. В случае же с «Ново-Девичьим монастырем» оно несомненно.

²⁰ Стихотворения А.С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: доп. к 6 томам петерб. изд. / под ред. Русского <Н.В. Гербеля>. Berlin, 1861. С. IX.

²¹ Версия, связанная с авторством А.И. Подолинского, была впервые выдвинута Б.Ф. Егоровым и поддержана Н.Л. Васильевым. См.: *Васильев Н.Л.* «Первая ночь брака» (Опыт историко-литературного комментария) // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. Иваново, 1998. С. 221–236.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК: ИМЯ А.С. ПУШКИНА НА СТРАНИЦАХ «СЛОВАРЯ РУССКИХ СИНОНИМ, ИЛИ СОСЛОВОВ» А.И. ГАЛИЧА

История взаимоотношений А.И. Галича и А.С. Пушкина в общих чертах хорошо известна¹. Александр Иванович Галич (1783–1848) был профессором российской и латинской словесности Царскосельского лицея в 1814–1815 годах, когда там учился юный Александр Пушкин. Первый биограф А.И. Галича, историк литературы, цензор, академик по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук А.В. Никитенко писал, что когда тот попал в Царскосельский лицей, то «обнаружил решительно свою неспособность к той педагогической деятельности, которая лишь подготавливает молодых людей к высшему знанию... Ему нужны были аудитория, а не класс, и слушатели, которых бы он мог руководить в самостоятельном умственном труде, а не ученики, коих ум нуждается в постоянном наблюдении, искусном педагогическом пособии и вмешательстве в самые отправления развивающейся, но еще не укрепившейся их мысли»². Но такой «дидактический» недостаток обернулся расположением к А.И. Галичу учеников, которые жили в казенных условиях, вынуждены были всё исполнять по расписанию и в некотором роде подвергались муштре. Заметим, что А.И. Галич появился в Лицее почти случайно, на замену заболевшему Н.Ф. Кошанскому³, и был его антиподом по манере преподавания: «Если Кошанский — «угрюмый цензор», то Галич — как раз любит «праздность и покой», если Кошанский — «гонитель», то Галич — «мудрец ленивый», зовущий «в приют поэзии счастливой»⁴.

¹ См., напр.: Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 24–27.

² Никитенко А. Александр Иванович Галич, бывший профессор С.-Петербургского университета. СПб., 1869. С. 21–22.

³ Биограф А.С. Пушкина Я.К. Грот писал: «Галич... попал в лицей случайно; именно, вследствие тяжелой болезни Кошанского, принужденного для лечения переехать в Петербург, Галич был приглашен на время его отсутствия для преподавания лицеистам русской и латинской словесности». См.: Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887. С. 24.

⁴ Аннушкин В.И. Николай Федорович Кошанский и Александр Иванович

Вот что сообщал о его личности А.В. Никитенко: «Вместо педагогических способностей, которых ему не доставало, он развернул в Лицее свой характер, знакомый более с поэтической, чем с практической стороной жизни, характер общительный, кроткий, в высшей степени беззаботный, с значительной долей юмора и иронии и с полным нерасположением к школьной дисциплинарности»⁵. Можно сказать, у А.И. Галича и лицеистов вспыхнула взаимная любовь. А.В. Никитенко продолжал: «В Лицее он увидел перед собою толпу юношей, милых, веселых, некоторых с замечательными дарованиями, но вообще не слишком обременявших себя механизмом науки, и тотчас понял, что ему тут трудно будет насадить древо познания латыни. Юноши в свою очередь заметили, что их новый наставник более философ, чем сколько нужно было для того, чтобы настойчиво занимать их супинами и герундиями, и постарались, взамен их, извлечь из него другое добро, его теплое сочувствие к юношеским светлым интересам жизни. Но как они были молодые люди благовоспитанные, то в отношении их к нему не могло быть ничего грубого, а тем более оскорбительного для человека, высокий ум и неподдельная доброта которого не могла не действовать укротительно на пыльные, но еще не успевшие испортиться молодые сердца»⁶. Я.К. Грот, вторя А.В. Никитенко в том, что А.И. Галич «по складу ума вовсе не годился для порученного ему дела», и «уроки его обратились в непринужденные и часто веселые беседы с воспитанниками, которые даже не оставались на своих местах, а окружали толпой кафедру снисходительного лектора», тем не менее замечал, что «при обширных познаниях Галича нельзя считать его бесед с лицеистами бесполезными для их образования, и[,] конечно[,] такой любознательный юноша, как Пушкин, мог почерпнуть из них много новых сведений»⁷.

Заметим, что А.В. Никитенко «учился непосредственно у А.И. Галича, когда профессор уже ушел с университетской кафедры, посещал его лекции на дому и, конечно, внимательно изучал его труды»⁸.

Галич — первые словесно-литературные учителя А.С. Пушкина // Центр риторики и культуры речи «Златоуст»: сайт [Электронный ресурс: URL: <https://centr-zlatoust.ru/index.php?name=biblioteka&id=695>].

⁵ Никитенко А. Александр Иванович Галич... С. 22.

⁶ Там же.

⁷ Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 24–25.

⁸ Гончарова Н.В. Уроки А.И. Галича в становлении литературно-эстетиче-

Так что лицейская традиция продолжалась и позднее. Его биограф писал, что, проживая в это время в Петербурге, А.И. Галич «для уроков приезжал в Царское Село и должен был, в промежуток времени от одних классных часов до других, оставаться в Лицее, отчего у него была возможность особенно сблизиться с воспитанниками и вне классов»⁹. Я.К. Грот приводил любопытное воспоминание одного из лицеистов о том, как проходили занятия А.И. Галича: «По рассказу Матюшкина, Галич обыкновенно привозил с собою на урок какую-нибудь полезную книгу и заставлял при себе одного из воспитанников читать ее вслух»¹⁰.

А.В. Никитенко рассказывал такой эпизод, характеризовавший учителя А.С. Пушкина и лицеистов как добросердечного, милого человека, который вел себя не столько как педагог, наставляющий юнцов назидательными речами и зубрежкой, сколько как старший товарищ, забавлявший воспитанников дружеским доверительным разговором: «Ну, господа, — говорил он им после оживленной далеко не школьной беседы, взяв в руки Корнелия Непота, — теперь потреплем старика»... Пушкин, кажется, особенно полюбил молодого философа, который не истязал ни его, ни товарищей склонениями и спряжениями и был так умен, весел, остроумен, как сам будущий поэт, и притом обладал многими знаниями, если и не доступными тогдашнему положению и возрасту автора «Онегина», то не чуждыми его умственному инстинктам»¹¹. Кстати, позднее А.С. Пушкин припомнил в романе это высказывание А.И. Галича, закончив вторую главу такими строками (строфа 40):

Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,

ских взглядов А.В. Никитенко // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 16.

⁹ Там же. С. 22. Ср.: «По свидетельству одного из лицеистов последующих выпусков, уроки Галича «обратились в непринужденные и часто веселые беседы с воспитанниками, которые даже не оставались на своих местах, а окружали толпой кафедру снисходительного лектора, в свободные же часы дружески посещали его в отведенной ему комнате». См.: *Черейский А.В.* Современники Пушкина: Документальные очерки. М., 1999. С. 25.

¹⁰ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. С. 297.

¹¹ Там же. С. 22–23.

Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!¹²

Другой лицеист и друг А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекер, в дневнике от 2 февраля 1832 года записал: «Примусь опять за Гомера: пора, — как говаривал Галич, — потрепать старика»¹³.

В 1814 году А.С. Пушкин написал стихотворение «Пирующие студенты», в котором были такие строки:

Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!¹⁴
Ты Эпикуров младший брат,
Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам.

(I, 59)

В 1815 году в стихотворении «К Галичу» А.С. Пушкин нарисовал такой портрет своего учителя:

О Галич, верный друг бокала
И жирных утренних пиров,
Тебя зову, мудрец ленивый,
В приют поэзии счастливый,
Под отдаленный неги кров.
Давно в моем уединеньи,
В кругу бутылок и друзей,
Не зрели кружки мы твоей,
Подруги долгих наслаждений,
Острот и хохота гостей.

(I, 121)

¹² Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. IV. М., 1975. С. 47.

¹³ Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 94.

¹⁴ Будь здоров (лат.)

Во всём стихотворении сквозили интонация веселья и радости от общения с А.И. Галичем — и грусти скорой разлуки:

О Галич, время неозвратно,
И близок, близок грозный час,
Когда, слыша славы глас,
Покину кельи кров приятный,
Татарской сброшу свой халат.
Простите, девственные Музы!
Прости, приют молодых отрад!
Надену узкие рейтузы,
Завью в колечки гордый ус,
Заблещет пара эполетов,
И я — питомец важных Муз —
В числе воюющих корнетов!
О Галич, Галич! поспешай!
Тебя зовут и сон ленивый,
И друг ни скромный, ни спесивый,
И кубок полный через край!

(I, 122)

Эту тему А.С. Пушкин продолжил в «Послании к Галичу» (1815), где иронически называл учителя «ленивцем» и «любовником наслаждения», «парнасским бродягой» (I, 134). В строках поэта вновь слышны мотивы грусти: А.И. Галич вынужден был покинуть Лицей.

Бегут за днями дни
Без дружеских собраний;
Веселых пирований
Веселые сыны
С тобой разлучены;
И шумные беседы,
И долгие обеды
Не столь оживлены.

(I, 134–135)

Чувствуется искренняя привязанность А.С. Пушкина к А.И. Галичу, его душевная близость к учителю:

Один в каморке тесной
Вечерней тишиной
Хочу, мудрец любезный,
Беседовать с тобой.

(I, 135)

А.С. Пушкин, не зная обстоятельств, по которым А.И. Галич покинул Царскосельский лицей, слегка упрекает учителя, называя его «предателем» и задавая вопрос:

Скажи — среди столицы
Чем занят ты, мой друг?
Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?

(I, 135)

Но столичные «прелести» не занимали А.И. Галича. И А.С. Пушкин это понимал. Его шутки в адрес учителя сменяются правдивыми предчувствиями:

Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благоден;
Он любит тишину;
Судьбе своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь веселым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.

(I, 136)

А.С. Пушкин назвал А.И. Галича «философом благодарным», «милым остряком» и призывал его оставить «город скучный» и вернуться обратно в свою «пустынь»:

Беги, беги столицы,
О Галич мой, сюда!
Здесь розовой денницы
Не видя никогда,
Ленясь под одеялом,
С Тибурским мудрецом
Мы часто за бокалом
Проснемся — и заснем.

(I, 137)

Еще раз имя А.И. Галича возникло в стихотворении «Второе послание к цензору» («На скользком поприще Т[имковского] наследник!») (1824) (II, 1; 367–369). Очевидно, центральная линия стихотворения навеяна в том числе и событиями биографии А.И. Галича: «В 1821 году, будучи профессором Петербургского университета, Галич был обвинен в атеизме и свободомыслии и подвергся опале — был отстранен от чтения лекций»¹⁵.

Некоторые современные исследователи даже предполагают, что облик А.И. Галича А.С. Пушкин нарисовал в романе «Евгений Онегин», когда писал о Ленском во второй главе:

От холодного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев;
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум

¹⁵ Черейский А.В. Современники Пушкина: Документальные очерки. М., 1999. С. 25. См. также биографию А.И. Галича: Казарян А.Т. Галич Александр Иванович // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 341–344. [Электронный ресурс: <https://www.pravenc.ru/text/161547.html?ysclid=me0fq5v652172738899>]; Каменский З.А. А.И. Галич. М., 1995.

Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал¹⁶.

Там чувствуется переключка с философской концепцией А.И. Галича, которая в пересказе Н. Резника звучит так: «Начало человека — верховное звено в историческом процессе» и получает выражение в этом стихотворном сюжете (там же, вторая глава):

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит¹⁷.

И другие литературно-эстетические опыты А.С. Пушкина, возможно, имеют своим источником идеи А.И. Галича, например, высказанные им в его книге «Теория красноречия» (1830)¹⁸.

В «Программе автобиографии» (1830-е) А.С. Пушкина содержались наброски к документальным наблюдениям поэта над самыми важными

¹⁶ Цит по: Резник Н. Галич — учитель Пушкина // Высшее образование в России. 2003. № 2. С. 123 [Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/galich-uchitel-pushkina/viewer>].

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 126.

этапами своей жизни. Один из них: «*Лицей*. Открытие. <...> Начальники наши» (1811). Упомянуты «отношение к това[рищам]. Мое тщеславие» (1814), «экзамен» (1815) (XII, 308). Если бы этот замысел осуществился, имя А.И. Галича безусловно заняло бы не последнее место в автобиографических заметках А.С. Пушкина.

Наконец, в дневнике 1834 года А.С. Пушкин сделал такую запись — говорящую о том, что его чувства к А.И. Галичу после долгой разлуки не остыли: «*17 марта*. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского *Converssation's Lexicon*. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды не вижу. Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свинын. — Гаевский подписался, но с условием. К.[нязь] Одоевский и я последовали его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои *Воспоминания в Ц.[арском] Селе*» (XII, 321–322).

Таким образом, на протяжении всей своей биографии А.С. Пушкин вспоминал А.И. Галича. Обе личности в духовном отношении были близки друг к другу. Поэтому интересно проследить, какое место имя поэта заняло в филологическом сочинении А.И. Галича «Словарь русских синоним, или сословов» (1840), выпущенном уже после гибели А.С. Пушкина. А.И. Галич успел издать только первую часть книги (буквы А–В), но по объему она оказалась внушительной — 496 страниц совсем не похожего на ученый труд «Словаря». Это скорее, говоря современным языком, рецепция его философско-лингвистических взглядов, желание помочь современникам понять красоту и семантическую широту слов, показать, в чем состоят их отличия, в каких ситуациях и контекстах уместно употреблять синонимы. В нем много авторских моментов: вдохновенная лира А.И. Галича и здесь вела его по заветным тропинкам словесности. И он, отвлекаясь от строгих правил, следовал только своему наитию, вдохновению.

«Словарь» А.И. Галич посвятил графу С.С. Уварову — «высокому покровителю наук и общепользным ученых трудов»¹⁹, бывшему почетным членом (1811) и президентом Петербургской (Императорской) Академии наук (1818–1855), а в 1833–1849 годах — министром народного просвещения.

В предисловии автор говорил об особенностях издания, его структуре, источниках: «Сущность вещи и значение слов обыкновенно излагаются в их определениях. Для того *Редакция нравственных сочинений*, предприняв составить подобный *Словарь*, сочла нужным заимствовать такие определения и объяснения на каждое слово из *Словаря Академии Российской*. Это основание начатого издания. Затем следует очерк слов, членов одного семейства, соединенных между собою как бы узами родства. Чтобы представить эту часть сколь можно полнее, чтоб означить оттенки каждого слова разительнее и показать между словами сходство и несходство отчетливее, *Редакция* принимала в соображение сочинения лучших европейских собирателей *сословов*. Наконец она подкрепляла, где могла, объяснения на каждое слово примерами из наших лучших писателей, стараясь при выписке их сохранять вполне как мысль автора, так и изящность самого изложения. — После утомительного, может быть для некоторых, рассуждения о разных свойствах слов приятно отдохнуть на каком-нибудь прекрасном изречении, звучном стихе или острой эпиграмме любимых поэтов и прозаиков»²⁰. Далее он объяснял, что такое сходство слов, различие слов, корни слов, какими свойствами должен обладать синонимист: «Он должен быть столько проницателен, чтобы мог подметить в каждом из взятых им слов самые малейшие, но притом и самые существенные его свойства; должен уловить почти неуловимые его оттенки, схватить такие его признаки, которые хотя не всякому прямо бросаются в глаза с первого взгляда, но которые каждому будут понятны, когда синонимист удачно их объяснит»²¹. А.И. Галич подчеркивал, что важно знать историю слова и черты его бытования в разных языках, «например: посуда, из которой люди некогда ели, в одной области называлась *блюдом*, в другой *мисою*, в третьей *чашею*»²². Очень важно, что ученый видел и понимал не только

¹⁹ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. СПб., 1840. С. I.

²⁰ Там же. С. IV.

²¹ Там же. С. VI.

²² Там же. С. VII.

стилистические различия между синонимами, но и территориальные, и языковые: «Чаша, миса, блюдо *сходны* в том, что означают посуду, ставимую на стол и содержащую в себе яства; но различны по своему устройству, форме и употреблению, как всякому известно. Малороссийское *гуторить* и русские *калякать*, *болтать* сходны между собою в общей идее — *пустословия*, но различны своими особенными оттенками; и русский баснописец (в басне: муха и дорожные) прекрасно употребил первое из них, несмотря что оно областное»²³.

Большое внимание А.И. Галич уделял «употреблению народному». Он считал, что «народ чем более размножается, тем более действует, тем более изобретает и тем более имеет нужду вводить новые слова для названия вновь изобретенных им вещей, для изъяснения своих работ и пр. и пр. Такие слова и речения он употребляет с точностию. В чем ошибся бы один, в том поправит его другой, третий, сотый, тысячный. Оттого *народное употребление* слов и речений делается твердым, надежным, основательным. Оттого оно может служить для синонимиста источником самым верным, опорою самую твердую»²⁴.

В то же время А.И. Галич полагал, что важно разбираться и в книжном языке: «Что в народе начинается, то в высших обществах и у писателей продолжается; что там возникает, здесь возрастает; что там зарождается, здесь совершенствуется»²⁵.

В финале вступительной части А.И. Галич сообщал, что «назначенное же Академиею отделение слов русских от иностранных, вторгнувшихся в наш язык, к затмению понятий, будет изложено в особых реестрах, для удобства, под конец издания. Там же вполне напечатаны выставленные в нашем Словаре сокращенно имена писателей, из которых заимствованы примеры *сословов*»²⁶. Но этого он не успел осуществить, по крайней мере, вышла только первая и единственная часть замечательного «Словаря» — грандиозного, смелого замысла А.И. Галича, достойного того, чтобы включить это издание в хрестоматию истории филологической мысли XIX века.

Теперь обратимся к источникам «Словаря». В предисловии ученый назвал главный из них — «Словарь Академии Российской», который

²³ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. VIII.

²⁴ Там же. С. IX–X.

²⁵ Там же. С. X.

²⁶ Там же. С. XIII–XIV.

послужил ему отправной точкой для определения цепочек синонимов. Каждая словарная статья начинается с такой подборки: «*Августейший*, происходя от латинского Augustus, значит: священнейший, достопочтеннейший, величественнейший. Придается государям и их высочайшему роду. *Всепресветлейший*: титул, придаваемое самодержавным государям и государыням. *Самодержавнейший*: всю власть в себе сосредоточивающий, власть в себе заключающий. — *Сл. Акад. Рос.*»²⁷

Иллюстративный материал А.И. Галич собственноручно выбирал из официальных изданий («Журнала Министерства народного просвещения», манифестов 10 июля 1812, 24 декабря 1813 года и т. п.), исторических («Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, «Истории русского народа» Н.А. Полевого) и духовных сочинений (Евангелия от Марка, Книги пророка Исаи), произведений русских писателей и поэтов XVIII–XIX веков. Это основные источники «Словаря». По предварительным подсчетам чаще остальных ученых цитировал трех авторов: Н.М. Карамзина, И.А. Крылова и А.С. Пушкина.

Первое появление имени А.С. Пушкина мы видим уже на шестой странице в словарной статье «Адрес, надпись, вывеска, оглавление, подпись, девиз»:

Татьяна в оглавлении кратком
Находит азбучным порядком
Слова: *бор, буря, ворон, ель*, и проч.²⁸

На 16-й странице словарная статья «Алчность, жадность, вожделение, похотение» проиллюстрирована таким отрывком:

Их сладострастные напевы
В сердца вливают жар любви;
Их перси дышат *вожделеньем*;
Их очи, полные безумством и томленьем,
Сказали: счастье лови!²⁹

²⁷ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 1.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Там же. С. 16. Слово *вождеделение* А.И. Галич пояснял, ссылаясь на «Словарь Академии Российской», так: «сильное желание, великая охота» (Там же. С. 15).

Не во всех случаях А.И. Галич давал атрибуцию. В данном примере не указано, из какого стихотворения были взяты строфы. Это — «Торжество Вакха» (1818), впервые напечатано в «Стихотворениях А. Пушкина» 1826 года. Выше иллюстрировались слова *алчность* (Крылов), *жадные* (Батюшков).

Статья «Альманах, календарь, эфемериды» была проиллюстрирована цитатой из «Горя от ума» А.С. Грибоедова и «Евгения Онегина»:

Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи и журналы и проч.³⁰

Объемная статья была посвящена такой теме: «Анекдоты, записи публичные, история, временник или хроника, летописи, мемуары, комментарии, донесения». После кратких определений, взятых из «Словаря Академии Российской», А.И. Галич давал собственные комментарии к тому, как он понимал эти слова. Например: «*История* есть последовательное и ученое в своем основании изложение или повествование о достопамятных деяниях и происшествиях, более всего могущих познакомить нас с людьми, народами, государствами и проч.»³¹ Вот как он объяснял разницу между *хроникой* и *летописью*: «*Хроника* мелочна и точна в показании времени; *летопись* только соблюдает общий порядок в период данного года. *Хроники* описывают происшествия и в малых и в больших обществах, в уездах и губернских городах; *летопись* передает события только национальные. *Хроника* заглядывает и в домашний быт разных знаменитостей; *летопись*, в собственном смысле, относится только к таким делам, которые касаются до государственного устройства. Но это слово, т. е. *летопись*, часто употребляется в значении несобственном. *Хроники* могут ограничиваться простым изложением фактов и былого; *летопись* позволяет себе входить в причины и следствия происшествий»³².

Приведем еще один пример толкования слова, тем более что А.И. Галич здесь полагался более не на словарную практику, то есть объяснительную норму тех лет, а на свои представления: «*Анекдоты* суть

³⁰ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 18.

³¹ Там же. С. 19.

³² Там же. С. 21–22.

собрание еще не обнародованных фактов или поступков, любопытных особенностей, которые могут прояснить тайны политики и литературы и вполне обнажить скрытые пружины происшествий. — Предмет этого рода сочинений состоит в том, чтоб обнаружить неизвестные причины, побуждения и пружины; эти причины, часто столь маловажные, производят значительные последствия; эти побуждения, часто мелочные, подают повод к важным начинаниям; эти пружины, часто столь непрочные, производят самые достопамятные перевороты. Англичане называют *анекдотом* тайную историю»³³.

Примечательно, что у А.С. Пушкина из «Евгения Онегина» ученый взял такой отрывок для иллюстрации слов *хроника* и *анекдот*:

Он рыться не имел охоты
В *хронологической* пыли
Бытописания земли;
Но дней минувших *анекдоты*,
От Ромула до наших дней,
Хранил он в памяти своей³⁴.

Словарную статью «Антипатия, ненависть, омерзение, отвращение» иллюстрируют сразу две цитаты из произведений А.С. Пушкина: первая из «Руслана и Людмилы» —

Не слышать вещего Бояна,
Потупили смущенный взгляд;
То три соперника Руслана —
В душе несчастные таят
Любви и *ненависти* яд.

И вторая — из «Сцены из Фауста» (реплика Мефистофеля):

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым *отвращеньем*: и проч.³⁵

³³ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 23.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Там же. С. 27.

Интересны в контексте наблюдения над языковой личностью А.И. Галича его рассуждения о «культурной» семантике слов, в которых выражена нравственная философия ученого. Так, он утверждал: «Переход от *ненависти* к любви, как говорит один остроумный человек, гораздо ближе, нежели от *ненависти* к равнодушию. Часто мы чувствуем *омерзение* именно к тем людям, с которыми долг обязывает нас жить вместе. Всего менее зависит от нас *антипатия*; одно только в нашей власти — скрыть ее. Никогда не должно с *отвращением* делать то, чего от нас требует рассудок, честь и долг. *Ненавидеть* должно пороки; чувствовать *омерзение* к тому, что вредно; иметь *антипатию* к тому, что ведет к пороку, а *отвращение* от гнусных и коварных поступков или от того, что может вредить нашему доброму имени»³⁶.

Проследим, какие синонимы использовал А.И. Галич, заключая их толкование пушкинскими текстами³⁷:

3. Адрес, надпись, вывеска, **оглавление**, подпись, девиз — из «Евгения Онегина».

11. Алчность, жадность, **вожделение**, похотение — из «Торжества Вакха».

13. **Альманах**, календарь, эфемериды — из «Евгения Онегина».

14. **Анекдоты**, записи публичные, история, временник или **хроника**, летописи, мемуары, комментарии, донесения, жизнь, житие, жизнеописание — из «Евгения Онегина». В пушкинской цитате А.И. Галич выделил слово *хронологической*, которое в его понимании, очевидно, соотносится с *хроникой*.

15. Антипатия, **ненависть**, омерзение, **отвращение** — из «Руслана и Людмилы» и поэмы «Сцена из Фауста».

16. Апокрифический, недостоверный, **сомнительный** — из «Руслана и Людмилы» (здесь только одна цитата из А.С. Пушкина, других авторов нет).

17. **Аппетит**, **голод** — из «Евгения Онегина» (здесь только одна цитата из А.С. Пушкина, других авторов нет).

³⁶ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 26.

³⁷ Жирным шрифтом мы выделили те слова, которые использовал А.И. Галич для иллюстрации пушкинскими текстами. Цифра обозначает порядковый номер синонимической группы, всего их в «Словаре» 227 (номер 52 по ошибке повторен дважды).

18. **Арестантская, темница** — из «Руслана и Людмилы» (здесь только одна цитата из А.С. Пушкина, других авторов нет).

19. **Арест**, заключение — из «Капитанской дочки».

21. Астролог, **астроном** — из «Истории Пугачева» — историческая монография.

24. Басня, повесть, **роман**, рассказ, сказка — из «Евгения Онегина».

25. **Безбожный**, злочестивый, нечестивый — из «Пира во время чумы» (драматическая пьеса из цикла «Маленьких трагедий»).

31. **Беспокойство**, мучение, досада, огорчение, скорбь, горесть, **печаль**, грусть, уныние, тоска — из сказки-баллады «Жених» и «Евгения Онегина».

32. **Бесславие**, бесчестие, обида, оскорбление, поругание, поношение, позор — из «Руслана и Людмилы».

34. **Бессмысленный**, помешанный, сумасшедший, **безумный**, безрассудный, взбалмочный, глупый, неистовый, бешеный, дурак, сумасбродный, скудоумный, несмысленный — из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина».

36. **Бесчувственный**, равнодушный, хладнокровный, нечувствительный, жестокий, строптивый, жестокосердый, лютый, бесчеловечный, безжалостный, варварский, зверский — из «Евгения Онегина».

38. Бестолково, без рассмотрения, неосмотрительно, необдуманно, невнимательно, **наобум**, слепо — из «Евгения Онегина».

39. **Бережливость**, экономия, домостроительство, хозяйство, **расчетливость**, скупой, скряга, корыстолюбивый — из «Евгения Онегина» (три цитаты).

40. Бережность, **внимательность**, осторожность — из «Евгения Онегина».

42. Битва, **бой**, сражение, сеча, сшибка, **война**, **борьба**, драка — из «Руслана и Людмилы» (две цитаты) и «Полтавы».

44. Благовоспитанность, учтивость, вежливость, благонравие, светскость, ловкость, обходительность, **благопристойность** — из «Послания Дельвигу».

45. Благовременно, в пору, своевременно, **рано**, прежде — из «Моцарта и Сальери».

51. Благоволение, благоприятство, **благосклонность**, человеколюбие, радушие, **нежность** — из «Евгения Онегина» и стихотворения «Дориде».

52. **Благополучие**, счастье, благосостояние — из сказки «Жених».
53. Благополучный, **блаженный**, счастливый, довольный, удовлетворенный — из «Евгения Онегина».
55. **Благородный, великодушный** — из «Песни о вещем Олеге», «Наполеона» (две цитаты), «К Н.Я. Плюсковой».
56. **Благородство**, величие души, великодушие — из «Евгения Онегина».
58. Благочестивый, богобоязненный, набожный, **богомольный**, праведный — из «Евгения Онегина».
62. Блуждать, бродить, **кочевать**, скитаться, шляться, колобродить, странствовать — из поэмы «Братья-разбойники».
63. **Бледный**, полинялый, **поблекший** — из «Евгения Онегина» (две цитаты).
64. Божба, клятва, **присяга** — из «Послания Дельвигу».
66. **Болезнь**, боль — из «Бахчисарайского фонтана».
68. **Болтать**, врать, калякать, лепетать — из «Евгения Онегина».
69. Болтливость, говорливость, **сплетничество** — из «Евгения Онегина».
71. **Бормотать**, заикаться, косноязычить — из «Руслана и Людмилы».
73. **Боязливый**, трусливый, несмелый, **робкий** — из «Руслана и Людмилы» и «Бориса Годунова».
74. Боязнь, тревога, страх, **трепет, испуг**, ужас, робость, опасение, стыд — из стихотворения «Яныш королевич» (цикл «Песни западных славян») и «Руслана и Людмилы».
78. Брань, **спор**, ссора, раздор, **драка** — из «Графа Нулина» и «Бородинской годовщины».
80. Бред, грезы, **мечты** — из «Евгения Онегина».
85. Буйный, сильный, стремительный, порывистый, **дикий** — из «Евгения Онегина».
86. **Бунт, мятеж**, стечение народа, возмущение, восстание, ополчение — из «Бориса Годунова» и «Бородинской годовщины».
87. Буря, **непогода**, туча, гроза, ураган — из поэмы «Цыганы».
89. **Быстрый, мгновенный**, скорый, проворный, приткий, поспешный — из «Евгения Онегина» (две цитаты).
90. Бытие, естество, будущее, действительность, существование, пребывание, **жизнь** — из стихотворения «Если жизнь тебя обманет...»
91. **Беглец**, переметчик — из «Евгения Онегина».

93. Бедность, нищета, **недостаток**, нужда, крайность — из «Евгения Онегина».

94. **Бежать**, гнаться, **скакать**, ристать, мчаться, течь — из «Кавказского пленника» и «Евгения Онегина».

95. Важный, степенный, серьезный, **торжественный**, строгий, суровый, крутой, угрюмый — из «Евгения Онегина».

97. **Вал**, **ограда**, **бульвар**, твердыня, укрепление — из «Полтавы», «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова».

102. Везде, повсюду, **вообще** — из «Евгения Онегина».

103. Великий, большой, обширный, безмерный, громоздкой, огромный, **высокий**, возвышенный или выпренный — из «Евгения Онегина».

104. Величать, выхвалять, **прославлять**, превозносить, хвалить, рекомендовать — из «Евгения Онегина».

107. **Верх**, верхушка, **вершина**, маковка — из повести «Выстрел» и «Руслана и Людмилы».

109. Веселый, **разгульный**, живой, бодрый, резвый, игривый — из «Зимней дороги».

110. Веселье, увеселение, забава, **развлечение**, **занятие**, потеха, препровождение времени — из «Евгения Онегина» и «Русалки».

112. Весь, целый, цельный, **полный**, совершенный — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

116. Взвешивать, **колебаться**, коснеть, останавливаться — из «Руслана и Людмилы».

117. **Вздорный**, глупый, нелепый — из «Евгения Онегина».

118. Вздыхать, охать, **стонать** — из «Евгения Онегина».

123. **Вид**, образование, форма, фигура — из «Евгения Онегина».

124. **Виды**, мета, цель, предмет, конец, предначертание, умысел, замысел (так у А.И. Галича), намерение, затея — из «Полтавы».

126. Видение, **явление**, призрак, дух, мертвец, привидение, **мечта**, подобие — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

127. Видеть, смотреть или глядеть, рассматривать, подглядывать, глазеть, пучеглазить, щурить глаза, коситься, усматривать, замечать, наблюдать — из «Евгения Онегина» («...Не ходи *подсматривать* / Игры наши девичьи»). Здесь совсем не точная корреляция с приводимым синонимическим рядом. К какому слову его отнести: *рассматривать*, *усматривать*, *подглядывать*?

130. **Витиеватый**, **красноречивый** — из «Клеветникам России» и «Евгения Онегина».

133. Владелец (**владелец**), помещик, господин, Господь, барин, **хозяин** — из «Евгения Онегина».

135. **Влажный**, мокрый, сырой — из стихотворения «Ненастный дух потух...»

136. Власть, сила, могущество, полномочие — из поэмы «Анджело».

138. **Влюбленный**, любитель, любезник, любовник, волокита — из «Евгения Онегина»³⁸.

139. **Вмениять**, приписывать, причитать — из «Евгения Онегина».

140. Внимание, **уважение** — из «Скупого рыцаря».

141. Внимательность, точность, **заботливость**, осторожность, осмотрительность, уважение, рассудительность — из «Евгения Онегина».

144. Внушать, растолковать, **намекать**, надоумлять, подушать или наущать — из «Полтавы».

145. Внешний, **наружный** — из «Евгения Онегина».

148. Водиться, посещать, **навещать**, гостить — из «Евгения Онегина».

151. Возбуждать, **пробуждать**, вызывать, расшевеливать, раздражать — из «Евгения Онегина».

152. Возбуждать, ободрять, заставлять, **одушевлять**, побуждать, по-нуждать, поощрять, **принуждать**, подстрекать, увлекать — из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина».

154. Возвысить, поднять, **воздвигнуть**, возвышать, поднимать, воздевать, вздывать (воздымать), воздвигать, возносить, водружать — из «Бахчисарайского фонтана».

156. Воздержанный, трезвый, целомудренный, посредственный, умеренный, стыдливый, **недоверчивый**, скромный — из «Евгения Онегина».

160. **Возможность**, способность — из «Полтавы».

162. Возобновление, освежение, поновление, **оживление**, восстановление, **возрождение** — из «Евгения Онегина».

163. **Возражение**, отрицание, **противоречие**, или прекословие — из «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника».

³⁸ Выше А.И. Галич приводил еще одну цитату: «...Ах! К чему *Любовник* хитрый не приводит. *Пушк. Аминть*». Предварительные поиски показывают, что это строки из стихотворения Н.Ф. Остолопова (1783–1833) «Дафна и Сильвия» с подзаголовком: Отрывок из Тассовой пастушеской повести «Aminta» [Электронный ресурс: <https://learnoff.com/library/ostolopov-n-f-dafna-i-silviya/?yclid=mdzx2h3716709006798>].

164. **Возражение, сомнение, недоумение, раздумье** — из эпиграммы «Как сатирой безымянной...», «Евгения Онегина» (две цитаты) и стихотворения «Лицинию».

166. **Волна, вал** — из «Сказки о царе Салтане» и «Евгения Онегина» (здесь только две цитаты из А.С. Пушкина, других авторов нет).

167. **Возрастать (расти)**, умножаться (или размножаться, плодиться), увеличиваться, вздыматься (вздуваться, пучиться), усиливаться — из поэмы «Братья-разбойники».

168. Волокитство, **коккетство**, любовь — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

169. Волокно, **нитка**, жилочка — из «Евгения Онегина».

170. **Вольный**, свободный, **независимый**, самовольный, или своевольный, необузданный — из «Полтавы».

172. **Вообще, все, каждый** — из «Сказки о царе Салтане» и «Евгения Онегина» (две цитаты).

176. **Вор**, хищник, мошенник — из «Бориса Годунова».

177. **Воспитанник**, ученик, школьник, последователь — из «Евгения Онегина».

179. Восход, **восток**, рассвет — из «Евгения Онегина».

181. Впрочем, наконец, **напоследок, между тем** — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

183. Вражда, **злоба, ненависть**, зложелательство или недоброхотство — из стихотворения «Поэт и толпа» (у А.И. Галича — «Чернь») и «Евгения Онегина».

184. Врачевать, исцелять, **лечить** — из «Евгения Онегина».

186. Вред, повреждение, **потеря**, подрыв, убыток, изъяз — из «Евгения Онегина».

187. **Время**, продолжительность — из «Полтавы».

190. **Вручить**, отдать, **предоставить** — из «Евгения Онегина» и «Руслана и Людмилы».

191. Всегда, **завсегда**, навсегда, беспрестанно — из «Евгения Онегина».

193. **Вскормить**, воспитать — из поэмы «Братья-разбойники».

194. **Встретить, найти** — из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова».

195. **Встреча**, происшествие, или приключение, обстоятельство, случай — из «Евгения Онегина».

201. **Встарь** (в старину), прежде, давеча (так у А.И. Галича), **давно**, некогда, во время оно, древле — из «Евгения Онегина» и «Моцарта и Сальери»

202. **Выбирать**, избирать, отбирать, изыскивать, разбирать, предпочитать — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

В тексте этой группы встречается любопытный комментарий А.И. Галича: «Екатерина II для своего летнего жительства *выбрала* Царское Село. Буало *предпочитал* Расина Корнелю. Иные из наших литераторов довольно забавно *предпочитают* Баратынского Пушкину, Подшивалова Карамзину, Лермонтова Лажечникову»³⁹.

204. Выгода, **польза** — из поэмы «Анджело».

206. Выигрыш, барыш, прибыль или прибыток, корысть, **выгода**, **доход** — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

210. **Выражение**, слово, слог — из «Графа Нулина» и «Евгения Онегина».

211. Выдумка, изобретение, вымысл (так у А.И. Галича), **сочинение** — из поэмы «Домик в Коломне».

213. Вымен (промен, **обмен**), размен — из «Евгения Онегина» (две цитаты со словами *обмененный, меняю*).

214. **Выразить**, высказать — из «Евгения Онегина».

216. Высокомерие, надменность, тщеславие, **гордость**, самонадеянность, заносчивость, спесь, кичливость — из «Евгения Онегина».

217. Высочайший, **верховный** — из стихотворения «Поэту».

218. Выходить, **происходить**, проистекать, **вытекать**, производить — из «Бориса Годунова» и «Родословной моего героя».

221. Вера, доверенность, **верование**, уверенность — из «Евгения Онегина».

225. **Верный**, **надежный**, известный, точный — из «Евгения Онегина» (две цитаты).

Таким образом, из 227 статей «Словаря» 114 содержали цитаты из произведений А.С. Пушкина. Чаще всего А.И. Галич ссыался на роман «Евгений Онегин». Почти все цитаты из поэтических произведений и только три — из прозы. Это повести «Капитанская дочка» (№ 19), «Выстрел» (№ 107) и историческая монография «История Пугачева» (№ 21).

³⁹ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 446.

Заметим, что не все слова синонимического ряда были проиллюстрированы цитатами из пушкинских произведений, совпадающих по форме с приводимым перечнем сословов. К тому же часто А.И. Галич приводил для примеров в одной группе синонимов цитаты разных авторов. Например, в группе под номером 32 только одно слово *бесславный* соотносится с А.С. Пушкиным, другие же — с Дмитриевым (две цитаты), Крыловым, Карамзиным (три цитаты); в группе 34 только два слова *безумец* и *бессмысленный* показаны в пушкинских строках, остальные — из Баратынского, Карамзина, Крылова (несколько цитат — А.И. Галич очень часто и помногу использует этого автора), Дмитриева и т. д.

Кроме того, А.И. Галич использовал не всегда одну и ту же грамматическую форму. Так, в группе 31 у него в синонимическом ряду слово *беспокойство*, а в пушкинской цитате *беспокоясь*; в группе 32 у А.И. Галича — *бесславие*, а цитируемом фрагменте из «Руслана и Людмилы» — *бесславной*, в группе 34 у автора «Словаря» — *безумный*, в цитате из «Евгения Онегина» — *безумец*, в группе 63 у А.И. Галича — *поблекший*, в строке из «Евгения Онегина» — *поблеклый*, в группе 184 в цепочке синонимов — *лечить*, в пушкинской цитате — *лекарство*, и т. д. Такая непоследовательность была вызвана, очевидно, нечетким пониманием самого термина «синоним», его границ. В первой половине XIX века это было обычным явлением в лингвистической практике, поэтому не стоит строго судить А.И. Галича за такое вольное сопоставление слов синонимических рядов с примерами. Для него самым важным было «раскрыть пред своими читателями такое слово во всей полноте, показать его признаки существенные и частные...»⁴⁰

Что касается упоминания имени А.С. Пушкина в словарных статьях, то это встречается дважды: в объяснении слова *предпочитать* (№ 202) и в оценке поэтических достоинств творчества А.С. Пушкина (в описании группы синонимов под номером 109). Во втором случае, объясняя разницу в употреблении слов *живой*, *резвый*, *веселый*, *разгульный*, А.И. Галич заметил: «Эти речения сохраняют тот же самый смысл, когда прилагаются к характеру и действиям лиц либо к самим лицам. *Живы* воображение, остроумие, картины; *резвы* телодвижения, музыка, пляски; *игриво* перо Пушкина, Вельтмана и пр.

⁴⁰ Галич А. Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. VI.

Что-то слышится родное
В длинных песнях ямщика,
То *разгулье* удалое,
То сердечная тоска. — *Пушк.*⁴¹

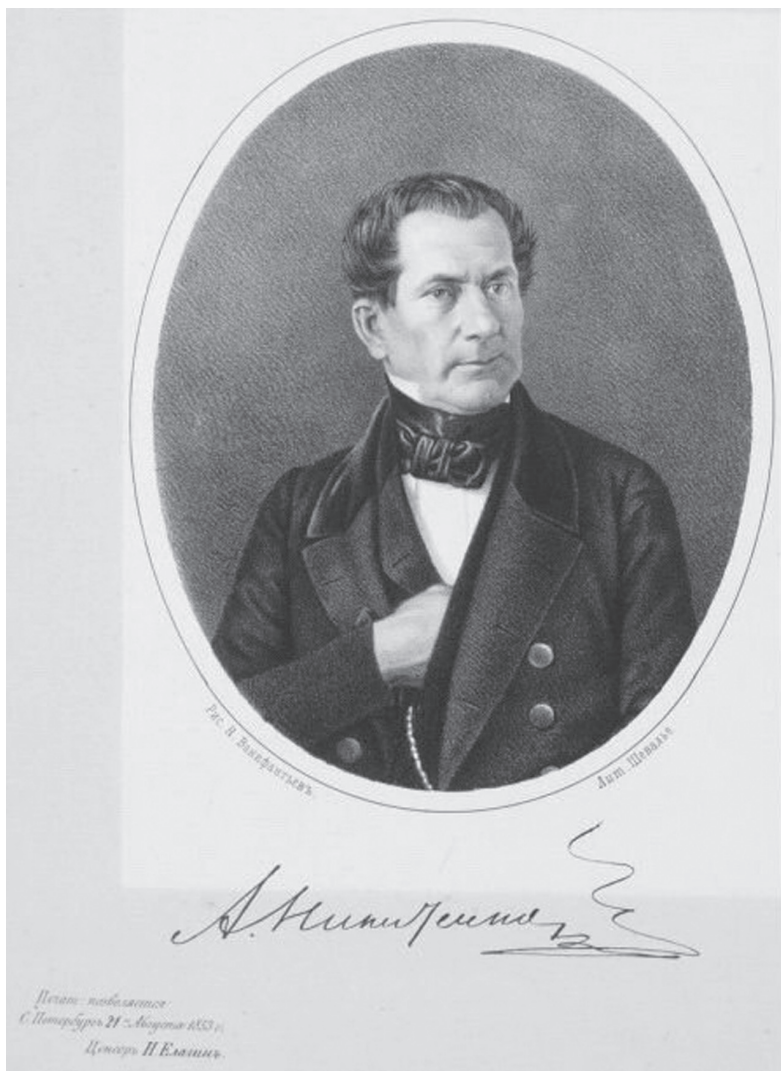
Кроме А.С. Пушкина, из лицейстов в «Словаре» А.И. Галич цитировал также А.А. Дельвига, друга поэта, получившего от него характеристику «сын лени вдохновенный».

А.И. Галич изданием этого редкого и оригинального по замыслу «Словаря» еще более утвердил имя А.С. Пушкина в кругу классических поэтов и писателей того времени, показал богатство стилистических красок и словесных узоров его текстов, щедро цитировал своего ученика, и, наверное, невольно вспоминал годы учительства в Царскосельском лицее и атмосферу доверительности, творческого полета и душевного тепла, которая царила между ним и его воспитанниками. Показательно и то, что в *научном* сочинении имя А.С. Пушкина по частотности использования оказалось сопоставимо и с именем И.А. Крылова, и даже Н.М. Карамзина.

⁴¹ *Галич А.* Словарь русских синоним, или сословов, составленный редакцией нравственных сочинений. Ч. 1. С. 252.

Царскосельский лицей

Александр Васильевич Никитенко (1804/1805–1877) —
цензор, профессор кафедры русской словесности
Санкт-Петербургского университета,
действительный член Академии наук

И. Витман. Пушкин-лицеист в Царском Селе. 1954 год. Фрагмент

*Е.Л. Орлова-Афиногенова. Пушкин-лицеист.
1990-е годы. Оргалит, масло. 120 × 90.
Из коллекции Всероссийского музея А.С. Пушкина. КП-32745*

*Инсценировка лицейского экзамена А.С. Пушкина,
устроенная по просьбе И.Е. Репина во время его работы над картиной.
Фото К.К. Буллы. 1911 год. Позитив ч/б. 20,5 × 28,8.
Из Института русской литературы (ИРЛИ)
(Пушкинский Дом) в 1953 году. КП-12177*

*Первый этаж музейного комплекса «Мемориальный Музей-Лицей»:
1811–1817 — годы обучения А.С. Пушкина в Лицее*

Х.Г. Сайбаталов с рисунка неизвестного художника.

Николай Федорович Кошанский. 1950-е годы.

*Николай Федорович Кошанский (1785(?)-1831) — профессор
русской и латинской словесности в Императорском Царскосельском лицее*

*Яков Карлович Грот (1812–1893) — филолог, академик,
вице-президент Императорской Академии наук*

1840

усерднѣйше посвящается.

Синонимы нѣкогда были опредѣляемы по-латынѣ: *verba idem significantia*, т. е. слова тождественныя; по-нѣмцки: *Wörter gleichbedeutende, gleichzeitige, sinnewandte*, т. е. слова равнозначныя, сродныя по своему знаменованію. Ни латинское опредѣленіе, ни два первыхъ нѣмцкихъ не выражаютъ существа вещи; послѣднее только *sinnewandte*, сродныя по своему знаменованію, или значенію, очень выразительно. « Особенное свойство *soslovoev*, говорить знаменитый Французскій Синонимистъ Абатъ Жираръ, состоитъ въ томъ, что они, будучи сходны между собою какъ братья въ общемъ понятіи, различуются, однакожъ, другъ отъ друга какою-нибудь

А.И. Галич.
Словарь русских синоним,
или сословов. СПб., 1840

А.Д. Ильичевский. Лицейские профессора,
ищущие милости у графа А.К. Разумовского.
1815 год. Царское Село. Бумага цветная, чернила, перо.
Из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина
(поступил из архива Я.К. Грота)

РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» (США)

Старейшая эмигрантская газета, выходившая на бумаге почти сто лет (с 1910 года под названием «Русское слово», с 1920 по 2010 год — «Новое русское слово»), отразила различные аспекты рецепции А.С. Пушкина в сознании русскоязычной эмиграции нескольких поколений. Она публиковала не только новости, но и литературные произведения, разнообразную критику, обзоры театральных постановок, рецензии на кинофильмы, хронику художественной жизни. Конечно, имя А.С. Пушкина для русской эмиграции было объединяющим символом, поэтому на страницах американской газеты, как и в большинстве русскоязычных периодических изданий, появлялись статьи, связанные с юбилеями поэта, новости о выходе его сочинений, другая разнообразная информация.

Из всех выпусков «Нового русского слова» мы выбрали несколько показательных публикаций, которые отражают разные нюансы восприятия личности и творчества А.С. Пушкина русскими американцами в 1930-е, в 1940-е и в 1970-е годы. В подготовке статьи использовались выпуски газеты «Новое русское слово», взятые в базе данных West View (<https://dlib.eastview.com>).

Возможно, по причине малодоступности заокеанского издания российские ученые лишь sporadически обращаются к теме рецепции русской литературной классики и в частности — рецепции А.С. Пушкина, проявленной в этой газете. Например, Б.П. Башилов, рассуждая о гибели поэта, приводит цитату из статьи «Нового русского слова» за 1957 год: «Член Ордена Р. И. Е. Грот пишет в статье «Дуэль и смерть Пушкина» («Новое русское слово», № 16157), что «злые силы сделали Наталью Николаевну игрушкой и орудием своих черных планов. Если бы им не удалось использовать Натали, они нашли бы другой способ, но Пушкина они всё равно бы погубили»¹. Другой исследователь отметил очерк Г.П. Федотова, опубликованный в «Новом русском слове» в 1949 году и характеризующий гуманизм поэта².

¹ Башилов Б. Пушкин и масонство // Библиотека Максима Мошкова: сайт [Электронный ресурс: https://lib.ru/POLITOLOG/OV/pushkin_masons.htm].

² Соловьев В.М. Гуманистическое кредо А.С. Пушкина // Философский

И всё же особенность «Нового русского слова» в том, что газета представляла информацию о событиях не только в США, но и во всей Европе, прежде всего тех, что были связаны с жизнью русских беженцев в Германии, Франции, на Балканах, в том числе информацию литературного содержания. Неудивительно, что в выпуске 1931 года были представлены цифры выдачи книг из Тургеневской библиотеки в Париже³. По статистике 1930 года лидером по книговыдаче среди русских беллетристов оказался Лев Толстой, имени А.С. Пушкина в перечне писателей, проза которых выдавалась парижским читателям, не оказалось. Автор заметки с легкостью объясняет причину этого отсутствия: Пушкин, Лермонтов, Гоголь — авторы, которые «перестали быть просто книгами для чтения, они уже «настольны», их знают со школы и очень многие имеют у себя, дома»⁴. Итак, Пушкин как безусловный классик, необходимый разным поколениям, не нуждается в каком-либо статистическом учете, его произведения — просто неотъемлемая часть жизни русского человека даже в далекой заокеанской стране.

Другое дело, когда внимательный и придирчивый литературный критик «Нового русского слова» считает количество возможных выстрелов из одного оружия, опираясь на информацию из пушкинских произведений. Так, в 1931 году в серии критических статей под общим названием «О литературных курьезах и нелепостях» И.Л. Тартак прошелся по творчеству Ю.Н. Тынянова. В заметке «Советский эрудит», иронически называя Тынянова «спецом» по эпохе Пушкина и его друзей», Тартак рассказывает об обнаруженных ошибках. Более всего получает разгром тыняновский роман «Кюхля», в котором целая глава, по словам Тартака, оказалась посвящена перестрелке В.К. Кюхельбекера с черкесом⁵. Для критика обидным является даже не то, что друг Пушкина стреляет из многозарядного «современного револьвера или пистолета с обоймой, а черкес — из магазинного ружья, т. е. из оружия, тогда еще и в помине не бывшего», а то, что советская

полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2 (6). С. 174.

³ *Кнорринг Н.* Что читают в эмиграции // Новое русское слово. 24.05.1931 (№ 6692). С. 10.

⁴ Там же.

⁵ *Тартак И.Л.* О литературных курьезах и нелепостях // Новое русское слово. 2.08.1931 (№ 6762). С. 10.

наука называет роман пушкиниста «новым достижением, правдивым, как документ»⁶. По мнению Тартака, очевидно, что «подобная перестрелка была совершенно немислимой в эпоху Пушкина»⁷. Самому же Тынянову дается совет внимательнее прочесть «Пушкина и Лермонтова, чтобы знать «Евгений Онегин», «Выстрел», «Герой нашего времени», что раз выстреливши из ружья или пистолета того времени, процесс нового заряжения был столь длителен и хлопотлив (ружья и пистолеты были кремневые, с насыпанием пороха на полку, с вбиванием шомполом пороха и пули), что при близкой дистанции противников друг от друга ружье и пистолет годились дальше только для рукопашной схватки»⁸. Но надо отдать должное Тартаку: его замечки не преследовали желания уличить кого-либо во лжи, вызвать неприятие или унижить писателей. Например, в соседней заметке он показал нелепости в романе «Война и мир», сведя свои наблюдения за промахами больших писателей к умозаключению восточного мудреца: «Западня ошибки раскрыта для всего живущего, от малого до великого»⁹.

В том же году редакция газеты опубликовала отзыв о первой части только что вышедшей в печати книги М.А. Алданова «Десятая симфония». В этом произведении изображен светский прием у художника Изабе, на котором особенно выдается элегантною веселый молодой сенатор, француз, который носил «инострannую фамилию». Впоследствии Изабе вспомнит, «что у сенатора была много лет тому назад неприятная история в России, где он кого-то убил на дуэли. Этот поединок создавал барону огромный престиж у дам»¹⁰. Естественно, речь шла об убийце А.С. Пушкина — Дантесе. Парадоксально, но именно слава убийцы помогла французскому авантюристу комфортно устроиться в светском обществе. Однако между алдановских строк прочитывается иное: хорошо, что иногда имя Дантеса, в отличие от имени Пушкина, забывают.

Для нас важен и другой аспект критического материала: то, что в этой рецензии упомянута история, рассказанная А.Ф. Онегиным,

⁶ Тартак И.Л. О литературных курьезах и нелепостях. С. 10.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Алданов М. Собрание сочинений. В 6 кн. М., 1995. Кн. 4. С. 516, 520.

создателем Пушкинского музея в Париже, лично знавшим Дантеса¹¹. Алданов несколько раз пересказывал ее в своих произведениях:

«Только однажды за всё время своего знакомства Онегин решился спросить Дантеса, как могла его рука подняться на Пушкина и как он сам смотрит на свое преступление.

— А что же? — безмятежно ответил этот «человек». — Ведь я потом был сенатором»¹².

Именно в алдановских произведениях, публиковавшихся в «Новом русском слове», будет раскрываться настоящая пушкинская тема. Например, путевые впечатления Алданова, публиковавшиеся в 1931 году под заглавием «Голландские домики», «оказались не просто насыщены аллюзиями на пушкинские тексты и цитатами из произведений Пушкина, они вместили в себя и целый отзыв о поэме «Медный всадник»¹³, эту «поэму Алданов охарактеризовал с использованием своего критерия «правдоподобие», отметил особый переход Пушкина от реализма: «Думаю, что чисто политическое толкование «Медного всадника» для него слишком узко... Однако и Пушкин, и Рембрандт верно сумели бы, в случае надобности, сделать свое произведение несколько более правдоподобным. Очевидно, это им было не нужно. В школьных терминах скажем, что некоторая (не очень большая) доля неправдоподобия способствует превращению реалистического искусства в символическое»¹⁴.

В 1953 году Алданов опубликует очерк «О Петербурге», в котором пушкинское изображение города будет противопоставлено изображениям у иных писателей: «Как часто говорили об искусственности его создания... Пушкин тут едва ли не составляет исключение. Правда, нередко цитируют и Достоевского, следующие строки из «Подростка»: «Мимоходом, однако, замечу, что считаю петербургское утро, казалось бы самое прозаическое во всём земном шаре, — чуть ли не самым фантастическим в мире... В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из «Пиковой

¹¹ Демидов И. М.А. Алданов // Новое русское слово. 31.05.1931 (№ 6699). С. 10.

¹² Там же.

¹³ Шадурский В.В. Русская классическая литература в восприятии Марка Алданова: монография. Великий Новгород, 2024. С. 104.

¹⁴ Алданов М. Голландские домики. Путевые впечатления // Новое русское слово. 16.08.1931 (№ 6776). С. 2, 7.

дамы»... — мне кажется, должна еще более укрепиться»¹⁵. Очевидно, что многие русские писатели находятся в зависимости от образов Пушкина, впервые представившего столь фантастические сюжеты и столь символические фигуры.

Разумеется, в юбилейном 1937 году редакция газеты публиковала гораздо больше материалов об А.С. Пушкине. В одном только февральском номере появились сообщение «Пушкинские торжества в Париже»¹⁶, информация о Пушкинском вечере в Бронксе¹⁷, а также заметки о завершении работы К.С. Петрова-Водкина над портретом поэта, об открытии памятника на месте дуэли А.С. Пушкина и о выпуске в Одессе его произведений, предназначенных для чтения слепыми. Сухо поданные информационные материалы могли бы и не вызвать интереса и сопереживания, если бы не изображенные факты. Во-первых, сообщалось, что в честь открытия памятника под Ленинградом «много сотен рабочих, студентов, школьников прошли пешком тот путь, по которому ехали Пушкин и Дантес к месту дуэли»¹⁸. Во-вторых, заметка о выпуске пушкинских произведений для слепых начиналась с сообщения об издании произведений поэта «во всём СССР громадным тиражом»¹⁹. В-третьих, даже информация о праздновании юбилея А.С. Пушкина в Нью-Йорке предварялась весьма эмоциональным предложением: «Вряд ли русский Бронкс видел когда-нибудь такой успешный вечер, каким был Пушкинский в субботу 20 февраля...»²⁰

Но если здесь факты говорили сами за себя, то в материалах о парижских событиях проявлено откровенно антисоветское настроение. В частности, автор обзорной публикации о том, как Пушкинские дни отмечали в Париже, не преминул заметить, что вся организация

¹⁵ Алданов М. О Петербурге // Новое русское слово. 31.05.1953 (№ 15009). С. 2.

¹⁶ А.С. [Андрей Седых]. Пушкинские торжества в Париже // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

¹⁷ С.В. Пушкинский вечер в Бронксе // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

¹⁸ [Б. п.] Открытие памятника на месте дуэли Пушкина // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

¹⁹ [Б. п.] Пушкин для слепых // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

²⁰ С.В. Пушкинский вечер в Бронксе // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

празднований — это исключительно частная, эмигрантская инициатива. Характеризуя торжественное мероприятие в зале Плейель, одном из самых больших залов XX века, Андрей Седых написал, что «ни один русский концерт в Париже не проходил с таким подъемом и таким внутренним торжеством, как этот пушкинский вечер, и устроитель его, М.М. Федоров, вправе гордиться достигнутыми результатами»²¹. Корреспондент сообщил, что французский журналист и большой друг русских эмигрантов Андрэ Пьер, выступивший в начале концерта, объявил, что в самом сердце Парижа именем Пушкина будет названа одна из улиц, находящихся рядом с улицей Петра Великого: «Так поэт, преобразовавший русскую поэзию и словесность, будет чтим рядом с царем, преобразовавшим Россию...»²² После выступления А. Пьера начался концерт, в котором выступали все лучшие артисты русского Парижа. Андрей Седых, передавая настроение, не скупился на пафосные слова: «Редкое зрелище представлял собой зал. Пушкин всех объединил»²³. Была еще одна инициатива, которую представители СССР не только не одобрили, но даже воспрепятствовали ее воплощению: С. Лифарь собирался устроить выставку «Пушкин и его эпоха» в Национальной библиотеке Франции, но ее провалил полномочный представитель СССР во Франции В.П. Потемкин, «который, видимо, не мог помириться с мыслью, что инициатива этого благородного дела и вся организация принадлежит Лифарю»²⁴.

Политический подтекст был обозначен и на другом мероприятии: торжественном собрании в зале Иена, организованном Пушкинским комитетом:

«...То, что в устах Д.С. Мережковского при его громадном внутреннем пафосе звучало как некий духовный протест против порабощителей пушкинской России, другие ораторы облекли в форму более грубую и часто невыносимую. Д.С. Мережковский не понимает, как в Москве осмелились чествовать Пушкина:

— Неужели там забыли о его свободолюбии? Неужели там забыли пушкинский «Кинжал»?

²¹ А.С. [Андрей Седых]. Пушкинские торжества в Париже // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

Репортер, вероятно, это всё тот же Андрей Седых, обращает внимание на всю речь русского писателя и особенно выделяет его финальные возгласы:

— Да здравствует русская свобода и наш освободитель Пушкин!²⁵

Стоит отметить и те факты, которые по касательной соотносились с личностью и творчеством А.С. Пушкина, но тем не менее оказались отражены в «Новом русском слове»: например, деятельность фермы в американском штате Нью-Джерси, связанной с именем великого русского поэта, и находящийся вблизи этой фермы артефакт. Чтобы понять две небольшие публикации, отражающие пушкинское имя, требуется привести небольшую справочную информацию.

По первому источнику:

«...Здесь на землях с местным названием «Сосновая пустошь» русские эмигранты и эмигранты-русины, покинувшие Российскую и Австро-Венгерскую империи еще до 1917 года, основали поселок с прилегающей к нему фермой. На этой ферме в 1926 году ими было основано общество, впоследствии получившее название «Фарма РОВА» (Русское Общество в Америке). Цель Общества — сохранение своей самобытности, духовности и культуры. Центральное место на Фарме занимает величественный Свято-Владимирский храм, а справа от него, в небольшой аллее, на гранитном постаменте и был установлен бюст Пушкину. В руке поэт держит лист рукописи, на котором начертаны строки из стихотворения «Памятник»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век прославил я свободу
И милость к падшим призывал»²⁶.

Второй источник дает более точную информацию: «В 1890 году иммигранты из Австро-Венгрии, считавшие себя русскими, основали в США Общество русских братств. Впоследствии члены этого Общества присоединились к иммигрантам из России, прибывшим в США

²⁵ [Б. п.] Неужели в Москве забыли о свободолюбии Пушкина? // Новое русское слово. 23.02.1937 (№ 8785). С. 3.

²⁶ Памятники Пушкину в США // Вселенная: Александр Сергеевич Пушкин: сообщество в Живом Журнале: сайт [Электронный ресурс: <https://pushkinskij-dom.livejournal.com/203796.html>].

до Первой мировой войны, и основали в 1926 году РООВА — Русское объединенное Общество взаимопомощи в Америке. Это были рабочие из крестьян, стремившиеся создать свою русскую неполитическую организацию для взаимопомощи, сохранения своей культуры, самобытности и духовности. В 1934 году РООВА, с отделами по всей Америке, включая Канаду, приобрело в центральной части Нью-Джерси, возле Джексона, 1 400 акров земли. На этой земле... возник русский поселок, получивший название «Фарма РОВА» (Ферма), в котором количество населения доходило до 800 человек. Впоследствии ее стали называть «Рова». Здесь были построены дома, в которых сдавались комнаты, помещения для встреч и празднеств, библиотека имени Толстого, дом для престарелых имени Пушкина, две церкви и парк. Впоследствии поставлен памятник А.С. Пушкину и памятник ветеранам, погибшим во время Первой и Второй мировой войн... Изобретатель вертолетов Игорь Иванович Сикорский был членом РООВА, прилетал из Коннектикута на ферму, где читал лекции. При РООВА была собрана значительная библиотека, названная в честь Л.Н. Толстого. Члены РООВА любили читать по-русски»²⁷. В этом источнике речь идет о памятнике, хотя более точным будет назвать его бюстом: «В августе 1941 года бюст А. Пушкину был торжественно перенесен и установлен в городке Джексон (ранее Кэсвилл) в штате Нью-Джерси»²⁸.

Бюст Пушкина, установленный в Нью-Джерси, был известен русским американцам не понаслышке. Нами обнаружен очерк, в котором переданы эмоции свидетеля неожиданного превращения. Однажды морозным утром он увидел Пушкина поседевшим и плачущим, при том что взор поэта был устремлен на восток, откуда всходило солнце; помещику Фарма-Рова это чудо показалось необычным, но оправданным, у автора «Евгения Онегина» могли появиться слезы горя, потому как накануне по радио объявили, что «немцы прорвали русский фронт под Москвой»²⁹. Однако также неожиданным был и другой поворот:

²⁷ Александров Е. «Фарма» РООВА в Нью-Джерси // Русский американец. Обзорный выпуск. 1997. № 21. С. 191–194 [Электронный ресурс: https://zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0672.htm?ysclid=me9x6lo3lu385543647].

²⁸ Памятники Пушкину в США // Вселенная: Александр Сергеевич Пушкин: сообщество в Живом Журнале: сайт [Электронный ресурс: <https://pushkinskij-dom.livejournal.com/203796.html>].

²⁹ Николаев Н. Пушкин плачет // Новое русское слово. 17.01.1942 (№ 10560). С. 6.

увидев на площади Нью-Йорка новостную ленту со словами, что русские перешли в наступление по всему фронту, автор очерка понял, что «слезы Пушкина были слезами радости»: «Наш пророк знал о том, что его Россия еще раз даст отпор своему врагу и не преклонит ни перед кем своей гордой головы»³⁰. Такое искреннее воодушевление, возведенное в фантастику, вовсе не похоже на косную мифологизацию поэта.

О Пушкине как о символе великой культуры ушедшей России было написано и в другом номере «Нового русского слова». Главный редактор газеты М.Е. Вейнбаум, рассуждая о нуждах эмигрантских писателей после Второй мировой войны, упомянет А.С. Пушкина в несколько ином контексте: «...Очень хорошо, что роовцы на своей ферме поставили памятник Пушкину. Чтить мертвых писателей надо. Но необходимо также помнить о живых, нуждающихся»³¹.

В годы Второй мировой войны «Новое русское слово» известит своего читателя о том, что происходит с памятниками культуры, музеями и усадьбами русских писателей, находящимися на территориях, оккупированных фашистами. Редакция расскажет, как другая, берлинская гитлеровская газета передает факты о состоянии пушкинских мест под властью немцев; целых пять колонок будет посвящено изображению сожженного и разрушенного Пушкинского Заповедника³².

Интересны и публикации послевоенного времени, содержащие информацию об А.С. Пушкине. Так, становится известно, что читатели «Нового русского слова» адекватно реагировали на критику оперы «Пиковая дама». В декабрьском номере газеты за 1972 год было опубликовано весьма уважительное письмо, разъясняющее как постановку оперы, так и нюансы либретто, взятого за основу. Поводом для разъяснений стала рецензия А. Седых по поводу постановки «Пиковой дамы» в Метрополитен Опера, в частности, критик был очень удивлен костюмом героини Лизы: «Бедная девушка, воспитанница Лиза, на балу одета, как императрица Евгения, и даже с бриллиантовой диадемой на голове»³³. Написавший письмо знаток оперы очень обстоятельно защищал

³⁰ Николаев Н. Пушкин плачет // Новое русское слово. 17.01.1942 (№ 10560). С. 6.

³¹ Вейнбаум М. Литературный фонд // Новое русское слово. 27.11.1946 (№ 12631). С. 3.

³² Андрей Седых. Пушкинские места под властью немцев // Новое русское слово. 1.01.1943 (№ 10906). С. 3, 5.

³³ Р.Р. «Пиковая дама» // Новое русское слово. 20.01.1973 (№ 22866). С. 6.

постановщиков, очевидно, осознав, что Седых хотел увидеть в опере воплощение пушкинского сюжета, но, разглядев нечто иное, негодовал по поводу сценических образов. Действительно, в либретто, составленном М.И. Чайковским, которое «несколько разнится от повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», «бедная девушка Лиза» изображена как внучка знатной графини... Кроме того, Лиза невеста князя Елецкого, что было бы недоступным для бедной воспитанницы Лизы»³⁴.

Любопытно и то, что месяцем позднее в этой же газете появится очерк М.А. Алданова «С.В. Рахманинов» (републикация очерка, вышедшего в 1943 году в № 4 «Нового журнала»), в котором речь тоже идет о музыке и о том, как великий композитор иногда соблазняется выбором либретто, значительно изменяющим литературный оригинал: «В опере «Пиковая дама» действие происходит при Екатерине II, — выходит, помимо психологического несообразия, совершенная хронологическая ерунда с графом Сен-Жерменом. А финал оперы, с двумя убийствами, которые оказались бы весьма неожиданными для Пушкина! Из них одно вдобавок совершенно не вяжется с самым замыслом повести: у Пушкина Лиза «вышла замуж за очень любезного молодого человека; он где-то служит и имеет порядочное состояние»³⁵. Опубликованный очерк М.А. Алданова, конечно, не был направлен на борьбу со своеволием либреттистов, в нем лишь утверждается тезис, который, по его мнению, отрицают композиторы, в том числе и С.В. Рахманинов, любивший музыке П.И. Чайковского: «Нет, к несчастью, каждый вид искусства крепко отделен от других. В особенности же отделена музыка»³⁶.

Приведенные факты могут свидетельствовать о том, насколько глубоко личность и творчество А.С. Пушкина входили в сознание наших соотечественников, вынужденных находиться на чужбине, и о том, что газета с более чем столетней историей превратилась в своеобразную летопись пушкинской рецепции в самых разных сферах и аспектах жизни русскоязычного гражданина.

³⁴ Р.Р. «Пиковая дама» // Новое русское слово. 20.01.1973 (№ 22866). С. 6.

³⁵ Алданов М. С.В. Рахманинов // Новое русское слово. 1.04.1973 (№ 22927). С. 3.

³⁶ Там же.

**ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СЕМЕНОВ
И АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЦЕНЗОРА**

9 июня 1817 года в Царскосельском лицее проходила торжественная церемония первого выпуска, который позже назовут «пушкинским». На ней присутствовали император Александр I, почетные гости, семьи выпускников. Здесь же помещались лицеисты младших курсов; среди них находился и юноша из рязанской глубинки Василий Семенов, которому суждено было оставить свой, может, и не столь яркий, но достаточно весомый вклад в истории русской литературы.

Василий Николаевич Семенов родился 22 ноября 1801 года в небольшом родовом поместье Салыково Пронского уезда Рязанской губернии. Он был младшим, пятым сыном в семье отставного секунд-майор Кабардинского полка Николая Петровича Семенова и Марии Петровны, урожденной Буниной. Через несколько лет семья переехала поближе к бунинской родине в Раненбургский уезд, в имение Алексеевское-Рязанка. Здесь Василий провел детство и отрочество, получив хорошее домашнее образование. В годы Отечественной войны он был отведен в Санкт-Петербург к горячо любившей его тетке, поэтессе А.П. Буниной (1774–1829). Она хлопотала для племянника место в учрежденном в январе 1814 года Царскосельском лицейском пансионе, а оттуда через два года Василий Семенов был переведен в Лицей. Это был следующий после «пушкинского» курса набор в Царскосельский лицей. Так на три года Василий Семенов стал свидетелем бурных событий второй половины лицейского периода жизни юного Пушкина; он мог быть знаком с ним по совместным занятиям¹. По воспоминаниям родных, Семенов находился с ним в близких товарищеских отношениях, они всегда были на «ты».

О личных качествах Василия Семенова историк литературы К.Я. Грот писал: «Был живого, подвижного темперамента, общительного, жизнерадостного нрава, талантлив и остроумен, соединяя со всем этим большое благодушие, обходительность, услужливость

¹ *Грот Я.К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. СПб., 1899. С. 238.

и благожелательность к людям, за что и был любим всеми»². Подтверждением этому служат и слова мемуариста Эразма Стогова: «Василий Семенов, ровесник мой, воспитывался в Царскосельском лицее; в праздники мы были с ним вместе у тетки Буниной. Помню огромную разницу между нами: я специалист, а он энциклопедист по наукам! Я казался неучем перед Васей! Его мягкие манеры, его готовность участвовать в разговоре были моей завистью. Он был истинно благовоспитанный барич, я — неловкий матрос»³.

Способный, но увлекающийся Василий Семенов в Лицее, по-видимому, не отличался особым старанием. Он кончил курс в 1820 году лишь с правом службы офицером в армии и поступил в далеко не самый престижный Карабинерный полк в чине прапорщика. Через два года ему удалось перевестись в лейб-гвардии Павловский полк. Но и здесь В.Н. Семенов особого рвения не показал. А.П. Бунина в письмах еще одному племяннику, Михаилу Семенову, писала о Василии: «У меня он был каждый день, выключая того времени, когда проказил, тогда не смел глаз показать. Доброе его сердце и нежность к родным много обещают. Если, к несчастью, сие обещание и не вполне совершится, то по крайней мере нельзя его не любить»⁴. Видимо, «проказил» Василий Семенов нередко: известно, что только за 1823 год он несколько раз подвергался взысканиям, выговорам и сидел под арестом на гауптвахте⁵. Осенью 1824 года Семенов совсем оставил военную службу⁶.

В феврале 1825 года В.Н. Семенов был определен на службу в канцелярию Министерства народного просвещения. При поступлении его туда не обошлось, безусловно, без деятельной помощи А.П. Буниной, которая находилась в дружеских отношениях с министром просвещения А.С. Шишковым. Под покровительством министра первые шаги в карьерной лестнице В.Н. Семенова были вполне успешными, через

² Грот К.Я. Василий Николаевич Семенов — литератор и цензор. К литературной истории 1830-х годов // П.П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары. В 5 т. Т. 1: Детство и юность. 1827–1855. М., 2019. С. 317–248.

³ Стогов Эразм. Очерки, рассказы и воспоминания // Русская старина. 1879. Т. 24. С. 51.

⁴ Цит. по: Грот К.Я. Василий Николаевич Семенов... С. 320.

⁵ Грот К.Я. Василий Николаевич Семенов... С. 321.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 1. Д. 347. Л. 3 об.

год с небольшим он становится столоначальником и даже награждается орденом св. Анны III степени⁷.

В мае 1827 года он переходит в Главный цензурный комитет. Однако, как пишет К.Я. Грот, крайне жестокий и стеснительный для литературы и весьма тяжелый для цензоров Устав 1826 года быстро разочаровал либерально настроенного В.Н. Семенова в его надеждах найти духовное удовлетворение в новой службе. Уже в декабре 1827 года он просится «для поправления здоровья» в отпуск на Кавказ и вскоре уезжает туда почти на весь 1828 год.

Семенов был натурой увлекающейся, легко поддающейся внешнему влиянию, и именно этим объясняется его внезапный переход на совершенно другое поприще. В 1829 году он уходит с цензурной службы и назначается начальником I отделения Департамента уделов, но уже в декабре 1830 года по собственному прошению был уволен от этой должности⁸. Этот «уклон» от цензурской службы можно было бы оставить без внимания, если бы не одно обстоятельство. Именно в это время Семенов знакомится с начинающим писателем Н.В. Гоголем, который с апреля 1830 года также служил в Департаменте уделов. Их взаимоотношения продолжались и после ухода Семенова из Департамента. Сестра писателя Елизавета Гоголь-Быкова вспоминала: «Во время пребывания Гоголя в Петербурге он был знаком и часто посещал Семенова, бывшего в то время цензором; Гоголь часто читал Семенову свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его о том, удобно или неудобно прочитанное к печати. В одно из таких посещений, когда у Семенова было несколько человек гостей, Гоголь принес свой рассказ «Пращка», написанный на нескольких почтовых листочках, и читал его вслух. Живой и веселый юмор этого маленького рассказа заставил слушателей хохотать до слез; но, к несчастью, некоторая бесцеремонность и двусмысленность выражений были причиною того, что рассказ не мог быть признан в то время удобным к печати. Гоголь хотел было уничтожить рукопись, но Семенов попросил ее у него себе на память. Затем рукопись оставалась у Семенова до отъезда его из Петербурга. В числе других книг и рукописей подарил он при отъезде и эту рукопись своему родственнику Н.Н. Терпигореву. Сын его, С.Н. Терпигорев, студент

⁷ РГИА. Ф. 1268. Оп. 5. Д. 490. Л. 7 об.–8.

⁸ Там же. Л. 10 об.–11.

Петербургского университета, читал эти листочки в тамбовской деревне отца и помнит содержание «Прачки»⁹.

С 1830 года В.Н. Семенов снова оказывается в Главном цензурном комитете в звании старшего цензора, и в этой должности остается до своего вынужденного ухода из цензурного ведомства в 1836 году. Главное, что удерживало Василия Николаевича в цензурской службе — это связанная с ней близость к тому кружку литераторов, который образовался около Пушкина и Дельвига, столь близких ему по Лицею, по его духу и традициям, и которому он, как цензор, мог быть полезен. Горячий поклонник А.С. Пушкина и его творчества, многосторонне образованный и начитанный, хорошо владевший иностранными языками, В.Н. Семенов и сам увлекался занятиями литературой, переводил, углублялся в отечественную историографию, но, к сожалению, его слишком непостоянный характер не давал ему сосредоточиться на чем-нибудь одном и специализировать свои труды.

На первых же порах своей цензурской деятельности Василию Николаевичу пришлось испытать все ее превратности. В июле 1830 года ему было поручено цензурное наблюдение за «Литературной газетой» А.А. Дельвига (№ 46–62). За пропущенное Семеновым в газете (№ 61 от 28 октября 1830 года) четверостишие К. Делавиня о памятнике жертвам июльской революции во Франции цензор получил строгий выговор, а А.А. Дельвиг был лишен издательских прав¹⁰. На В.Н. Семенова история, в которой кроме него пострадал уважаемый им лицейский товарищ, произвела настолько тяжелое впечатление, что он просил уволить его от цензурования «Литературной газеты».

Не находя полного удовлетворения в службе, Василий Николаевич ищет применения своим литературным и организаторским способностям в издательской деятельности. Одна из первых задумок Семенова — попытка издать «Энциклопедический журнал, извлечение из лучших иностранных периодических изданий о ходе наук, искусств и промышленности» не увенчалась успехом. Проект показался слишком смелым и не получил разрешения властей.

Вторая издательская задумка, составление литературного альманаха, вышедшего в начале 1833 года под названием «Комета Белы»,

⁹ Гоголь-Быкова Е.В. Из записок // Русь. 1885. № 26. С. 6.

¹⁰ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Т. XXXVII. Л., 1928. С. 155–191.

вполне удалась. 27 литераторов откликнулись на его приглашение к участию в альманахе. Среди них было и много известных авторов.

Оставаясь цензором, В.Н. Семенов пробовал свои силы и на литературном поприще, о чем свидетельствует его крупный поэтический труд — перевод в стихах трагедии известного немецкого драматурга Эрнста Раупаха «Земная ночь». Но этот труд остался мало замеченным современной ему серьезной критикой и не был оценен по заслугам. Всё это, вероятно, настолько охладило и разочаровало впечатлительного Василия Николаевича, что он на поэтическом поприще больше никогда не выступал...

Семенова стала в то же время сильно привлекать другая, и прежде интересовавшая его, область — русская историография. Интерес к ней был связан с началом его сближения с историком М.П. Погодиным. В 1835 году Семенов предпринял большое «учено-литературное предприятие» — издание собрания сочинений иностранных писателей, описывавших в своих произведениях нашу страну, под названием «Библиотека иностранных писателей о России». Первый том «Библиотеки», представлявший почти исключительно труд В.Н. Семенова, стал солидным и ценным вкладом в русскую литературу и историографию, вкладом, закрепившим за Василием Семеновым хоть и скромное, но всё же прочное имя в истории этой науки. Семенову пришлось самому перевести с итальянского, которым он хорошо владел, трех из четырех вошедших в первый том писателей, и затем на него же было возложено составление всех исторических примечаний. Литературная критика встретила выход I тома «Библиотеки» очень благосклонно, одобрителные отклики поступали и от русских ученых. Академия наук отметила его Демидовской премией в размере 2 500 рублей.

Книга эта была поднесена автором его лицейскому товарищу А.С. Пушкину, незадолго до трагической кончины поэта. И труд Семенова не остался без заинтересованного внимания — книга сохранилась в обширной библиотеке Пушкина, разрезанной в нескольких местах. К сожалению, этот труд был последним литературным произведением В.Н. Семенова, увидевшим свет.

В.Н. Семенов был уважаем в кругах тогдашних корифеев литературы и журналистов — не только как цензор, но и как литератор с талантом и вкусом, увлекавшийся лучшими проявлениями литературного движения тех лет, начиная с гениальных творений своего лицейского товарища и кончая другими сколько-нибудь выдающимися явлениями

в писательской деятельности представителей пушкинского круга. Подтверждением тому является известная картина Г.Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу», написанная по заданию императора Николая I в 1837 году. По задумке, на полотне должны быть изображены самые известные люди эпохи, в том числе и в области литературы. Рядом с И.А. Крыловым, А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, Н.И. Гречем и Н.И. Гнедичем мы находим и В.Н. Семенова¹¹. Стоит отметить, что к окончанию работы над картиной Семенов уже не служил в цензурном комитете.

Особой вехой в биографии В.Н. Семенова являются его взаимоотношения с А.С. Пушкиным¹². Их общение, конечно же, в большей мере касалось вопросов цензуры литературных произведений. Так, сохранился автограф стихотворения Пушкина «Что в имени тебе моем?» со скрепой цензора Семенова¹³, им же подписано цензурное дозволение на «Стихотворения Александра Пушкина» (3 ч., СПб., 1832) и «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб., 1834), альманах «Северные цветы» за 1832 год, а также второе издание «Прощальной песни» Дельвига (1835)¹⁴.

Известно письмо Семенова к поэту, датированное 15 июня 1833 года, речь в котором идет о мистерии «Ижорский» В.К. Кюхельбекера. Пушкин лично ходатайствовал перед Бенкендорфом об издании произведений своего ссыльного друга, правда, без указания его имени. Цензурную подготовку мистерии к печати вел В.Н. Семенов. В своем письме он пишет: «Имею честь препроводить к Вам просмотренные и приготовленные для печати две первые части «Ижорского». Я сделал в них три или четыре бездельные перемены. Если третья часть у меня в деревне не найдется, то по возвращении моем в С. Петербург я буду просить Вас о доставлении мне другого списка оной» (XV, 63). Подготовленные к печати первые две части вышли через два года, в мае 1835-го¹⁵.

¹¹ Лебедев Г.Е. Пушкин и его современники на картине Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу» // Искусство. 1937. № 2. С. 129–159.

¹² Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 392–393.

¹³ Базилевич В. Автограф «Что в имени тебе моем?» // Литературное наследство: Александр Пушкин. Т. 16–18. М., 1934. С. 876.

¹⁴ Тынянов Ю.Н. Пушкин и Кюхельбекер // Пушкин и его современники. М., 1969. С. 245.

¹⁵ Заборова Р.Б. Об издании Пушкиным мистерии Кюхельбекера «Ижорский» // Пушкин: Исследования и материалы. М. ; Л., 1962. Т. 4. С. 405–407.

Их взаимоотношения не ограничивались казенной связкой поэт — цензор. В мемуарной литературе того времени есть несколько упоминаний о дружеских встречах В.Н. Семенова с А.С. Пушкиным. Одна из них произошла 8 января 1828 года на завтраке у Ф.В. Булгарина, где поэт был вместе с А. Мицкевичем, художником А.О. Орловским, К.С. Сербиновичем, оставившим запись в дневнике об этом событии, и другими лицами¹⁶.

Поэт навещал Василия Николаевича и у него дома. Уже упоминавшийся родственник Семенова — Н.Н. Терпигорев в своих воспоминаниях говорит о визите поэта к лицейскому приятелю и приводит состоявшийся там диалог между Пушкиным и Гречем¹⁷.

Характерной иллюстрацией взаимных отношений А.С. Пушкина и В.Н. Семенова был хорошо известный эпизод, рассказанный Н.И. Гречем гостям на своем вечере в 1834 году: «Это было на новоселье Смирдина. Обед был на славу. Нам с Булгариным привелось сидеть так, что между нами сидел цензор Василий Николаевич Семенов, старый лицеист, почти однокашник Александра Сергеевича. Пушкин на этот раз был как-то особенно в ударе, болтал без умолку, острил преловко и хохотал до упаду. Вдруг заметив, что Семенов сидит, между нами, двумя журналистами, которые, правду сказать, за то, что не дают никому спуска, слынут в публике за разбойников, крикнул с противоположной стороны стола, обращаясь к Семенову: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе!» Слова эти тотчас всеми были поняты; я хохотал, разумеется, громче всех, аплодировал и посылал летучие поцелуи Пушкину, который кричал мне: «Вы, Николай Иванович, не сердитесь?» Я отвечал ему громко: «Я был бы непростительно глуп, если бы сердился на эту милую шутку, которая нашему брату журналисту вовсе и не обидна, потому что нам то и дело что приходится разбойничать по общим понятиям публики, то есть лаяться, острить, отбиваться, нападать, даже хищничать. Я понимаю значение журналиста и никогда эпитетом разбойника не обижусь!» Я старался обо всём этом говорить как можно больше, чтобы успокоить Булгарина, который пришел в совершенное нравственное расстройство и задыхался от бешенства»¹⁸.

¹⁶ П.А. Вяземский — В.Ф. Вяземской // Литературное наследство. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. Т. 58. М., 1952. С. 74.

¹⁷ Терпигорев Н.Н. Рассказы о Пушкине // Русская старина. 1870. Ч. I (2-е изд.). С. 570.

¹⁸ Бурнашев В. Из воспоминаний петербургского старожила. Четверги у

Н.Н. Терпигорев дополняет эту историю: «Когда встали из-за стола, Булгарин, подойдя к Семенову, сказал: «Вам и быть-то между нами не следует!» «Почему это?» — спросил Семенов. «А потому что Вы — литературный палач». Дядя вздумал было обижаться, но многие уговорили его не обращать внимания на слова Булгарина, и Греч прямо тут же объявил, что это сказано Булгариным потому, что ему хотелось сорвать на Семенове свою досаду на Пушкина, которого, как известно, он побаивался»¹⁹.

Благодаря первому воспоминанию удалось исправить распространенную ранее ошибку. На рисунке А.П. Брюллова среди участников новоселья у А.Ф. Смирдина, состоявшегося 19 февраля 1832 года, сидящим напротив А.С. Пушкина называли князя А.А. Шаховского. Опираясь на приведенный выше рассказ и списки участников встречи, исследователь Г.И. Назарова пришла к выводу, что рядом с поднимающим бокал Гречем изображен не кто иной, как В.Н. Семенов²⁰.

Сохранился карандашный рисунок, дружеский шарж на В.Н. Семенова, выполненный К.П. Брюлловым в описываемое время. Сейчас он хранится в фондах музея Института русской литературы (ИРЛИ)²¹.

Еще один эпизод дружеского общения лицейских приятелей описан в мемуарах П.П. Семенова-Тян-Шанского, племянника Василия Семенова, где он вспоминает об обеде, который был дан В.Н. Семеновым в ответ на обед, данный ему петербургскими литераторами по случаю оставления им должности цензора. Чествование его по каким-то причинам было отложено до осени 1836 года, но не было забыто. Это уже свидетельствует об уважении, каким он пользовался в литературном кругу. «На этом ответном обеде, — пишет мемуарист, — самым дорогим гостем дяди был очень ценивший его товарищ А.С. Пушкин. Дядя мой, зная, что моя мать была восторженной поклонницей Пушкина, а мы с Наташей знали наизусть лучшие его стихотворения и что для нас присутствие в доме Уваровых, где происходил обед, будет светлой минутой в жизни, пригласил к себе в этот день и всю нашу семью... За обеденным столом были, конечно, только взрослые мужчины и дамы, но 12-летнюю Наташу посадили подле матери, а я видел Пушкина только

Греча // Заря. 1871. Апрель. С. 26.

¹⁹ Терпигорев Н.Н. Рассказы о Пушкине. С. 570.

²⁰ Назарова Г.И. «Новоселье» Александра Брюллова // Временник Пушкинской комиссии. М., 1962. С. 74–90.

²¹ Кострин К. Спутник Пушкина // Литературная Россия. 1967. № 2. С. 18.

в гостиную перед обедом. Сестра рассказывала мне, что Пушкин был очень весел и говорил со свойственным ему блестящим остроумием. Пушкин оставался еще долго за обеденным столом со своими приятелями по окончании обеда и после ухода дам».

Семенов-Тянь-Шанский вспоминает, что еще один раз видел Пушкина: «Идя со мной по Морской в декабре того же 1836 года, дядя Василий Николаевич встретил Пушкина, который обменялся с ним несколькими словами. А через месяц уже разнеслась по всему городу страшная весть о том, что Пушкин был смертельно ранен на дуэли. Дядя многократно спрашивался о его здоровье, и в один из этих дней заехал к нам с роковой вестью: Пушкина не стало...»²²

Как уже говорилось, 11 апреля 1836 года Семенов был уволен от цензурской службы, оставшись при этом чиновником Министерства народного просвещения, выведенным за штат. В это время он был увлечен своей большой редакторской и научной работой над первым томом «Библиотеки», и несомненно, этот серьезный труд в области историографии играл немалую роль в его решении окончательно порвать с цензорством.

За штатом Семенов оставался около двух лет, но его неутомимая натура требовала активной деятельности. Став членом Московского общества истории и древностей российских, он ведет архивные изыскания у себя на родине, в Рязанской губернии.

В 1840 году В.Н. Семенов получает назначение вице-губернатором в Орел, где он пробыл до середины 1842 года. Эта служба стала ступенькой в бюрократической лестнице, давшей возможность для следующей, более важной и интересной для него, деятельности. Уже в 1842 году он переводится на Кавказ и получает пост члена Совета Главного управления Закавказским краем. Проживая в Тифлисе, он прослужил там целых 10 лет, посвятив интересам Закавказского края, главным образом, учебному делу, самую лучшую, кипучую и плодотворную в служебном плане пору своей жизни. В 1847 году В.Н. Семенов был назначен управляющим учебной частью в Закавказском крае, а в декабре 1848-го — попечителем Закавказского учебного округа с оставлением членом Совета Главного управления²³.

²² Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. В 5 т. Т. 1. Детство и юность. 1827–1855. М., 2019. С. 135–136.

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1268. Оп. 5. Д. 490. Л. 21.

С его службой на Кавказе связан любопытный эпизод, хорошо характеризующий В.Н. Семенова. В 1844 году к нему обратился подполковник Корпуса горных инженеров Н.И. Воскобойников, ранее руководивший нефтяными разработками в Закавказье. Им была разработана новая технология добычи нефти — методом бурения глубоких скважин. До этого она добывалась примитивным способом вычерпывания из ям. Незадолго до этого инженер попал в разряд неблагонадежных, и все его предложения местные чиновники отправляли «под сукно». В.Н. Семенов не остался равнодушным к судьбе опального инженера. Документы по нефтяному делу он подает от своего имени в Министерство финансов, минуя все промежуточные инстанции. Уже 30 апреля 1845 года по распоряжению министра финансов были отпущены все необходимые средства. Бурение скважин на Апшеронском полуострове началось с 1846 года. Благодаря стараниям В.Н. Семенова добыча нефти с помощью буровых установок, ставшая в наше время практически единственной технологией в нефтяной промышленности, впервые в мире была проведена именно в нашей стране²⁴.

В феврале 1852 года В.Н. Семенов был уволен от службы и вернулся в Петербург. За свою плодотворную работу в Закавказье он был награжден орденом св. Владимира III степени²⁵. Около двух лет Василий Николаевич провел в отставке. В 1854 году Семенов становится членом Учебного комитета при Главном Управлении военно-учебными заведениями, коим он оставался до своей кончины. Умер В.Н. Семенов 10 сентября 1863 года в Женеве и погребен на кладбище Пленпале (Plainpalais)²⁶.

²⁴ Матвейчук А. Цензор Семенов и инженер Воскобойников. Об одном историческом заблуждении, созданном в наше время // Независимая газета. 1998. № 161 (1732). С. 16.

²⁵ РГИА. Ф. 1268. Оп. 5. Д. 490. Л. 21 об.—22.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 123. Д. 19. Л. 51 об.—52.

«В ТОЙ ЖЕ МАСТЕРСКОЙ»: ПУШКИН — ЦВЕТАЕВА

Этой статьей я приглашаю к размышлению над образом и наследием А.С. Пушкина в творческой рецепции М.И. Цветаевой, в ее прозе и поэзии. Не претендуя на исчерпывающую полноту и подробность, тем не менее, предлагаю своего рода связанный сюжет длиной в четверть века и всю творческую деятельность Цветаевой: о соотношении себя и канона, о наследии, его переосмыслении и сосуществовании с новым, — иными словами, что такое «Мой Пушкин», понимаемый не как одно произведение Цветаевой, а как тема всей ее жизни.

Размышления об этом были воплощены в концепции и экспозиции выставки под моим кураторством, которая проходила с ноября 2022 по февраль 2023 года в Государственном музее А.С. Пушкина на Пречистенке и была основана на предметах из фондов Дома-музея Марины Цветаевой и Государственного музея А.С. Пушкина.

Пушкин для всей русской литературы — начало начал, и поэты Серебряного века неизменно соотносили себя с его личностью и наследием. Но цветаевское отношение к Пушкину выделяется на фоне современников особой горячностью: ее оценки пристрастны, ее анализ далек от академического, ее суждения основаны на чувстве внутренней близости и на убеждении в глубинной связи между поэтами, которую им дает общая ноша — дар.

Наибольшее внимание Цветаевой фигура Пушкина привлекала в три разных периода ее жизни.

Начало всему кладут три ранних ее стихотворения: «Встреча с Пушкиным» (1913), «Счастье или грусть» (1916) и «Психея» (1920). Систему образов и оценок в них продолжает созданный через десять лет большой очерк «Наталья Гончарова» (1929), потому я по смыслу присоединяю его к этому же периоду, пусть по времени создания он и ближе ко второму.

В первом же стихотворении Цветаевой, отнесенном к Пушкину, очевидна ее интенция: способ самопознания как отражение в глазах Пушкина. Эта встреча — монолог, многословная самопрезентация через предметы, любимые вещи и явления, упоминаемые в одном ряду. Характерно, что Пушкин молчит — Цветаева не пытается сочинить речь от его лица не только потому, что не дерзает, но и потому, что

здесь ей важен сам факт своего бытия, самоосуществления через подробное перечисление. Глаголов почти нет, речь номинативна. И именно сумма предметов, их множество, тщательно отобранное в качестве любимого и главного, становится ее портретом. В начале стихотворения поэты не взаимодействуют, Пушкин появляется как тень, безмолвный образ, а в финале он смеется вместе с нею и подает ей руку, т. е. признает ее.

Заметим также несколько существенных тем стихотворения: Крым как магическое место, способное физически возродить, воплотить Пушкина, бывшего там сто лет назад. Неназываемый, но подразумеваемый топоним Европы — через Байрона, королей, дворцы и кареты и т. д.; и вневременные эпохи, связанные с кочевыми народами (цыганами по преимуществу). Также важна литературная игра — большая часть перечисляемых Цветаевой явлений и предметов важна ей не сама по себе, а как приметы романтического стиля у Байрона, Пушкина и не упоминаемых их современников. Это линия подразумеваемого, не называемого прямо родства между ними по примете романтизма.

В следующем стихотворении Цветаева сосредотачивается на образе Гончаровой — жены поэта, чуждой и не могущей понять гения, светской пустой красавицы. Приметы ее образа — мех, пух, шелк, гладкость, блеск; так можно описывать скорее животное, пантеру или кошку, нежели человека. Ее единственные черты, помимо красоты — безмятежность и отстраненность.

Наконец, в третьем из приведенных стихотворений — ситуация вдохновения, ночного бодрствования, насыщенного образами, освещенного явлением музыки. Здесь домашняя сцена прощания супругов, когда жена уезжает на бал, а муж провожает ее, превращена в романтическую, очень театральную сцену явления музыки поэту. Налицо отсылки и к античному сюжету об Амуре и Психее, к аполлоническому ряду образов муз, танца, лиры и т. д., а также к темным, «готическим» сюжетам романтической литературы о таинственных зеркалах и призраках. Возлюбленная поэта названа Психеей, и это можно считать и обобщенным образом всех возлюбленных поэта, и аллюзией на музу-душу-Психею, к которой все они архетипически восходят. Здесь тьма, ночь характеризуют образ поэта — арапа, потомка жителей полнощных стран, черной Африки, с ним же ассоциированы образы огня, дыма и пепла, волчьего меха. Психея — образ воздуха, балетной легкости, бабочки, развевающихся одежд, перьев, прозрачности (дважды упомянуты призраки

и привидение, что указывает на ирреальность ее явления), а также света — жемчуга, пены, зеркала.

В прозе («Наталья Гончарова») Цветаева сопоставляет жену Пушкина и свою современницу, художницу-авангардистку с тем же именем. Пушкину трактует в том же ключе, что в стихотворении «Счастье или грусть»: светская красавица, для которой бал — единственный способ быть. Вне его она дематериализуется, исчезает. Образ жены поэта представлен как идеальное орудие рока, смерть в образе красавицы. Красота ее столь же абсолютна, как гениальность поэта. Равновесие этого брака — в разной природе одаренности супругов при равном ее масштабе.

«Вся в улыбах, очах, плечах, ушах. Так и останется: невинная, бессловесная — Елена — кукла, орудие судьбы. Страсть к балам — то же, что пушкинская страсть к стихам: единственная полная возможность выявления. (Явиться — выявиться!) Входя в зал — рекла. Всем, от мочки ушка до носка башмачка. Всем сразу. Всем, кроме слов. Зал и бал — естественная родина Гончаровой. Гончарова только в эти часы была. А дома зевала, изнывала, даже плакала. Дома — умирала. Богиня, превращающаяся в куклу, возвращающаяся в небытие».

«Было в ней одно: красавица. Только — красавица, просто — красавица, без корректива ума, души, сердца, дара. Голая красота, разящая, как меч. И — сразила. Наталья Гончарова просто роковая женщина, то пустое место, к которому стягиваются, вокруг которого сталкиваются все силы и страсти. Смертоносное место... Судьба выбрала самое простое, самое пустое, самое невинное орудие: красавицу. Тяга Пушкина к Гончаровой — тяга гения — переполненности — к пустому месту».

«Судьба посредством Гончаровой выбирает Дантеса, пустое место, равное Гончаровой. Пушкин убит не белой головой, а каким-то — пробелом... Чтобы не любить Пушкина (Гончарова) и убить Пушкина (Дантес), нужно было ничего в нем не понять. Гончарову, не любившую, он взял уже с Дантесом *in dem Kauf* (в придачу), то есть с собственной смертью»¹.

NB! Нигде Цветаева не называет ее Пушкиной — только Гончаровой, для Цветаевой она остается вечной невестой, не становится истинной женой.

¹ *Цветаева М.И.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М, 1994. С. 84–86.

Цветаева осмысляет Гончарову как существо, единоприродное коллективному убийце Пушкина — Дантесу, императору, двору. Воплощение блеска имперского Петербурга, оскорблявшего и уничтожившего поэта. Цветаева утверждает противоположность вдохновения и творческой работы всему вышеперечисленному. Гений — обратное, противоположное красавице. Но и империи, императору-истукану, неволе. Пушкин вынесен за скобки, за кулисы, не появляется, но всё повествование — о нем. Прием присутствия в отсутствии.

Итак, в первом обращении к этой теме Цветаева поместила Пушкина — и с ним весь мир свободы, творчества, вдохновения и любви — на один полюс оппозиции, а суетный успех, внешнюю красоту, имперскую власть и иерархию — на другой. Создав эту оппозицию, Цветаева выбирает свой полюс — творца, а не музы, поэта, а не красавицы, певца, а не возлюбленной — и, таким образом, обретает себя самое как наследницу духа и дела Пушкина. В диалоге с поэтом и в споре с образом его музы и жены, который сама создает и развенчивает, Цветаева помещает себя в условный треугольник «Цветаева — Пушкин — Гончарова» и словно бы выигрывает в соперничестве с Гончаровой, становясь истинной подругой поэта.

В следующий раз Цветаева обращается к образу Пушкина в своем творчестве в начале 1930-х годов. В это время она создает цикл «Стихи к Пушкину» (1931–1933) и историко-философские и литературно-критические эссе «Искусство при свете совести» (1932) и «Поэты с историей и поэты без истории» (1933). Эссе посвящены не столько Пушкину, сколько разбору творчества ее современников и размышлениям о природе творчества как такового. И здесь Пушкин предстает в качестве архетипа поэта, точки отсчета в цветаевских рассуждениях о природе поэзии, о смысле искусства. Он канон для понимания современников, он же — вечно ускользающий от научного и обывательского подхода дух самого искусства, парадоксальный, живой и меняющийся; божественный бессмертный гений.

В это время Пушкин начинает восприниматься Цветаевой как феномен, определивший не только ее личную поэтическую судьбу, но и всю русскую литературу. Пушкин для нее — абсолют гения и человека, не только мерило художественности, но и духовный ориентир.

«Стихи к Пушкину»: семь стихотворений, из которых четыре — о взаимоотношениях поэта и власти (реальных — с Николаем I и воображаемых — с Петром I). Первое стихотворение — «апофатическое»,

отрицает все устоявшиеся за сто лет хрестоматийные определения и штампы о Пушкине, «антиканонизирует» Пушкина, утверждая его живую, бесконечную сущность сродни божественной. Способ «от противного» рисует принципиально неопределимый образ, где ключевое: вольность. Два другие стихотворения цикла («Вся его наука — мощь» и «Преодоление косности русской») говорят о мощи и отваге Пушкина и о духовном и творческом наследовании ему Цветаевой. «Прадеду — товарка: / В той же мастерской!» — этим восклицанием она утверждает свою прямую поэтическую преемственность, художественный мир Пушкина ощущает как его мастерскую, в которую входит наследницей; его рукописи становятся для нее не просто понятны, но словно продолжают твориться — теперь уже ее рукой.

«Искусство при свете совести»: в этом эссе Цветаева дает свою формулу гения в любом искусстве, но особенно — в поэтическом: «Гений: высшая степень подверженности наитию — раз, управа с этим наитием — два. Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. Высшая — страдательности и высшая — действенности»².

Пушкин в «Пире во время Чумы», по Цветаевой, — это два лица: сам Пушкин и Вальсингам. Первый спасся, создав второго, вечно гибнущего. Чума — абсолютное зло, непреодолимо влекущее того, кто знает власть чары и стихии, т. е. любого поэта. Околдованность поэта злом и песня как способ побороть чару.

«Поэты с историей»: «Поэты, имеющие историю, как и сама история, не отрекаются от себя, а просто не оборачиваются на себя, они движутся только вперед!.. Они слишком велики по объему и размаху, им тесно даже в своем «я» — пусть в самом большом; они так расширяют это «я», что оно просто сливается с краем горизонта. (Гете, Пушкин.)... Поэт с историей отбрасывает всё, что не лежит на линии его «стрелы» — его личности, его дара, его истории. Выбирает его непогрешимый инстинкт главного. И после завершения пушкинского пути у нас остается ощущение, что Пушкин не мог не создать того, что создал, и написать то, что он не написал... Пушкин, как всякий поэт с историей, как и сама история, начал с самого начала и всю свою жизнь провел im Werden (в становлении), а Лермонтов сразу — был»³.

² Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 348.

³ Там же. С. 400, 404.

Цветаева определяет общие, родовые черты поэта, которые потом войдут в ее личный миф о Пушкине. Свобода, витальность, сверхчуждость к голосу своего гения и одновременно способность противостоять той стихии, чьим транслятором становится поэт. Цветаева очищает имя Пушкина от шелухи стандартных определений и позволяет избежать создания новых, утверждая гения как воплощение воспетой им вольности.

Третий раздел выставки — вершинное воплощение цветаевского мифа о Пушкине и, шире, — об искусстве, о родине, о власти земной и небесной. Ключевые произведения этого времени — переводы Цветаевой стихов Пушкина на французский язык (1936), прозаические «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» (1937).

Меньше чем за полгода 1936-го, с перерывами, Цветаева создает 17 переводов. Выбирает тексты Пушкина сама: логика выбора — «самое любимое». Это:

«Хвала Чуме»

«Пророк»

«Для берегов отчизны дальней...»

«Няне»

«К морю»

«Воспоминание»

«Бесы»

«Приметы»

«Свободы сеятель пустынный...»

«Заклинание»

«Мне не спится, нет огня...»

«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

«Поэт! Не дорожи любовью народной...»

«Герой»

«Пока не требует поэта...»

«Враги мои, покамест я ни слова...»

«Пора, мой друг, пора...»

Эти важнейшие для Цветаевой стихи Пушкина образуют как бы канву ее отношений с его лирикой через всю ее жизнь, ее отбор помогает пониманию ее собственного художественного мира.

Две большие вещи в прозе как бы противопоставлены друг другу. «Мой Пушкин» — история собственного детства с именем

и присутствием Пушкина с дословесного возраста. «Пушкин и Пугачев» — философия искусства, отношения вымысла и документа, поэта и власти, стихии и труда, задач искусства вообще.

Давая своей автобиографической прозе название «Мой Пушкин», Цветаева тем самым подчеркивала, что опыт встречи с поэтом у каждого свой, но одновременно личные детские впечатления она обобщала как типические. По ее мысли, схожим был путь узнавания и восприятия личности, а позднее и творчества первого поэта у каждого русского ребенка. Таким образом, по Цветаевой, Пушкин — точка отсчета не только в художественном, но и в этическом отношении, он учит каждого с младенчества свободе, достоинству, смелости, сострадательности, неприятию расизма и любых античеловеческих теорий.

1937 год, год столетия со дня смерти поэта, проходил в чествованиях памяти Пушкина по всему миру. Цветаева именно с мотива трагедии и начинает эссе «Мой Пушкин», вспоминая копию знаменитой картины Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом», висевшую в родительском доме. Этот образ определил для нее разделение мира «на поэта — и всех» и категорическое предпочтение поэта всем прочим, а памятник Пушкину на Тверском бульваре стал наглядным воплощением и масштаба, и сути пушкинского места в русской литературе.

Цветаева рисует систему нравственных координат, задаваемых Пушкиным русской культуре, как систему оппозиций, познаваемых ребенком и перцептивно, и логически:

- масштаба (огромного памятника с белой фарфоровой куколкой);
- материала (живое — мертвое);
- иерархии (кукла — девочка — памятник);
- чернота — белизна;
- национальной принадлежности (Россия — Африка);
- свободы (цепи — стихия);
- избранничества (поэт — чернь);
- наследия (живой памятник (сын Пушкина) — чугунный памятник — Командор);
- владения (тайный Пушкин (книга для себя) — явный Пушкин (хрестоматия для школ);
- жизненной стратегии (отказ от битвы — победа);
- любви (разлука — обладание);
- искусства (поэзия — реальность (море в стихах и море физическое)).

Упоминаемые Цветаевой произведения Пушкина: «Цыганы» — «Капитанская дочка» — «Евгений Онегин» — «Полтава» — «Утопленник» — «Вурдалак» — «Бесы» — «Зимняя дорога» — «Няне» — «Делибаш» — «К морю» — складываются в панораму ее духовного мира, заданную Пушкиным. Заметим почти полное отсутствие здесь любовной и гражданской лирики, философской и национальной тем. Зато первостепенно присутствие потустороннего, зачарованность темами борьбы и бунта, страстей и стихий, отваги и нежности, тоски и одиночества.

Два больших произведения Пушкина Цветаева рассматривает с особой пристальностью: роман в стихах «Евгений Онегин» и повесть «Капитанская дочка». Фокус ее внимания — на фигурах Татьяны Лариной и Емельяна Пугачева соответственно. Первая трактуется Цветаевой как нравственный идеал, завещанный поэтом, второй — как воплощение силы, чарующей романтика мощью, как стихия, не знающая добра и зла.

В «Евгении Онегине» Цветаева вычленяет любовную линию, где действует только Татьяна, выводя из ее образа идеальную русскую героиню. «С младенчества посеячас, весь «Евгений Онегин» для меня сводится к трем сценам: той свечи — той скамьи — того паркета»⁴ — т. е. сцена письма Татьяны, отповедь Онегина ей в саду и позднейший ее отказ ему в петербургской гостиной. Рецепт счастья — в отказе от его поиска. Победа путем отказа — цветаевская формула, найденная ею в молодости, здесь подкреплена ее трактовкой пушкинского сюжета. Образ Татьяны она видит как прямое руководство в жизненном выборе для русских девушек вообще и для своей матери в частности; таким образом, брак матери и свое рождение возводит прямо к роману Пушкина, т. е. к самому Пушкину, становится ему как бы правнучкой. Остальные темы Цветаева настолько нивелирует, что в ее трактовке роман мог бы называться «Татьяна Ларина».

Заметен параллелизм с вышеприведенным в ее анализе «Капитанской дочки» в эссе «Пушкин и Пугачев»: «Вся «Капитанская дочка» для меня сводилась и сводится к очным встречам Гринёва с Пугачевым: в метель с Вожатым (потом пропадающим) — во сне с мужиком — с Самозванцем на крыльце комендантского дома»⁵. Тему чести как жизненной стратегии, центральную у Пушкина, она заменяет темой чары, зачарованности страшным, волком, чужаком. Аргументирует

⁴ Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 72.

⁵ Там же. С. 500.

детским прозрением, потому что это возраст истины (слепой правды). Взгляд взрослого поэта: Цветаева видит метаморфозу Гриневу — из ребенка 16 лет он становится взрослым, самым Пушкиным. Самозванчество равно бонапартизму, бунту и свободе. «Пушкину я обязана своей страстью к мятежникам — как бы они ни назывались и ни одевались. Ко всякому предприятию — лишь бы было обречено»⁶.

«Пушкинский Пугачев, помимо дани поэта — чаре, poeta — врагу, еще дань эпохе: Романтизму. У Гете — Гец, у Шиллера — Карл Моор, у Пушкина — Пугачев. Да, да, эта самая классическая, кристальная и, как вы ее еще называете, проза — чистейший романтизм, кристалл романтизма»⁷.

Цветаева исключает и Гриневу, и, тем более, Машу и прочих как субъектов действия. Их для нее в «Капитанской дочке» двое: Пугачев, которого она называет Вожатым, и автор. Т. е. стихия и поэт, а с ним — и читатель. «От Пугачева на Пушкина — следовательно и на Гриневу — следовательно на меня — шла могучая чара»⁸.

Солитаризируясь с поэтом, она противопоставляет Пугачева — Екатерине II тогда и Николаю I во время Пушкина, уверенная, что и Пушкину ближе Вожатый, чем власть. «Самозванец — врага — за правду — отпустил. Самодержец — поэта — за правду — приковал». «На самозванце Емельяне Пушкин отвел душу от самодержца-Николая, не сумевшего его ни обнять, ни отпустить»⁹.

Три рассмотренные выше периода продиктовали решение и трехчастную структуру выставки в Государственном музее А.С. Пушкина, которая заняла три анфиладных зала (*см. Приложение в конце статьи*).

Первый зал. В соответствии с рассмотренными оппозициями, две противоположные стороны зала воплощали соответственно антитезы: Крым и Петербург, Пушкин (с ним и Цветаева) — и Гончарова, мир цыган, романтизма, вольности, юга — мир светского регламента, дворцового блеска, бала, севера. Условно назовем эти комплексы романтический и ампириный (поскольку эти явления связаны). В первом — прижизненное издание пушкинских «Цыган» и дореволюционный том его

⁶ Цветаева М.И. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994. С. 510.

⁷ Там же. С. 512.

⁸ Там же. С. 508.

⁹ Там же. С. 510.

сочинений вроде того, что могла читать Цветаева. Романтизм воплощали виды Крыма в старинных гравюрах, старых открытках, крымский пейзажах Софьи Сухово-Кобылиной, прекрасные иллюстрации Ильи Богдеско к «Цыганам», а также виды Версаля, бюст Бонапарта, ну и конечно, карты, четки, бутылка с бокалом и трубка, а для обозначения «африканской души» Пушкина в фондах цветаевского музея нашли марионетку-негритенка начала XX века.

Противоположную стену заняли сцены балов, портреты Пушкина и Гончаровой, а также отдельно — Дантеса. Роскошные наряды и предметы дамского обихода иллюстрируют этот образ, превращая витрину в туалетный столик «ветреной Венеры», собирающейся на бал. Старинные виды дворцовых залов и парадных разъездов показывают северную столицу как великолепно убранную сцену, где будут разыграны не только ослепительные выходы первой красавицы, но и трагедия гибели поэта.

Второй зал: Пушкин для Цветаевой — наследник Петра I: и по масштабу совершенного, и через предка своего Ганнибала, царского крестника. Поэт оказывается детищем царя, равным Петербургу, или русскому флоту, или новой роли России в мире. Величие Петра равно величию Пушкина и противопоставлено низости Николая I — цензора и врага Пушкина, запершего поэта в архивах. Эта оппозиция представлена в смотрящих друг на друга портретах и скульптурах двух императоров, в облике столицы, бывшей морскими воротами для всего мира при Петре — и ставшей городом военных парадов в замкнутых ансамблях дворцовых площадей при Николае. Вид недоступного Пушкину дальнего моря контрастирует с видом здания Генерального штаба, где в николаевское время размещался Исторический архив — место службы камер-юнкера Пушкина.

На условно воссозданном рабочем столе поэта — копии автографов Пушкина и номера издаваемых им журналов. Здесь же — ставшие классическими детали его внешнего облика: перчатки, цилиндр, трость, как знак общей страсти обоих — и Пушкина, и Цветаевой — к дальним прогулкам.

В витрине — номер парижского журнала «Современные записки» с прижизненной публикацией цикла Цветаевой «Стихи к Пушкину». Рядом — бронзовый медальон работы Нины Матвеевой с изображением двух поэтов. И иллюстрации Александра Бенуа, Ивана Рерберга, Алексея Кравченко к пушкинскому «Пиру во время Чумы».

Третий зал — вершинное воплощение цветаевского мифа о Пушкине и, шире, — об искусстве, о родине, о власти земной и небесной.

Копия картины Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом», уменьшенное воспроизведение модели памятника Опекушина и старинная фотография Тверского бульвара с памятником на его исконном месте — всё это иллюстрирует ту систему координат, в которой существовало и развивалось цветаевское восприятие Пушкина.

Иллюстрации современных художников выбраны к трем сценам из «Евгения Онегина» и трем из «Капитанской дочки», которые Цветаева называет ключевыми. Эссе «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» — в прижизненных публикациях в журнале «Современные записки». Рядом книги пушкинистов Вересаева и Щеголева, такими пользовалась Цветаева в своей работе.

Уникальные экспонаты — переводы Цветаевой на французский язык ее любимых пушкинских стихотворений: строфы из «Пира во время Чумы», записанные цветаевской рукой, и позднейшая копия ее перевода «Бесов», сделанная дочерью Цветаевой Ариадной Эфрон. Прижизненная публикация этого перевода — в вырезке из парижской газеты.

О всемирном значении наследия Пушкина говорят афиши и программы вечеров памяти поэта, проходивших в Париже в 1937-м, — свидетельства огромной работы всемирной русской диаспоры, и соседствующие с ними афиши пушкинских событий в СССР.

Первый зал. Вид раздела «Петербург». 2022 год

Первый зал. Витрины «Гончарова — Пушкин»

Второй зал. Общий вид

Второй зал. Вид на Мастерскую поэта

Мастерская — условный стол поэта

Третий зал. Общий вид

Третий зал. Афиши и печатные издания

Третий зал. Экспонаты выставки

Третий зал. Финал экспозиции

НАРОДНОЕ СЛОВО В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА: ОТ А.С. ПУШКИНА К А.Н. ОСТРОВСКОМУ

Общепризнанный факт, что А.С. Пушкину принадлежит выдающаяся роль «в истории развития русского национального литературного языка»¹, а Словарь языка Пушкина (СЯП), бесспорно, «является важным пособием по истории русского национального литературного языка, по истории такого важного структурного элемента языка, каким является лексика»: «опираясь на факты, собранные и научно истолкованные в этом словаре», можно «исследовать и наблюдать конкретно-исторические процессы изменений словарного состава от Пушкина до современной эпохи»². С 1958 года, когда готовился к выходу уже третий том СЯП, группа ученых из Института русского языка и Института языкознания АН СССР приступила к статистическим исследованиям словарного состава текстов Пушкина, в 1963 году были опубликованы «Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект)», где из 21 197 лексических единиц словника были представлены 2 000 наиболее частых³. Работа не получила продолжения, «Частотный словарь языка Пушкина» остался неизданным. Однако информация о фреквентивных свойствах слов, встречающихся как в художественных произведениях, так и в нехудожественных текстах Пушкина, помимо машинописи «Частотного словаря языка Пушкина»⁴, «Материалов к Частотному словарю...», содержится в словарных статьях СЯП: «Наряду с толкованием слова

¹ Виноградов В.В. Предисловие // Словарь языка Пушкина. В 4 т. Т. 1 / гл. ред. акад. В.В. Виноградов (отв. ред.) [и др.]; [предисл. В.В. Виноградова]. М., 1956–1961. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ 2 000 наиболее частых слов в текстах Пушкина (Табл. 1) / сост. Н.Г. Михайловская и Р.М. Фрумкина // Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект). М., 1963. С. 28–30. (Предварительные публикации / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Ин-т языкознания. Сектор структурной и прикладной лингвистики Ин-та языкознания).

⁴ «Частотный словарь языка Пушкина (машинопись, 403 с.) составлен по «Словарю языка Пушкина» и охватывает 21 217 слов, расположенных в порядке убывания частоты употребления — от самого употребительного (И — 25 026) до единицы» // ИРЯ: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН: сайт [Электронный ресурс: <https://ruslang.ru/>].

и прочими лексикографическими сведениями, при каждом слове указана частота его употребления в пушкинских текстах и «адрес» каждого употребления слова»⁵. Сообразно этому, СЯП и «Материалы к Частотному словарю...» стали основными источниками по изучению статистической структуры языка Пушкина. Впоследствии выход частотных словарей писателей — от пушкинской эпохи вплоть до начала нашего столетия — сделал возможным сравнительный анализ качественных и количественных параметров не только лексиконов авторов, но и словарного состава русского литературного языка различных периодов.

В послепушкинский период «наиболее ощутимый демократический вклад в совершенствование литературного рус[ского] яз[ыка] — мощный приток элементов живой разговорной речи», как отмечает Н.С. Ганцовская, связан с именем А.Н. Островского⁶. По мнению А.И. Журавлевой, «среди русских классиков нет писателя, связи к[ото]рого с пушкинской традицией изучены меньше, чем связи с ней О[стровского]»⁷. Однако, подчеркивала известный исследователь-островсковед, Пушкин «органично был вписан в сознание» драматурга. Островский хорошо знал творчество поэта, отдельные пушкинские строки использовал как поговорки, а пушкинскими стихами, притом не хрестоматийными, порой описывал свои впечатления. К примеру, «в дневнике, говоря о Твери, он вспоминает письмо П[ушкина] к С.А. Соболевскому: «У Гольяни иль Кольони / Закажи себе в Твери / С пармезаном макарони / Да яишницу свари...»; письмо к П.М. Садовскому и С.С. Кошеверову от 27 июня 1860 года начинается и завершается пушкинской цитатой «Любезнейшие друзья, Пров Михайлович и Сергей Семенович! «Живу теперь в Одессе пыльной... / Язык Италии златой / Звучит по улице веселой, / Где ходит гордый славянин, / Француз, испанец, армянин...» Так писал Пушкин слишком 30 лет тому назад. Одесса и теперь та же»⁸. С выходом в 2012 году «Частотного словаря языка А.Н. Островского»⁹

⁵ Фрумкина Р.М. О статистическом исследовании словарного состава текстов Пушкина // Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект). С. 5–8.

⁶ Ганцовская Н.С. Язык драматургии Островского // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома ; Шуя, 2012. С. 496.

⁷ Журавлева А.И. Пушкин Александр Сергеевич // А.Н. Островский. Энциклопедия. С. 342.

⁸ Там же.

⁹ Частотный словарь языка А.Н. Островского / сост. Н.С. Ганцовская,

появилась возможность по количественным и качественным показателям сравнить лексический состав языка А.С. Пушкина, как считается, основателя современного русского языка («с его внежанровой связью книжной (по происхождению церковнославянской) базы с живой народной речью»¹⁰, и языка А.Н. Островского, «основоположника национального театра»¹¹, — писателей-классиков, творивших в разные периоды «золотого» XIX века.

В данной работе проанализированы по количественным и качественным параметрам встречающиеся у обоих писателей слова народно-разговорного характера и диалектизмы. Материалами для наблюдений послужили: «2 000 наиболее частых слов в текстах Пушкина» (ЧСЯП), составляющих 80% от почти полумиллиона словоупотреблений, «Словарь языка Пушкина» (СЯП) и «Частотный словарь языка А.Н. Островского» (ЧСЯО). Поскольку в ЧСЯО ранжирование проведено для тысячи самых частых слов, то для корректного сравнения таким же количеством ограничивается объем рассматриваемых лексических единиц в ЧСЯП.

Предварительно отметим, что лексиконы писателей не равнозначны: словарный запас Пушкина составляет около 21,2 тыс. слов (с «Новыми материалами к словарю» — около 23 тыс.), Островского — свыше 34 тыс. У обоих писателей среди высокочастотной лексики лидируют служебные слова и местоимения (ср. с 1 по 29 ранг (верхний индекс — частота): ЧСЯП — *и*^{25 026}, *в*^{18 764}, *я*^{15 477}, *он*^{14 207}, *не*^{11 630}, *быть*^{8 771}, *на*^{7 534}, *с*^{7 210}, *что*^{6 915} (союз, мест., част.), *ты*^{5 600}, *мой*^{4 444}, *она*^{4 435}, *свой*^{3 870}, *но*^{3 862}, *к*^{3 835}, *весь*^{3 707}, *а*^{3 593}, *они*^{2 693}, *как*^{3 500} (нар., союз), *тот*^{3 077}, *мы*^{3 043}, *о*^{2 945} (предлог), *вы*^{2 854}, *за*^{2 692}, *это*^{2 285}, *из*^{2 218}, *от*^{2 168}, *по*^{2 082}, *же*^{2 047} (част., союз); ЧСЯО — *и*^{36 192}, *я*^{34 507}, *не*^{26 249}, *что*^{22 562}, *в/во*^{22 118}, *ты*^{15 971}, *а*^{15 035}, *вы*^{14 712}, *он*^{13 104}, *с/со*^{12 812}, *на*^{11 382}, *быть*^{9 732}, *да*^{9 703}, *этот*^{8 735}, *же/ж*^{8 651}, *так*^{8 213}, *как*^{7 960}, *весь*^{7 239}, *за*^{6 928}, *она*^{6 839}, *мы*^{6 638}, *к/ко*^{5 622}, *вот*^{5 515}, *уж*^{4 926}, *они/оне*^{4 922}, *мой*^{4 608}, *по*^{4 559}, *тот*^{4 544}, *нет*^{4 302}). Совпадения наблюдаются и при сравнении имен существительных. Так, у Пушкина в первую сотню рангового списка входят лексемы *день* (Р⁴⁵ — Ч^{1 163}), *время* (Р⁵⁷ — Ч⁹³²), *бог* (Р⁶⁰ — Ч⁹¹⁷), *рука* (Р⁶² — Ч⁸⁵⁹), *дело* (Р⁶⁵ — Ч⁸¹⁰), *друг* (Р⁶⁹ — Ч⁷⁸⁸),

Г.Д. Неганова и др.; под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 530–658.

¹⁰ Ганцовская Н.С. Язык драматургии Островского. С. 496.

¹¹ Журавлева А.И. Пушкин Александр Сергеевич // А.Н. Островский. Энциклопедия. С. 342.

душа (Р⁷¹ — Ч⁷⁷⁴), государь (Р⁷² — Ч⁷⁶⁶), год (Р⁷⁵ — Ч⁷³²), письмо (Р⁷⁷ — Ч⁷¹⁷), сердце (Р⁸⁰ — Ч⁶⁹⁷), человек (Р⁸¹ — Ч⁶⁹⁶), господин (Р⁸⁷ — Ч⁶³⁰), любовь (Р⁸⁸ — Ч⁶³⁰), жизнь (Р⁹⁶ — Ч⁶⁰³), князь (Р⁹⁷ — Ч⁵⁸⁴). Все эти слова представлены и в ЧСЯО: по шесть существительных находятся в первой и второй сотнях рангового словника — дело (Р⁴⁶ — Ч^{2 822}), человек (Р⁵⁵ — Ч^{2 322}), рука (Р⁷⁸ — Ч^{1 636}), бог (Р⁹⁴ — Ч^{1 301}), друг (Р⁹⁸ — Ч^{1 239}), день (Р⁹⁹ — Ч^{1 234}), жизнь (Р¹¹¹ — Ч^{1 115}), душа (Р¹²³ — Ч^{1 005}), год (Р¹³¹ — Ч⁹⁰⁹), время (Р¹³³ — Ч⁸⁸⁰), письмо (Р¹⁴⁴ — Ч⁸²²) и сердце (Р¹⁵⁹ — Ч⁶⁹⁷); у остальных слов количество словоупотреблений менее пятисот, поэтому их ранг ниже. У Островского в число высокочастотных вошли апеллятивы дом (Р⁹² — Ч^{1 325}), деньги (Р⁵⁷ — Ч^{2 256}), театр (Р⁴⁶ — Ч^{2 822}) и пьеса/пиеса/пиэса (Р⁶⁵ — Ч^{2 050}). Первые три слова в ранговом списке ЧСЯП соответственно занимают № 116 (Ч⁴⁹³), 185 (Ч³¹⁰) и 890 (Ч⁸⁶); лексема пьеса/пиэса/пэса не входит в тысячу частых слов, встречается в пушкинских текстах всего 38 раз и в итоге занимает в ранговом списке № 1994¹². При количественном сравнении прилагательных и глаголов, наиболее часто встречающихся в текстах Пушкина и Островского, выявляются аналогичные результаты. Как видим, высокочастотная лексика в языке Островского коррелирует с зоной высокочастотной лексики литературного языка, сформировавшегося пушкинскую эпоху.

Вместе с тем в языке Пушкина обильно представлена народно-разговорная и диалектная лексика: баба, батюшка, бедняга, буянить, братец, брюхатая, вечер, грохотать, дичина, дыравый, дядька, ерошить, женка/жонка, жило, исподтиха, карабкаться, кликать, кой, комкать, лих, мужик, навеселе, назло, назойливый, напекать, ныне, оголелый, осержаться, пасть, погода, полно, постеля, рогатка, сперва, старик, старуха, тетка, толковать, ужели, умет, хозяйка и многие другие, как частотные, так и единичные. Так, местоимение кой 'который', имеющее широкое распространение в русских говорах как раннего, так и позднего формирования, является частотным в пушкинских текстах — 352 словоупотребления, в ранговом списке слово значится под № 60, напр.: «Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышал(ось) маленькое земляное укрепление, состоявшее из вала и рва, за коими находились несколько шалашей и землянок» (Дубровский)¹³.

¹² 2 000 наиболее частых слов в текстах Пушкина (Табл. 1). С. 27.

¹³ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 19 т. М., 1994–1997. Т. 8. С. 221. (Далее — Пушкин А.С. ПСС.)

Частица *ужели/ужель* ‘неужели’ в ЧСЯП имеет ранг 342, частоту 187 (в СЯП указана частота 109¹⁴), напр.: «Взглянул на мир я взором [ясным] / И изумился в тишине; / *Ужели* он казался мне / Столь величавым и прекрасным?» ([Мое] беспечное незнание)¹⁵. С этим значением слово зафиксировано в Словаре В. Даля (без указания географии)¹⁶, а также в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовой¹⁷. В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) данная лексическая единица представлена с грамматической пометой «условный союз» и значением ‘если’¹⁸. Хорошо знакомое всем с детства благодаря пушкинскому стихотворению «Зимнее утро» наречие *вечор* ‘вчера вечером; вчера’ не вошло даже в 2 000 самых частых слов ЧСЯП, в СЯП отмечено всего 24 случая словоупотребления¹⁹, лексема же известна во многих севернорусских говорах, включая псковские²⁰. Пример: «Был тулуп, да что греха таить? заложил вечор у цаловальника: мороз показался не велик» (Капитанская дочка)²¹. Глагол говорения *баять/баить*, имеющий распространение в говорах на юг от Москвы, север и восток, а «также в запад[ных] губ[ерниях]»²², в пушкинских текстах, напротив, не является частотным, встречается лишь четырежды — два раза в «Сказке о царе Салтане...» и по одному разу в повести «Барышня-крестьянка» и цикле стихотворений «Песни западных славян». Напр.: «Да как же барина с слугой не распознать?

И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по нашему» (Барышня-крестьянка)²³.

¹⁴ Словарь языка Пушкина. В 4 т. / гл. ред. акад. В.В. Виноградов (отв. ред.) [и др.]; [предисл. В.В. Виноградова]. М., 1956–1961. Т. 4. С. 671. (Далее — СЯП.)

¹⁵ Пушкин А.С. ПСС. Т. 2. С. 262.

¹⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд. СПб. ; М., 1880–1882. Т. 4. С. 477.

¹⁷ Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома ; М., 2015. С. 392.

¹⁸ Словарь русских народных говоров. Вып. 46 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов; отв. ред С.А. Мызников. СПб., 2013. С. 332.

¹⁹ Словарь языка Пушкина. Т. 1. С. 260.

²⁰ Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 3. Л., 1976. С. 136.

²¹ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 290.

²² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 39.

²³ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 114.

Наблюдения показывают, что народно-разговорная и диалектная лексика в языке Пушкина по большей части не является частотной. К примеру, отмечено три случая словоупотребления существительного *жило* 'жилое место', и все встречаются в повести «Капитанская дочка», напр.: «Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак *жила* или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения мятели...»²⁴ Слово *дичина* 'дичь' употреблено по одному разу в «Сказке о царе Салтане...» и статье «<Песнь о полку Игореве.> <1836>», напр.: «Ломит он у дуба сук / И в тугой сгибает лук, / Со креста снурок шелковый / Натянул на лук дубовый, / Тонку тросточку сломил, / Стрелкой легкой заострил, / И пошел на край долины / У моря искать *дичины*»²⁵. По одному разу Пушкин употребил диалектизмы *диравый* 'дырявый', *исподтиха* 'исподтишка', оголелый 'обнищавший, обедневший' и многие другие: «Усмехнувшись *исподтиха*, / Говорит царю ткачиха...» (Сказка о царе Салтане...)²⁶; «И потекут сокровища мои / В атласные *диравые* карманы» (Скупой рыцарь)²⁷; «Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице *оголелому*!» (Капитанская дочка)²⁸.

В языке Островского также небольшая часть рассматриваемой лексики входит в тысячу самых частых слов: *маменька* (P¹⁵⁰, Ч⁷⁷⁴), *любезный* (P¹⁵¹, Ч⁷⁶⁶), *матушка* (P²⁸⁹, Ч⁴¹¹), *братец* (P³⁰³, Ч³⁸⁷), *батюшка* (P³⁴⁵, Ч³³⁸), *кабы* (P⁴⁰⁰, Ч²⁸⁸), *хозяин* (P⁴¹⁹, Ч²⁷⁷) и некоторые другие; все они встречаются и в пушкинских текстах. В основном же, как и у Пушкина, у значительного объема лексики народно-разговорного характера и диалектизмов отмечается низкая частота словоупотребления. В качестве примеров приведем несколько лексем на литеру «Б» (в круглых скобках указана частота словоупотребления): *баловница* (8), *батожье* (3), *бельма/бельмы* (5), *бесхлебица* (1), *блудный* (2), *бродяга* (13), *брякать* (2) и другие. (Диалектизмы в ЧСЯО, в основном ландшафтная лексика, рассматривались в нескольких публикациях ранее²⁹.)

²⁴ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 287–288.

²⁵ Там же. Т. 3. С. 510.

²⁶ Там же. С. 519.

²⁷ Там же. Т. 7. С. 113.

²⁸ Там же. Т. 8. С. 291.

²⁹ Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д. Диалектная лексика частотного словаря художественных произведений А.Н. Островского в соотношении со «Словарем русских народных говоров» // Диалектная лексика-2009. СПб., 2009. С. 314–320; Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д. Иллюстрации из текстов А.Н. Островского в «Словаре современного русского литературного языка» и данные «Частотно-

В ЧСЯО выявляются группы однокоренных слов. Такая особенность в языке Островского коррелирует с пушкинским лексиконом. Для сравнения приведем несколько групп слов из лексикона драматурга, в которых выделены языковые единицы, представленные в СЯП (в круглых скобках указано количество словоупотреблений): *барыш* (О-54 / П-0), *барышник* (О-9 / П-0), *барышнический* (О-1 / П-0), *барышничество* (О-2 / П-0); *деньга* (О-9 / П-6), *деньги* (О-2 256 / П-310), *денежка* (О-28 / П-4), *денежный/денежной* (О-24 / П-13), *денжищи* (О-1 / П-0), *деньжонки* (О-32 / П-2), *безденежный* (О-3 / П-1), *безденежье* (О-4 / П-0); *дом* (О-1 325 / П-493), *домашний* (О-45 / П-87), *домик* (О-24 / П-33), *домишко* (О-9 / П-2), *домовитый* (О- / П-1), *домовладелец* (О-4 / П-0), *домовой* (О-4 / П-7), *домовый* (О-0 / П-2), *домок* (О-2 / П-1), *доморощенный* (О-1 / П-0), *домосед* (О-0 / П-2), *домострой* (О-4 / П-0), *домочадец* (О-1 / П-0), *бездомовник* (О-1 / П-0), *бездомный* (О-4 / П-2), *бездомовой* (О-1 / П-0), *бездомовщина* (О-1 / П-0).

Как видим, у Островского каждая группа однокоренных слов, приведенных в качестве примеров, расширилась. Проиллюстрируем цитатами из произведений писателей группу слов с корнем *баб-*: *баба*, *бабенка*, *бабий*, *бабка*, *бабочка* ‘женщина’, *бабушка*, *бабушкин* (звездочкой отмечено слово, не представленное в СЯП).

Баба

Она была, как говорится, видная *баба*, впрочем уже не в первом цвете молодости.

го словаря языка А.Н. Островского» // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая. СПб., 2018. С. 177–185; *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Частотный словарь языка А.Н. Островского как средство описания лексического богатства русского языка (Ландшафтная лексика) // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium* / гл. ред. И.Л. Копылов. Минск, 2017. С. 484–487; *Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.* Классическая литература как источник формирования академических словарей русского литературного языка: лексика с иллюстрациями из пьес А.Н. Островского в юбилейном томе Большого академического словаря // Слово и словарь = *Vocabulum et vocabularium* / гл. ред. И.Л. Копылов. Минск, 2019. С. 15–20; *Неганова Г.Д.* Ландшафтная лексика народно-разговорного характера в Частотно-аналитическом словаре языка А.Н. Островского // *Диалектная лексика-2013* / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб., 2013. С. 254–259; *Неганова Г.Д.* Частотный словарь языка А.Н. Островского: ландшафтная лексика // *Славянская диалектная лексикография* / отв. ред. С.А. Мызников, О.А. Крылова, И.В. Бакланова. СПб., 2011. С. 77–78.

Пушкин. Русский Пелаг³⁰.

Мавра Агуревна была вдова, и бедовая такая была баба.

Островский. Записки замоскворецкого жителя³¹.

Бабенка

Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки.

Пушкин. Дубровский³².

М у р з а в е ц к а я . Молодая бабенка, и ума-то не важного, смеется над нами, как над дураками; а мы с тобой, старые умники, сидим да ничего сделать ей не можем.

Островский. Волки и овцы³³.

Бабий

Здесь не бабье дело; уведи Машу.

Пушкин. Капитанская дочка³⁴.

1 - й Б и р ю ч . Старые старички, / Честные мужички, / Подполатные жители, / Бабы служители!

Островский. Снегурочка³⁵.

Бабка

В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксии Алексеевны...

Пушкин. История села Горюхина³⁶.

С т а р у х а . Баю-баю, мил внучоночек! / Ты спи-усни, крестьянской сын! / С тобой сидит бабка старая, / До зари с зари прибаюкивает, / Тихой сон очам наговаривает / Да качку-качалку покачивает.

³⁰ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 416.

³¹ Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 12 т. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, И.В. Ильинского, В.Я. Лакшина и др. М., 1973–1980. Т. 1. С. 37. (Далее — Островский А.Н. ПСС.)

³² Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 162.

³³ Островский А.Н. ПСС. Т. 4. С. 190.

³⁴ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 323.

³⁵ Островский А.Н. ПСС. Т. 7. С. 421.

³⁶ Пушкин А.С. ПСС. Т. 8. С. 134.

*Островский. Воевода (Сон на Волге). Первая редакция*³⁷.

Бабочка*

П е л а г е я Е г о р о в н а . На-ка тебе ключи-то от чаю. Поди разлей гостям-то; ну, да там всё, что нужно, уж сама знаешь! Я-то уж ноги отходила, а тебе что — ты *бабочка* молоденькая... да... послужи.

*Островский. Бедность не порок*³⁸.

Бабушка

Видит: нищая черница / Ходит по двору, клюкой / Отгоняя пса. «Постой, / Бабушка, постой немножко, — / Ей кричит она в окошко...»

*Пушкин. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях*³⁹.

М а в р а Т а р а с о в н а . Пойдем, миленький, и я с тобой выпью. Какое это вино расчудесное, ежели его пить с разумом.

П л а т о н . Прощайте, *бабушка*.

М а в р а Т а р а с о в н а . Прощай, внучек! Бабушка я, да только не тебе.

*Островский. Правда — хорошо, а счастье лучше*⁴⁰.

Бабушкин

Бывало, внучке в приданое доставался *бабушкин* сарафан...

*Пушкин. Арап Петра Великого*⁴¹.

К о ш к и н с ы н . Слушай, *избушка*, / *Бабушкин* дом! / Стань к лесу задом, / К нам передом!

*Островский. Иван-царевич*⁴²

Сравнение лексики народно-разговорного характера и диалектизмов, представленных в частотных словарях А.С. Пушкина и А.Н. Островского, дает представление об особенностях лексиконов писателей, индивидуальном стиле авторов и в то же время — об основных тенденциях развития языка, изменении его лексического состава от пушкинской эпохи к завершающему периоду Золотого века русской литературы.

³⁷ *Островский А.Н.* ПСС. Т. 6. С. 211.

³⁸ Там же. Т. 1. С. 363.

³⁹ *Пушкин А.С.* ПСС. Т. 3. С. 549.

⁴⁰ *Островский А.Н.* ПСС. Т. 4. С. 279–280.

⁴¹ *Пушкин А.С.* ПСС. Т. 8. С. 21.

⁴² *Островский А.Н.* ПСС. Т. 6. С. 260.

КОНВОЛЮТЫ И АЛЛИГАТЫ ПУШКИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ГЕОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. ПЕРСОНАЛИИ

Обращение к теме создания библиографической описи собранных мной конволютов — давно задуманное мероприятие. К концу первой четверти XXI века их накопилось уже тридцать три. Каждый конволют представляет собой книгу объемом свыше двухсот листов, и память уже не в силах удержать все материалы, собранные в них о Пушкине, а также около, вокруг и после Пушкина. Требовалась опись, которая стала большой и длительной работой, доставившей автору немалое удовольствие.

Немного о теории этого вопроса. Всякий библиофил так или иначе сталкивается со специальными видами антикварной книги, имеющими общее название рекомплекты. Это книги, создаваемые их владельцами из различных вышедших в разное время печатных или рукописных изданий или их фрагментов. Выделяют три основные разновидности рекомплектов:

- конволюты;
- аллигаты;
- подшивки.

Конволют (от лат. *convolutus* — свернутый, сплетенный) — сборник, скомпонованный владельцем из различных интересующих его вырезок из самостоятельных изданий (книг, брошюр, журналов, газет, отрывков статей или рукописей) и переплетенный в отдельную книгу.

В библиофильской практике слово «конволют» чаще используется для обозначения сборников, подобранных по общей тематике. Такими, к примеру, были конволюты известного библиофила, литературоведа, редактора и издателя П.А. Ефремова (1830–1907)¹. В качестве основы для своих конволютов он брал тома сочинений, к ним присоединял всевозможные дополнения (вырезки из журналов и газет, оттиски статей, иконографический материал и т. п.), собственноручно вносил туда

¹ Это всё, что в первую очередь знают о П.А. Ефреме — выпускнике математического отделения Московского университета. Он был членом-корреспондентом Академии наук и успешным директором Государственного банка России в чине действительного статского советника.

исправления и разъяснения, вписывая их по тексту или на отдельные листы, формируя владельческий справочный аппарат. Эти сведения зачастую раскрывали анонимы и псевдонимы авторов, что без помощи конволютов Ефремова установить было бы невозможно.

Для таких конволютов Ефремов заказывал специальную печатную обложку, в результате чего на свет появлялся единственный и неповторимый экземпляр книги. Только по пушкинской теме у П.А. Ефремова было двадцать больших конволютов. К сожалению, местонахождение большинства из них неизвестно.

В наши дни изредка на аукционах появляются отдельные конволюты П.А. Ефремова. Так, аукционный дом «Литфонд» выставил конволют, состоящий из девяти редчайших изданий XVIII века. Одно из них озаглавлено: «Надпись на прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в Санктпетербург марта дня, 1771 года. Сочинил В.Г. Рубан. Санкт-Петербург. Тираж 300 экземпляров». Это описание возвращения графа Орлова после победы над турецким флотом в морском Чесменском сражении у берегов Греции. В этом сражении принимал участие двоюродный дед Пушкина по линии матери, цейхмейстер морской артиллерии И.А. Ганнибал.

Конволют исполнен в полукожаном переплете эпохи, с хорошей сохранностью. На форзаце — ярлык библиотеки П.А. Ефремова.

Исключительно из тематических конволютов была составлена библиотека историка М.Д. Хмырова (1830–1872). Они хранятся в Московском историческом музее. Как утверждал член-корреспондент АН СССР П.Н. Берков, Хмыров был первым, кто стал с этой целью делать вырезки из журналов, газет и альманахов, собрав более двенадцати тысяч названий. Все вырезки сопровождаются сведениями об источнике, из которого взята та или иная статья.

На сегодняшний день число конволютов, находящихся в музеях и библиотеках нашей страны, огромно, а их состав весьма разнообразен. Довольно часто конволюты помогают найти малотиражные издания, а также уточнить существенные факты истории, литературы, персоналий.

Библиофилы оперируют еще одним термином — аллигат. Аллигат (от лат. *alligo* — привязываю) — комплект из самостоятельных книг (брошюр), составные части которого объединены общностью содержания.

Одним из самых известных аллигатов является первое издание романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», вышедшее из печати в виде

отдельных тетрадок с главами по мере их написания (СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1825–1832). В последующем некоторые обладатели объединяли все восемь тетрадок под одним переплетом, формируя книгу в 424 страницы раздельной пагинации.

В библиотеке Пушкинского Дома имеется очень симпатичный, потрепанный, но зато в цельнокожаном переплете аллигат пушкинского времени. Обложек внутри нет. Только титулы и шмуцы. Размеры в переплете — $16,5 \times 10,5$ см.

В моей книжной пушкинской коллекции есть шесть современных, владельческих, классических аллигатов. Один из них соединяет под одной крышкой семь малоформатных брошюр серии «Дорога к Пушкину. Связь времен». Это изданные раздельно в 2020–2021 годах работы разных авторов по пушкинским темам тиражом по 500 экземпляров каждая.

Наиболее интересны из брошюр в этом аллигате работы Л. Черкашиной: «Пушкин в блокадном Ленинграде» и «Медаль за оборону Ленинграда для праправнука Пушкина и для отца президента».

Представляемый аллигат сотворен по моей задумке трудами члена Национального союза библиофилов (НСБ) и клуба библиофилов «Бироновы конюшни» Л.Л. Колпахчиева в декабре 2023 года. Он исполнен в твердом переплете с золотым тиснением на корешке, размером $14,2 \times 19,6$ см. Естественно — в единственном экземпляре.

* * *

История коллекции авторских конволютов начинается с 80-х годов прошлого века, т. е. около 45 лет тому назад. Свидетельством тому вырезка из второго номера журнала «Октябрь» 1982 года со статьей А. Кузнецова «А душу твою люблю...» Повесть о Н.Н. Пушкиной. Подлинные письма и факты. Предположения. Раздумья».

В 1985 году меня с Камчатки назначили флагманским специалистом по РО 4-й флпл², дислоцированной в бухте Павловского Приморского края.

Собирая в очередной раз контейнер с личными домашними вещами для переезда к новому месту службы, я обратил внимание на скопившуюся

² Флотилия атомных подводных лодок — стратегическое объединение ВМФ. В описываемое время 4-я флпл состояла из трех дивизий атомоходов.

юся, довольно большую уже россыпь журнальных и газетных вырезок по пушкинской теме. Они явно просились к переплету и описи.

На новом месте службы мне удалось обзавестись самодельным переплетным станком, кое-каким инструментом переплетчика и дефицитным в тех краях клеем типа ПВА — всем тем, что позволило заняться ручным переплетом.

В итоге нескольких океанских походов на атомных ракетных подводных лодках мне удалось переплести два конволюта с пушкинскими материалами. К сожалению, первый конволют, переплетенный в декабре 1986 года, был утрачен. Второй конволют, переплетенный на РПК СН проекта 667Б «К-523» в Охотском море в 1987 году, сохранился и находится в моей коллекции.

Основу конволюта составили вырезки из толстых журналов: «Москва», «Новый мир», «Нева» и других, что предопределило его формат: 16,0 × 25,0 см.

Конволют 1987 года, объемом 285 листов, содержит 52 наименования. В нем есть ряд интересных материалов; о двух следует упомянуть особо. Прежде всего, это небольшая заметка И. Владимирова из газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта» от 23 января 1987 года. Она посвящена судьбе А.Д. Старцева — незаконнорожденного сына декабриста Н.А. Бестужева. Из этой заметки следует, что добрая половина кирпичных зданий исторической части Владивостока возведена из красного кирпича, произведенного на кирпичном заводе Старцева, который он построил в конце XIX века на острове Путятин в заливе Стрелок. В честь его заслуг самая высокая гора этого живописного острова обозначена на морских навигационных картах как вершина Старцева. Похоронен он у подножия горы на острове Путятин, где ему установлен бюст, который жители бережно сохраняют до сих пор.

А.Д. Старцев был знатным библиофилом. За 30 лет он собрал большую библиотеку и коллекцию предметов буддийского культа. За эту коллекцию парижский Лувр предлагал ему 3 млн франков, но Старцев не согласился, объявив ее бесценной. Во время Боксерского восстания 1900 года в Харбине был разрушен дом Старцева и уничтожены библиотека и коллекция. Когда известие о гибели дома дошло до Владивостока, сердце Старцева не выдержало.

Вторая публикация, помещенная в конволют, произвела на меня очень сильное впечатление и надолго запала в мою душу. Это статья Марка Михайловича Барина «Праздники в Михайловском» —

вырезка из журнала «Новый мир» № 10 за 1986 год. В ней директор Государственного музея Пушкина в Москве, отставной флотский офицер М. Баринов сдержанно описывал осуществленный им подъем церковных колоколов на звонницу Свято-Успенского собора Святотгорского монастыря.

Моряк, признанный яхтенный капитан М. Баринов смог совершить в буквальном смысле рукотворное чудо. С применением такелажных приспособлений и ручной лебедки вместе с членами юношеского клуба он поднял с нижней площадки монастыря к подножию собора, а затем на звонницу 14 колоколов общим весом около трех тонн.

Как известно, колокола эти около тридцати лет по всей округе собирал С.С. Гейченко. Этот факт поразил меня. Спустя несколько десятилетий мне удалось восстановить все обстоятельства этой уникальной шкиперской операции, а заодно и составить военно-морскую часть биографии этого удивительного человека — М.М. Баринова.

Итоги этих исследований прозвучали на научной конференции в Пушкинских Горах в феврале 2024 года³.

Обо всех конволютах коллекции с пушкинскими материалами не расскажешь, но некоторые из них имеют особую значимость. Вот, к примеру, в конволюте № 8 помещена вырезка из газеты «Петербургский дневник» № 6 от 18 февраля 2008 года, с заметкой В. Соколова «Савва Рагузинский — создатель русской разведки. Серб, которому Россия обязана Пушкиным».

Насчет титула «создателя русской разведки» автор, конечно, преувеличил. А вот сведения о Абраме Ганнибале, прадеде А.С. Пушкина, опубликованные в заметке, были настолько необычны, что верилось в них с трудом. Да к тому же доводы, приведенные автором, были не очень убедительны. По этим причинам эта сенсация отошла на второй план моих пушкинских интересов. Когда в 2020 году я обустроивал свой личный кабинет в построенном загородном доме, мне попала в руки подзабытая книга с золотым обрезом, в цельнокожаном переплете, подаренная мне в 2003 году начальником Управления разведки ВМФ вице-адмиралом В.М. Федоровым.

³ Антонов Г.Н. Моряк. Пушкинист. Педагог. К 100-летию со дня рождения М.М. Баринова. Повесть о М.М. Баринове и его теории «материальной силы искусства в формировании боевого духа на войне» // Михайловская пушкиниана. Вып. 101. Сельцо Михайловское, 2024. С. 163–173.

Книга имеет броское и интригующее название: «Русская разведка времен Петра I», ведомственного издания. В ней приведено большое количество ссылок на архивные изыскания, в том числе Главного архива МИД, Военно-учетного архива Главного штаба Российской армии, архива Военно-дипломатической академии.

Я, признаться, ее сразу не прочитал, но из-за заметки, попавшей в конволют № 8, вспомнил о ней — и нашел подтверждение версии о том, что арапчонок Ганнибал был привезен Петру I для подготовки его к ведению разведывательной деятельности. Это он впоследствии успешно исполнил во Франции, а затем в Испании под видом волонтерства, изучая крепости и наблюдая за боевой подготовкой иностранных армий. Ну кто мог подумать на арапа, что он — агент России и осуществляет разведку в ее пользу? Умен и хитер был первый император! Так что не для простого прислуживания крестил арапчонка Ибрагима император Петр I, а вполне себе в государственных целях. И не только Савва Владиславович Рагузинский отличился в этом важном для России деле. Первым внимание на мальчика Ибрагима обратил П.А. Толстой (1645–1729) — первый постоянный посол-резидент России в Турции. Его, вместе с Петром I, и следует считать создателем русской разведки.

Что касается указанной разведывательной версии, то даже в последней, вышедшей в 2019 году в серии «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия», книге Феликса Лурье «Абрам Ганнибал» об этом не сказано ни слова.

В конволюте № 12 помещена авторская заметка «Пушкин, море и ракеты» о пушкиниане И.С. Бахтина из газеты «Вечерний Северодвинск» от 18 августа 2011 года (№ 32 (850)). Текст повествует об уникальной пушкинской коллекции в 4,5 тысячи томов строителя первой ракетной дизельной подводной лодки проекта АВ611 ВМФ СССР с БР Р-11ФМ, разработки ОКБ-1 С.П. Королева. Коллекция при жизни владельца была подарена Северодвинскому краеведческому музею. В ней есть и прижизненные издания поэта.

Конволют № 19 стал первым «именным» конволютом моей коллекции. В нем собраны материалы об адмирале Ф.Ф. Матюшкине. Здесь, в частности, помещены рукописные библиографические указатели материалов о Ф.Ф. Матюшкине из фондов Центрального государственного архива Военно-морского флота (ЦГАР ВМФ), Пушкинского Дома (Институт русской литературы (ИРЛИ РАН), Центрального военно-морского музея (ЦВММ) имени Петра Великого и Центральной

военно-морской библиотеки (ЦВМБ). Ни моряки, ни пушкинисты в своих архивах не удостоили адмирала Ф.Ф. Матюшкина именным фондом. Всё хранится в надлежащем порядке, но разбросано по разным фондам, даже в пределах одного отдельно взятого архива. Так что созданные рукописные библиографические указатели — небольшой вклад в историю флота России и немного в пушкиноведение.

Конволют № 21 стал вторым «именным» конволютом коллекции. В нем собраны материалы по теме «Ахматова и Пушкин». Эта тема достаточно неожиданна для владельца; связана она с типичной библиофильской историей, случившейся в 2017 году. Книга одного из крупнейших пушкинистов XX века С.М. Бонди «Пушкин: новые материалы» была приобретена совершенно случайно в современном книжном магазине «Все свободны» на Большом проспекте Петроградской стороны. Позже в книге обнаружился инскрипт автора А.А. Ахматовой, датированный 31 марта 1932 года, и ее маргиналии.

Завершилась библиофильская история небольшим литературным расследованием, итоги которого были опубликованы в материалах VII Международных Беляевских чтений 2019 года, прошедших в Музее Пушкина на Мойке, 12, под названием «К вопросу о работе А.А. Ахматовой над «Египетскими ночами» А.С. Пушкина».

В конволюте № 22 среди прочих материалов помещены материалы к теме история издания академического полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 годов, в том числе вырезка из журнала «Нева», № 12 за 1999 год, с заметкой В. Ушакова (сын первого художника-оформителя книг полного собрания сочинений Пушкина) «Репрессированный «Пушкин» — о судьбе первого (не утвержденного к выпуску) варианта VII тома академического ПСС Пушкина 1935 года, редактором которого был известный пушкинист Д.П. Якубович.

В этом же конволюте № 22 помещено большое интервью старшего научного сотрудника Пушкинского Дома, секретаря Пушкинской комиссии РАН А. Балакина от 2 февраля 2018 года — о ходе издания 3-го академического ПСС Пушкина.

Конволют № 23 — третий именной конволют коллекции по материалам темы «Пушкин и Айвазовский» и первый из них, к которому в 2020 году была специально написана аннотация. Это напоминание о том, что еще в 2006 году я задумал подготовить хотя бы небольшой труд по теме «Пушкин и Айвазовский». Много за эти годы собрано материала. Проведены консультации с искусствоведами, со специали-

стами других областей знаний. Много чего подмечено на отшумевших юбилейных выставках Айвазовского. В этом конволюте помещена переписка с директором Феодосийской картинной галереи имени Айвазовского Т.В. Гайдук по вопросу разыскания картин Айвазовского, нарисованных им в январе 1883 года на досках деревянных ширм («Дева на скале» и «Ночной зефир», другое название работы — «Гвадалквивир») по мотивам произведений А.С. Пушкина. Они были представлены на выставке в Обществе поощрения художников на Большой Морской в Санкт-Петербурге. Позже, в 1888 году, Айвазовский подарил их турецкому султану Абдул-Хамиду II. К сожалению, ни фото, ни подробного описания картин пока найти не удалось.

В трех конволютах № 25, № 26, № 27 (это четвертый именной конволют в трех книгах) собраны материалы об известном пушкинисте XX века Н.А. Раевском — человеке с необычной судьбой. Начало сбора материалов было положено с момента розыска в Рукописном фонде Пушкинского Дома машинописного текста его доклада на 59 листах «Пушкин и война», который он сделал в Праге 23 февраля 1937 года⁴.

В частности, в конволюте № 26 собран материал к книге «Пушкин и война», вышедшей в 2022 году приложением к литературному альманаху «Кавказ».

В конволюте № 27 помещены материалы по уточнению обстоятельств ареста и осуждения Н.А. Раевского в 1945 году военным трибуналом Центральной группы войск. В материалах исследования всплыла фамилия и определилась роль подполковника юстиции Н.А. Венедиктова — и начался новый интересный и одновременно трагический этап исследования этой послепушкинской темы.

Здесь же помещена переписка с заместителем председателя Верховного суда РФ генерал-лейтенантом юстиции В.В. Хомчик по председателевавшему в Военном трибунале подполковнику юстиции Н.А. Венедиктову и его роли в «мягком» осуждении Н.А. Раевского в июле 1945 года. И завершались все эти исследования 20 октября 2022 года статьей, которой было дано название «Живой гвоздь» & ржавый памятник». Но версию этой статьи ни одно печатное издание не приняло к публикации — в том числе журналы «Историк» и «Дилетант», позиционирующие себя как солидные исторические

⁴ Институт русской литературы (ИРЛИ) РАН. Ф. 374. № 70 (фонд Раевского).

периодические издания. И только «Военно-исторический журнал» опубликовал в № 9 за 2023 год значительно урезанную и весьма отредактированную статью — с заголовком «Из подсудимого я превращался в докладчика по пушкинским делам». Необычная судьба рукописи Н.А. Раевского «Пушкин и война», хотя изначально статья была не только о рукописи. Спасибо за то, что в статье оставили материал о сыне подполковника юстиции Н.А. Венедиктова — лейтенанте-подводнике А.Н. Венедикове, который трагически погиб на Камчатке. Его внук, сын лейтенанта-подводника, известный либерал А.А. Венедиктов (*Алексей Алексеевич Венедиктов внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 22 апреля 2022 года*), не знает, где и как воевал его дед, не знает, где на Камчатке могила его отца, пришедшая в запустение. Она была найдена мной на старом Тарьинском кладбище полуострова Рыбачий только по медной гравированной табличке на проржавевшем, развалившемся памятнике.

В конволюте № 29 помещены материалы, которые вполне могут породить тему нового исследования по теме «Пушкин и Айвазовский». Речь идет о внуке И.К. Айвазовского художнике А. Ганзене. Ему выпала судьба быть последним художником Главного морского штаба Российского Императорского флота.

Последние собранные и переплетенные в 2025 году конволюты № 30–33 получились по большей части театральные и юбилейно-выставочные. В их составе программки спектаклей на тему «Пушкин-225». В юбилейный и околоюбилейные годы их было необычно много на театральных подмостках города на Неве, причем самых разных жанров: опера, балет, спектакли (драматические и не очень), мюзиклы и постановки кукольных театров.

По многим из них мной набросаны заметки: о спектакле «Русалка» Кукольного театра сказки 10 апреля 2024 года, о спектакле Театра музыкальной комедии «Капитанская дочка». Отложенная премьера. Композитор А.П. Петров» 27 сентября 2024, об опере-драме «Третья карта» на фрегате «Благодать» 14 января 2024 года и других.

Отмечу только три спектакля из почти двух десятков поразивших меня и темой, и сюжетом, и игрой актеров: моноспектакль И. Ларина «Мой первый друг», который удалось посмотреть 8 октября 2022 года в маленьком театре «Монплезир», посвященный И.И. Пущину — лицейскому товарищу Пушкина; моноспектакль заслуженного артиста России С. Барковского «Жуковский. Прощание», увиденный

16 апреля 2023 года в театре на Фонтанке; и моноспектакль народного артиста России Н. Мартон «А.С. Пушкин. Стихи и мысли»: из цикла «Монологи в царском фойе», в театре «Александринский» 16 ноября 2023 года.

Отдельно хотелось бы отметить материалы о масштабной выставке «Он победил время и пространство». Живопись, графика, скульптура, прикладное искусство», организованной Русским музеем в Строгановском дворце. Более четырехсот бесценных раритетов из запасников музея было выставлено в музейном пространстве в самом центре Санкт-Петербурга на углу Невского проспекта и набережной Мойки.

Истинное наслаждение доставил просмотр установленной в специальной витрине, в отдельном зале раскрашенной литографии «Панорама Невского проспекта» с акварели В.С. Садовникова, склеенной из 30 листов в одну ленту длиной более 8 метров. Уникальность этого произведения еще и в том, что на правой стороне Невского у дома 18 (кондитерская Вольфа и Беранже) изображен прогуливающимся А.С. Пушкин. Если учесть, что грандиозная работа Садовникова датирована 1830 годом, то этот рисунок поэта прижизненный!

* * *

В моей жизни, вот уже более полувека посвященной служению флоту, в продолжение которой мне пришлось сменить семь мест проживания и девятнадцать квартир, конволюты и аллигаты стали удобной формой сбора, систематизации и хранения базы знаний о Пушкине, его окружении, о событиях первой трети XIX века и послепушкинского времени, включая так быстро пролетевшую первую четверть XXI века.

Несколько слов о том, как база знаний превращается в базу данных (БД). Это имеет юридическое определение и научное обоснование. БД — это представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и использованы с помощью компьютера.

В соответствии с положением части IV Гражданского Кодекса РФ (№ 230-ФЗ от 18.12.2006г.), БД как результат интеллектуальной деятельности является объектом интеллектуальной собственности, и одновременно БД является объектом авторских прав, который помечается латинской буквой «С» в кружочке.

К созданной мной БД я обращаюсь регулярно, и она служит мне хорошим подспорьем. С помощью накопленной информации формируются темы новых исследований. Свидетельством тому служат авторские публикации в различных печатных изданиях, число которых перевалило за семь десятков.

Был у меня генеральный, вернее — адмиральский, план по выпуску в этом году каталога конволютов. И этот план удалось реализовать. Каталог издан библиофильским тиражом 15 экземпляров в издательстве «КЛЕО» Л.Л. Колпахчиева.

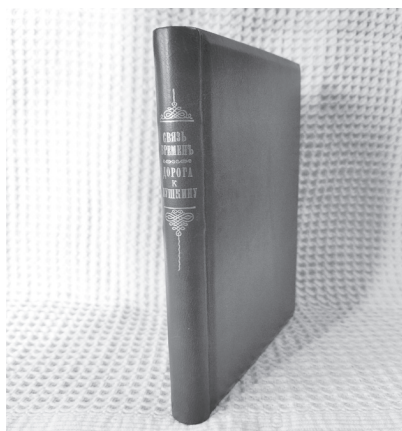
Несмотря на небольшой формат каталога (10,5 × 14,3 см), в нем помещено 20 иллюстраций, большинство из которых публикуются впервые. Для солидности каталог снабжен именованным указателем на 417 персон. Это лица эпохи Пушкина, пушкинисты, литературоведы и краеведы всех поколений, журналисты, писатели, историки и военные, трудами которых наполнена эта не очень большая, но оригинальная БД. Может быть, в будущем она кому-то сослужит добром, ведь абсолютно полной БД о Пушкине не существует и вряд ли она когда-нибудь будет создана.

*Конволют П.А. Ефремова
с произведениями XVIII века
с аукциона 2024 года*

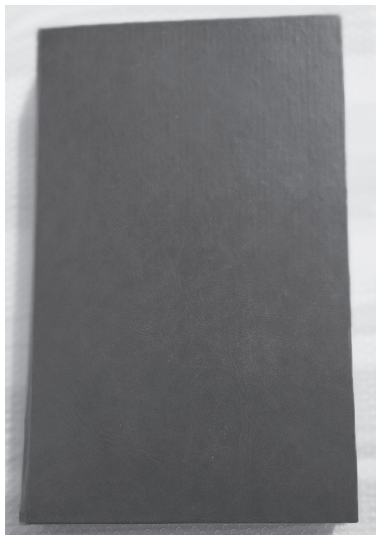
*Аллигат из тетрадок отдельных глав
«Евгения Онегина».
Из фондов Пушкинского Дома
(Институт русской литературы
(ИРЛИ РАН))*

*Аллигат из семи малоформатных
брошюр серии «Дорога к Пушкину.
Связь времен»*

*РПК СН проекта 667Б в море.
«Переплетная мастерская» библиофила Г.Н. Антонова*

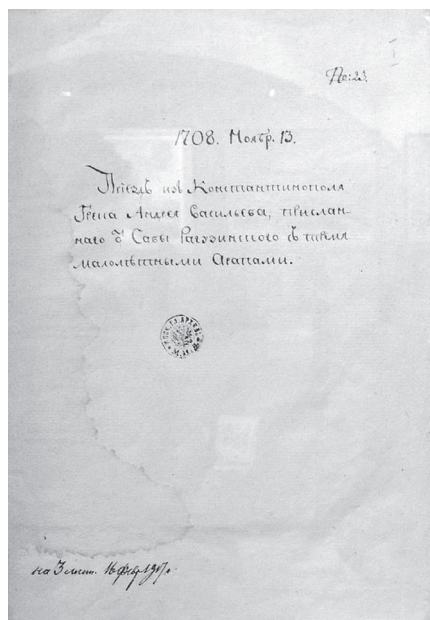

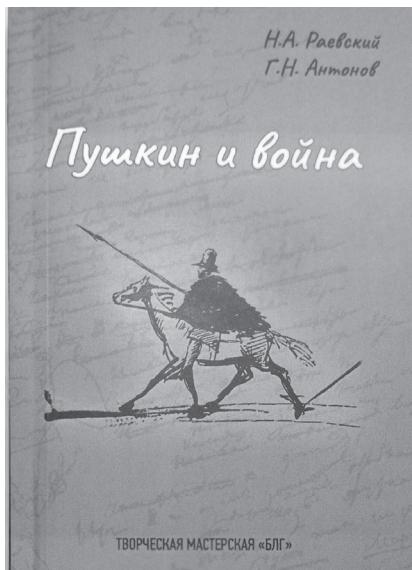
*Конволют 1987 года
с пушкинскими материалами.
16,0 × 25,0 × 3,0 см.
Переплет Г.Н. Антонова*

Книга «Русская разведка
времен Петра I».
М.: Издательский дом
«Русская разведка», 2003.
Из коллекции автора

Запись в Посольском приказе
13 ноября 1708 года
о приезде из Константинополя
от Савы Рагузинского
грека Андрея Васильева
с тремя малолетними арапами.
Один из них — Абрам Ганнибал.
Российский государственный архив
древних актов (РГАДА)

*Книга «Пушкин и война»,
изданная в 2022 году
приложением к литературному
альманаху «Кавказ»*

*Каталог конволютов.
СПб.: Клео, 2025*

РОЛЬ М.А. ГАННИБАЛ И ПОДМОСКОВНОЙ УСАДЬБЫ ЗАХАРОВО В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Выдающийся исследователь русской культуры Дмитрий Сергеевич Лихачев, составляя список поэтических мест, связанных с именем Пушкина, особое внимание уделил Захарову. Академик указал, насколько важным было для юного поэта пребывание в этих местах. Он отметил, что Захаровская земля оказала колоссальное влияние на формирование творчества Пушкина.

История этих мест уходит корнями в глубокую древность. На протяжении веков Захарово принадлежало представителям знатных дворянских фамилий. Мария Алексеевна Ганнибал стала новой владелицей Захарова, заплатив за имение 28 000 рублей.

Судьба не баловала Марию Алексеевну: непростые отношения с мужем, сложный развод, финансовые затруднения. Она посвятила жизнь единственной дочери и ее семье. После покупки усадьбы впервые Мария Алексеевна получает возможность самостоятельно распоряжаться делами и создавать обстановку, которая, по ее убеждению, была наиболее подходящей как для нее самой, так и для ее внуков.

Она решительно изменила привычный уклад: иностранные гувернеры были отстранены, а использование французского языка в Захарове оказалось нежелательным. Заботу о подрастающих внуках взяли на себя проверенные люди: преданная няня Арина Родионовна и опытный, мудрый дядька Никита Козлов.

В 1807 году Мария Алексеевна заключает с бригадой плотников договор на ремонт дома, замену бельведера, реставрацию крылечек. В доме предстоял масштабный ремонт.

Примечательно, что Мария Алексеевна проявляла исключительную бережливость. Все строительные работы выполнялись с использованием уже имеющегося у нее материала. Даже кровельные работы предусматривали экономию: старый тес предполагалось уложить снизу, а новый — сверху. Подрядчик брал на себя обязательство выполнять все работы строго в соответствии с архитектурными указаниями хозяйки. Подход к организации ремонтных работ был серьезным, что очень

помогло при восстановлении усадебного дома впоследствии. На основе тщательного изучения архивных материалов, анализа типовых проектов усадеб XVIII века и сохранившейся подрядной записи специалистам удалось воссоздать первоначальный облик старинного дома.

Результатом кропотливой работы стал детально проработанный проект реставрации, который позволил вернуть к жизни историческое здание. Сегодня оно является частью музейного комплекса и входит в состав государственного заповедника, где каждый посетитель может познакомиться с уникальной историей этих мест.

Пятилетие в Захарове стало важнейшим периодом в жизни будущего поэта. Недаром Захарово по праву считается поэтической колыбелью Александра Сергеевича Пушкина. В этом удивительном месте происходило уникальное слияние двух миров: дворянского и крестьянского. Маленький Саша, находясь под опекой любящей бабушки, получил не только традиционное аристократическое образование, но и глубокое погружение в народную культуру.

Мария Алексеевна Ганнибал обладала острым умом, практичностью и рассудительностью. Ее мировоззрение отличалось ясностью и простотой, что во многом определило ее подход к воспитанию внуков. Именно бабушка стала первым учителем Александра в освоении богатого и образного русского языка. Ее влияние на формирование личности будущего поэта трудно переоценить — она привила любовь к родной речи и культуре.

Прежнего полного медлительного мальчика было просто не узнать. Его бурная энергия наконец-то получила возможность проявиться в полной мере. Особую радость доставляли Саше визиты к соседям Голицыным, в их доме имелась богатая библиотека. Важной частью жизни семьи были посещения Спасо-Преображенской церкви в Больших Вяземах. По воскресеньям Мария Алексеевна непременно отправлялась туда с внуками на службу.

Вечерние часы в доме были особенными. Бабушка собирала вокруг себя внуков, рассказывала семейные предания, неизменно используя родной язык.

От бабушки Саша узнавал удивительные истории о происхождении их рода, о богатой истории Вязем, о временах правления Бориса Годунова, о периоде Смуты и появлении Лжедмитрия. В дальнейшем он постоянно обращался к тем самым легендам, преданиям и сказкам. Именно семейные истории легли в основу исторического романа «Арап Петра

Великого». Мария Алексеевна обладала уникальной возможностью рассказывать о семье Ганнибалов. Она была единственной, кто лично знал Абрама Петровича и, проживая в их доме, могла наблюдать за характером «царского арапа» и напрямую слышать от него подробности его удивительной жизни.

В основе глубокого интереса Пушкина к истории лежала искренняя любовь к предкам и национальному прошлому. Как писал сам поэт: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Эти слова ярко отражают его отношение к историческому наследию и семейной памяти:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.

«Когда Пушкин хотел оглянуться на начало своей жизни, он неизменно вспоминал Лицей — детство он вычеркнул из своей жизни. Он был человеком без детства. И когда внутреннее развитие подвело Пушкина к идее Дома, поэзии своего угла, то это оказался совсем не тот дом (или не те дома), в которых он проводил дни детства. Домом с большой буквы стал дом в Михайловском, дом предков, с которым поэт лично был связан юношескими воспоминаниями 1817 года и годами ссылки, а не памятью детства», — так пишет о детских воспоминаниях поэта Юрий Михайлович Лотман. Насколько это высказывание справедливо? Почему возникло такое мнение? Так ли это? И как быть с тем чудесным временем, проведенным в подмосковном Захарове?

Впервые Захарово зазвучит уже в 1815 году, в стихотворении «Послание к Юдину».

В поэтических сновидениях юного поэта Захарово представляется тихим уголком, уединенным кабинетом, где можно укрыться и предаться творчеству:

Мне видится мое селенье,
Мое Захарово; оно
С заборами в реке волнистой

С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.

И как же душевно и светло в доме детства:

Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.

В автобиографии Пушкина есть еще один пункт, он внесен сразу после пункта «Смерть Николая»: это появившаяся «Охота к чтению». В «Послании к Юдину», вероятно, и запечатлен такой момент:

Вот здесь под дубом наклоненным
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружен мечтах.

Во время исследования территории Захаровского парка на берегу пруда сотрудники обнаружили удивительный артефакт — едва различимые остатки древнего дубового пня. Примечательно, что дерево росло не прямо, а под наклоном, нависая над водой. Кто знает, возможно, именно этот величавый дуб вдохновлял юного Пушкина своими причудливыми очертаниями?

Именно это дерево могло быть зафиксировано на старинном плане, составленном Орловым — он становится владельцем усадьбы в 1837 году. Он положил начало изучению пушкинских мест, демонстрируя исследователям Шевыреву и Бергу березы с загадочными надписями, которые, по преданию, оставил сам поэт.

Орлов предпринял масштабную работу по восстановлению поместья, составив подробный план территории. Этот исторический документ, получивший название «План межевание бывшего поместья Ганибал, перекупленного губернским секретарем Орловым в 1837 году», был обнаружен совершенно случайно — на чердаке одного из домов захаровским краеведом Дмитрием Потудиным. В своих записях Потудин указывает на этот дуб: Арина Родионовна в Захарове выдала замуж свою дочку в дом Никитиных, который стоял на другом берегу пруда, напротив дуба. На скамейке у дуба Арина Родионовна часто проводила

время со своим неугомонным воспитанником Сашей, пленяя его воображение увлекательными сказками. В 1813 году, в стихотворении «Я сам не рад болтливости своей», Пушкин погружает читателя в воспоминания, словно в чудесный сон, навеянный сказаниями няни и бабушки:

Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! Умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнись, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

Свою любящую бабушку он назвал мамушкой. Впервые он оттаял душой здесь, в Захарове, с бабушкой, и впервые детские воспоминания приятны ему.

В 1816 году в стихотворении «К Дельвигу» Пушкин с поэтическим благоговением пишет о своем детстве, которое представляется ему счастливым и прекрасным:

В младенчестве моем я чувствовать умел,
Всё жизнью вокруг меня дышало,
Всё резвый ум обворожало,
И первую черту я быстро пролетел.

И это всё он пишет о Захарове, первом поместье в его жизни.

Приезд в Захарово ознаменовался настоящим праздником. Глаза разбегались от разнообразия увлекательных забав, каждая из которых манила своей неповторимостью. Дети с азартом предавались старинным русским развлечениям: то дружно выстраивались для игры в лапту, то брались за свайку, то увлеченно мерились силами в «калечине-малечине». А как же обойтись без задорных горелок, от которых замирало сердце и кружилась голова от восторга! И как тут не вспомнить горелки в «Барышне-крестьянке». Интересен еще один момент в этом

произведении, где Настя рассказывает о посещении усадьбы Берестовых: «Вот пришли мы к самому обеду. Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...» Опять зазвучали родные, знакомые с самого детства названия деревень! А ведь «Барышня-крестянка» была написана в 1830 году. Вот она — ностальгия по местам детства.

Однако идиллическая картина жизни в Захарове омрачается трагическими событиями. Именно здесь Александру суждено было столкнуться с первым в жизни великим горем — смертью младшего брата. Николенька внезапно заболел и умер. В автобиографии Пушкин признавался, что смерть брата стала одним из самых тяжелых переживаний его детства. Впечатление было настолько сильным, что Пушкин выразил желание быть похороненным именно здесь, в березовой роще Захарова. Он говорил об этом повару своей бабушки, к которому был особенно привязан, — вероятно, потому, что этот повар был человек словоохотливый и бойкий.

Есть еще один любопытный факт, известный благодаря исследователям Н. Можаяевой и В. Цоффке. На полях рукописи «Евгения Онегина» есть рисунок, на котором изображен храм, звонница и надгробие с крестом. Скорее всего, это храм Преображения Господня в Вяземах. Почему именно он, а не другая церковь? А потому что слева от него его верная спутница, уникальная старинная звонница псковского типа. И рядом с нею могила Николеньки. Судя по дате, оставленной поэтом в тетради, рисунок совпадает с двадцатой годовщиной смерти Николеньки.

В 1823 году А.С. Пушкин начал работу над «Евгением Онегиным», где в деревенских главах романа угадываются похожие окрестности Захарова и Вязем:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою.

В следующей строфе достаточно точно описывается вяземский дворец:

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен

Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.

Архитектура дворца в Вяземах — это прекрасный образец замкового стиля. Внутреннее убранство поражает своим великолепием: стены украшены штофными обоями, на стенах красуются портреты царей, а тепло поддерживают изразцовые печи. Всё это богатство можно увидеть в стенах вяземского дворца.

Примечательно, что дорога, по которой Татьяна следует в усадьбу Онегина, удивительным образом перекликается с реальной тропой, ведущей из Захарова в Вяземы. С этого исторического пути открывался прекрасный вид на усадебный дворец.

В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.

В эпоху Пушкина существовало множество усадеб, похожих друг на друга. Но особое значение для творчества поэта имели его детские воспоминания, на которые он опирался, создавая деревенские главы «Евгения Онегина» во время пребывания в Одессе. В то время Михайловское, хоть и играло важную роль в судьбе Пушкина, еще не стало для него по-настоящему родным местом. Иное дело — Захарово, где сформировались яркие впечатления о деревенской жизни. Вероятно, именно захаровские пейзажи стали главным источником вдохновения при написании сельских сцен знаменитого романа.

Продолжая говорить о романе, стоит обратить внимание на князя Бориса Владимировича Голицына, владельца вяземской усадьбы, на его сходство с героем романа Владимиром Ленским:

Он из Германии туманной
Привез учености плоды:

Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

Не обошел своим вниманием Пушкин и его брата, Дмитрия Голицына. На основании некоторых источников можно выдвинуть гипотезу, что таинственный князь N, супруг Татьяны Лариной, — не кто иной, как Дмитрий Владимирович Голицын, светлейший князь, генерал от кавалерии, флигель-адъютант, генерал-губернатор Москвы. Интересная деталь всплывает благодаря П.А. Вяземскому. Он присутствовал при разговоре поэта с княгиней Прасковьей Андреевной Голицыной. Княгиня просила помочь устроить судьбу Татьяны наилучшим образом, на что Пушкин уверенно ответил: «Будьте покойны, княгиня, выдам ее замуж за генерал-адъютанта». Черновые варианты произведения содержат упоминание о генерале с ранней сединой, другие характеристики — тучность, боевой опыт, ранения — полностью соответствуют личности Д.В. Голицына, что делает его идеальным прототипом для пушкинского «важного генерала».

Дмитрий Владимирович был женат на Татьяне Васильчиковой, которую его матушка Наталья Петровна Голицына приняла неохотно. Так и у Татьяны Лариной был неравный брак. Сама же Наталья Петровна оживает на страницах другого произведения Пушкина — в «Пиковой даме». Повесть вышла в свет в 1834 году, и тогда же Пушкин делает запись в дневнике: «Моя пиковая дама в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли большое сходство между старой графиней и княгиней Н.П., и, кажется, не сердятся».

Работая в 1825 году над драмой «Борис Годунов», Пушкин вновь обратился к детским воспоминаниям. С юных лет поэт хорошо знал церковь во имя Животворящей Троицы, построенную по распоряжению самого Годунова. Стены древнего храма хранят бесценные свидетельства минувших эпох — сотни полустертых граффити XVII века. Среди этих автографов можно найти подписи поляков, литовцев и казаков. Эти исторические надписи, размещенные на стенах, колоннах и даже в алтарной части, представляют собой уникальный источник, позволяющий услышать голоса далекого прошлого.

В своем произведении Пушкин мастерски использовал знакомые с детства топонимы. Особенно ярко это проявляется в сцене «Корчма

на литовской границе», где хозяйка корчмы, давая указания Григорию Отрепьеву о том, как незаметно пересечь границу, подробно описывает маршрут: «Вот хоть отсюда свороти влево, да бором иди по тропинке до часовни, что на Чеканском ручью, а там прямо через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тут уж всякий мальчишка доведет до Луевых гор». Таким образом, личные воспоминания поэта органично вплелись в ткань исторического повествования, придав ему особую достоверность и глубину.

Вспомним, что чуть далее по Старой Смоленской дороге расположился древнейший Звенигород и Саввино-Сторожевский монастырь:

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

Эти строки посвящены Саввино-Сторожевской обители, которую почитал и посещал Пушкин еще до отъезда в лицей, и спустя много лет он обратился к житию преподобного Саввы, стал его первым переводчиком на русский язык.

В 1830 году Пушкин совершает свое «сентиментальное путешествие» в Захарово. В письме к дочери Ольге от 22 июля 1830 года Надежда Осиповна напишет: «Вообрази, он совершил этим летом сентиментальное путешествие в Захарово». Возможно, одной из причин этой поездки была задумка Пушкина написать цикл исторических трагедий.

Пушкина встречает Марьюшка, дочь Арины Родионовны. Встреча была действительно очень теплой и трогательной. Пока Марья готовила ему яшенику, он отправился гулять по усадьбе. Долго стоял у дуба, вспоминая здешнее детство. Бродил по сохранившимся аллеям парка в березовой роще, а когда вернулся обратно, был грустен и печален. Настроение его можно понять по рассказу Марьи: «Всё наше решилось, говорит, Марья; всё заросло». Эта печаль, тоска по прошлому зазвучит в монологе князя в «Русалке»:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул...

Похожее лирическое ностальгическое настроение почувствуется в последующих произведениях. Например, в «Истории села Горюхина»: горюхинский дом, описания имения, соседние деревни Дериухово и Перкухово, в черновике Перхушково — всё это следы реального сельца Захарово: «Страна, по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 240 десятин. К северу граничит она с деревнями Дериуховом и Перкуховом, коего обитатели бедны, тощи и малорослы. К западу облегают ее цветущие поля захарьинские, благоденствующие под властью мудрых и просвещенных помещиков».

Далее как раз идет описание, очень автобиографичное, поразительно напоминающее его приезд в Захарово: «Я был тронут до глубины сердца, увидя знакомые и незнакомые лица — и дружески со всеми ими цалуюсь: мои потешные мальчишки были уже мужиками, а сидевшие некогда на полу для посылок девчонки замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинам говорил я без церемонии: «Как ты постарела» — и мне отвечали с чувством «Как вы-то, батюшка, подурнели». Повели меня на заднее крыльцо, на встречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея».

В 1832 году Пушкин создает «Дубровского», и приезд Владимира Дубровского в Кистеневку также напоминает поездку в Захарово: «Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу, и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем забилося; перед собою видел он Кистеневку и бедный дом своего отца».

В «Дубровском» Пушкин еще и топографически точно описывает дорогу из Захарова в имение Голицыных в Вяземах: «Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы».

В письме к Павлу Нащокину Пушкин поделился глубокими размышлениями о жизни: «Говорят, что несчастье — хорошая школа; мо-

жет быть. Но счастье — лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному!»

Эти слова приобретают особое значение, если вспомнить, что именно в переломный момент своей жизни поэт решил посетить места, где впервые познал истинное счастье. Захарово и Вяземы стали для него не просто родными усадьбами — они превратились в те самые «лучшие университеты», где формировалась его душа, где рождалось его творческое начало.

Можно с уверенностью сказать, что Захарово и Вяземы сыграли ключевую роль не только в формировании личности Пушкина, но и в становлении его как великого русского поэта. Именно здесь, в этих местах, где счастье стало его верным наставником, родился тот уникальный талант, который восхищает нас и по сей день.

Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец...

Родившаяся в мае 1832 года первая дочь Пушкина была названа в память прабабки Марией. А в 2005 году в усадьбе Захарово появился чудесный памятник маленькому Пушкину и Марии Ганнибал. Старушка на постаменте рукой придерживает прижавшегося к ней мальчугана. Этот нежный жест — воплощение настоящей любви и доверия. Такими и были они — отношения бабушки и внука.

Литература

Аринштейн Л.М. Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 177–191 / Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор: сайт [Электронный ресурс: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ise/ise-177-.htm>].

Гладилин М.С. Вяземы и Захарово в творчестве А.С. Пушкина // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Ч. 3. Большие Вяземы, 1997. С. 16–19.

Доминяк А.В. Усадьбы в Больших Вяземах и Захарово. К вопросу о пространственно-планировочной структуре. Большие Вяземы, 1995. С. 5–8.

Егорова Е.Н. Пушкинские усадьбы и парки в стихах русских поэтов конца XVIII — начала XIX века // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 3. 2001. С. 43–58.

Егорова Е.Н. Детства милые виденья в творчестве Пушкина // Проза.ру: сайт [Электронный ресурс: <https://proza.ru/2012/03/29/172>].

Козмин В.Ю. Михайловское: возвращение в Захарово // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 2002.

Можяева Н., Цоффка В. Загадочный рисунок Пушкина.

Новиков В.И. Усадьба Вяземы и окрестности. М., 2014.

Панфилов Д.Г. За кого А.С. Пушкин «выдал» замуж свою Татьяну? // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 1999. С. 59–66.

Панфилов Д.Г. Два источника народности в творчестве А.С. Пушкина // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 2002. С. 293–302.

Соловей Н.Я. Мотивы захаровского детства Пушкина в «Евгении Онегине» // Пушкинское Захарово: сборник работ о Пушкине. М., 1999. С. 136–145.

Соловей Н.Я. «Мое Захарово» и Большие Вяземы в творчестве Пушкина // Хозяева и гости усадьбы Вяземы. Большие Вяземы, 1995. С. 116–122.

Эрде А. Захарово. Когда Пушкин был маленький, с кудрявой головой // Самиздат: сайт [Электронный ресурс: https://samlib.ru/e/erde_a_/zacharovo.shtml].

В РУНОВО К НАДЕЖДЕ ОСИПОВНЕ С ДРУЗЬЯМИ И ЦВЕТАМИ

Задавая порой вопрос людям разным, но в целом достаточно образованным, о родственной связи Пушкина с Ганнибалами, можно получить в лучшем случае такой ответ: эту фамилию носил его знаменитый прадед. Иногда речь заходит о деде, при этом — простительная путаница в поколениях — опять-таки чаще имеется в виду Абрам Петрович. Но когда им сообщается, что фамилию Ганнибал в девичестве имела матушка Александра Сергеевича, сей факт вызывает удивление и оторопь. Ведь это позволяет допустить, что при определенных обстоятельствах поэт мог сам быть Ганнибалом. На этом разговор обычно заканчивался, так как это уже был перебор... Наше всё — это Пушкин.

А между тем, летом (2 июля) 2025 года мы отмечали юбилей Надежды Осиповны Пушкиной (Ганнибал) — 250 лет со дня рождения. И всё детство «прекрасной креолки» и ее юность, вплоть до замужества, связаны с местами, где сначала «в мае 1759 года А.П. Ганнибал приобрел Суйду, село Воскресенское, деревни Мельница и Пижма у потомков графа Петра Матвеевича Апраксина»¹, а немного позднее «купил у камер-фурьера Д.А. Симонова соседние с Суйдой земли». Вероятно, в эти значительные по размерам ингерманландские территории включались и те ее части, где уже давно существовала «пустошь Коприна», а в ее пределах новым хозяином создавалась мыза Руново. В других источниках началом владения этими землями Абрамом Ганнибалом указывается 1762 год. Именно с этого времени генерал-аншеф, тогда совсем недавно отлученный от государственной работы, стал постоянно жить в Суйде и все силы направил на освоение нового и интересного пространства. Тогда же, надо полагать, на мызе Руново начали возводить деревянный усадебный дом, который до нашего времени не сохранился. Однако хозяева построенного 125 лет спустя, после пожара 1887 года, здания, создавая на старом фундаменте нечто новое, постарались воспроизвести внешние черты и образ того, ганнибаловского дома. Будем думать, что так всё и было, и нашему воображению дано правильное и наиболее

¹ *Лурье Ф.М.* Абрам Ганнибал. Африканский прадед русского гения. СПб., 2012. С. 307.

Бывший усадебный дом в Рунове. Фото 1959 года

вероятное основание для представлений картин прошлого. Хотя появившиеся тогда же флигели дома юная Надежда видеть не могла.

Если Кобрино, читаем в Википедии, впервые упоминается в Писцовой книге Водской пятины 1500 года как село Коприно в Никольском Суйдовском погосте Копорского уезда, а после заключения Столбовского мирного договора 1617 года в шведских Писцовых книгах Ижорской земли 1618–1623 годов значится как пустошь *Koprino Ödhe* в Суйдовском погосте, то название деревни Руново появляется в документах только в 1838 году. Принадлежало Руново тогда некоей чиновнице 9-го класса Ридигеровой, а жителей по ревизии значилось 32 души мужского пола и 14 душ женского пола. Приблизительно столько же их там числится в наше время. Но надо сразу пояснить: название Руново относится ныне собственно к деревне, но такое же имя сохраняется за исторической усадьбой (мызой), которая расположена в километре от этой деревни, на берегу Кобринского разлива, и уже давно, находясь в административных границах поселка Кобрино, часто называется усадьбой Кобрино.

Этимология слова «Руново» нам неизвестна, а в отношении Кобрина, а точнее слова «копра», нам предлагается старославянское его понимание — «затаенное место» вместе с объяснением: «Ибо места эти издавна славилась огромными хвойными лесами и торфяными болотами». Надо сказать, не самая привлекательная характеристика ландшафта для создания там усадеб и дач, но она вполне справедлива: в поселке

Схема расположения части ганнибаловских мест Гатчинского района

Еловая аллея в начале деревни Руново. 3 августа 2025 года. Фото автора

Кобрино давно существует торфопредприятие, а если посмотреть на сохранившиеся леса, то среди них действительно преобладают еловые чащи, в которых деревья выглядят мощными богатырями, достигая высоты 30 м и более. Любят высаживать ели вдоль оград своих дач и местные обитатели современной деревни Руново, создавая плотные темно-зеленые живые изгороди. При этом на определенном этапе роста деревья обрезаются. А уж каких красавцев можно видеть вдоль дороги, ведущей к деревне от станции Карташевская!

Мой товарищ, Геннадий Иванович Новиков (1947–2021), специалист в области физиологии зрения и настоящий эрудит в отношении архитектуры и истории Петербурга, а также «немного художник»², постоянно вспоминал свои детские летние каникулы, которые он проводил с родителями в ближайшем к Кобрину поселке Сиверская, знаменитом своими летними жителями из числа состоятельных петербуржцев и творческой интеллигенции. Оказалось, что у него и по сей день было там много интересных знакомых — по причине его активной позиции и включенности в общественные дела района. В свое время он, ностальгируя в том числе по местным образам природы, приобрел в Кобрине, почти на берегу реки Кобринки, садовый участок и несколько лет жил там в теплое время года в небольшом вагончике, разделяя эту жилплощадь с дровами, любимыми инструментами и книгами и пытаясь освоить эту крохотную территорию. И первый раз именно он провел для меня экскурсию по поселку, кладбищу и той самой ганнибаловской усадьбе. Тогда еще можно было войти в полуразрушенный дом. Потом мы еще не раз гуляли по историческим местам, иногда доходя то до станции Карташевская, а то и до Прибыткова, периодически заглядывая в Дом няни Пушкина, где заведующей музеем была наша хорошая знакомая Наталья Александровна Ключина.

Но моему другу было мало пушкинской ауры этих мест и своих воспоминаний, и мы оба, как биологи, часто говорили о состоянии окружающей нас природы, чем-то восхищаясь, чем-то возмущаясь. А тут появился инициативный проект создания на обширной территории (более 150 тысяч га) природно-исторического парка «Верхний Оредеж». Был он предложен замечательным краеведом, заведующим Набоковского музея в Рождествено А.А. Семочкиным и предполагал защиту и охрану

² О выставке его картин, которая состоялась в Сиверской в музее «Дачная столица», см.: *Покровская М.* Любви счастливые моменты (о выставке картин Г.И. Новикова) // Гатчинская правда. 11.01.2014 (№ 2). С. 4.

еловых лесов, рек и ручьев, а также множества существующих здесь культурных объектов, включая и усадьбу Руново. Тут уж Г.И. Новиков взялся за продвижение столь замечательной идеи, что называется, по полной. Была создана группа активистов, и на волне проведения Года экологии (в 2017 году) и при поддержке депутатов казалось, что дело сдвинется с места. Увы и ах! Девяностые годы формально остались в прошлом, но «ценности» того времени и способы их отстаивания чиновниками и «решалами» во многом сохранялись. И дача Г.И. Новикова в Кобрине, подобно дому в усадьбе Руново, также горела (поджигалась) три раза.

В том же 2017 году обозреватель отдела культуры газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Сергей Глезеров с грустью вспоминал еще об одном похороненном проекте. Появился тот в 2008 году и предполагал создание в Гатчинском районе Ленинградской области мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника с названием «На земле предков А.С. Пушкина»³. В заповедник предполагалось включить, как писали в документах, «Суйдовское имение прадеда Пушкина — Абрама Ганнибала, Руновскую мызу, где жила мать поэта, Надежда Осиповна, село Воскресенское, где родилась няня Пушкина Арина Родионовна, а также почтовую станцию в деревне Выра». В статье отмечалось, в частности, печальное состояние мызы Руново, несмотря на то, что она с 2015 года (впрочем, сведения об этом разнятся) числилась памятником федерального значения. К юбилею Пушкина всколыхнулась новая волна писем в защиту, появились обещания губернатора, зачастили гости из Минкультуры. И опять тишина... А ведь идея шла еще из 1980-х, от Д.С. Лихачева, который, считая псковское Михайловское наглядным доказательством привлекательности пушкинских мест, полагал, что в Суйде и окрестностях сохранилось больше пушкинского, чем в заповеданном Михайловском, и здесь может сформироваться новый культурный центр.

Продолжая борьбу за Пушкина в Кобринских лесах, Г.И. Новиков в 2012 году решил на время отвлечься от этих и иных своих проблем и заодно освежить свои детские впечатления от псковского Михайловского. Так он стал моим попутчиком в поездке на очередную августовскую конференцию в Пушкинский Заповедник. Поселился он на втором

³ См.: *Глезеров С.* Ганнибалы и картошка // Санкт-Петербургские ведомости. Наследие. 4.07.2017.

Г.И. Новиков выступает на конференции «Михайловские Пушкинские чтения» в августе 2013 года. Архив Пушкинского Заповедника

этаже гостевого дома в Петровском. Несколько лет спустя в альманахе «Псковский букет» были опубликованы его размышления «Взгляд из окна на озеро Кучане в августе 2012 года»⁴. Годом раньше там же была напечатана его статья «Псковичи Модзалевские»⁵. По накатанной дорожке поехали мы с ним в Пушкинские Горы и в следующем году.

И там он уже с трибуны, как сейчас говорят, «озвучил» любимую им идею о том, что А.С. Пушкин пусть и не родился в усадьбе Руново (а мог бы!), но был там зачат. Кто первым провел расчеты, нам не известно, но постоянно об этом говорил и продолжает это делать известный гатчинский краевед и историк Андрей Бурлаков. Действительно, с большой вероятностью Надежда Осиповна и Сергей Львович в конце августа — начале сентября 1798 года находились в своем имении в Кобрине. В Москву беременная женщина отправилась за мужем, который недавно вышел в отставку с военной должности в Измайловском полку

⁴ Новиков Г. Взгляд из окна на озеро Кучане в августе 2012 года // Псковский букет. Вып. 45. Псковичи в Петербурге. СПб., 2020. С. 49–54.

⁵ Новиков Г. Псковичи Модзалевские // Псковский букет. Вып. 43. Псковичи в Петербурге. СПб., 2019. С. 26–39.

Перед фасадом усадебного дома в Руново. 7 мая 2022 года. Фото автора

и собирался далее служить по гражданской части, только зимой, а в конце мая 1799 года у нее там родился сын. Версию эту, насколько нам известно, никто не оспаривал. Но многолетнее ханжество наших деятелей культуры и исторической науки в этом вопросе сослужило плохую службу, ведь сама вероятность этого события, будучи на слуху, в том числе в кругу чиновников, могла бы защитить это важное и даже сакральное место от того полного разрушения, которое мы видим сейчас. Восхищаясь неизбывной энергией самовосстановления естественной растительности на этом израненном месте, мы не можем одновременно не поражаться безразличию людей к сохранению памяти о славном прошлом.

Инициатором другой прогулки к Надежде Осиповне в Руново был я сам, выступая в качестве экскурсовода, а гостем — мой товарищ из Сибири, историк Виктор Иванович Гохнадель. Родившийся еще в поселении Ивдельлаг, он последние десятилетия своей жизни посвятил изучению истории российских немцев, опубликовав тома материалов

*В.И. Гохнадель у остатков погибшего усадебного дома в Рунове.
7 мая 2022 года. Фото автора*

энциклопедического характера, где представлен огромный пласт имен и достижений русских ученых, деятелей культуры, полководцев немецкого происхождения.

Проходя 7 мая 2022 года через еще светлый весенний лес к остаткам сгоревшего в очередной раз (в августе 2018 года), и уже окончательно, усадебного дома, мы увидели на одном из его фрагментов две надписи: «Опасная зона» и «Охраняется государством». Кого в данном случае надо опасаться, там написано не было.

Спрятавшись затем от начавшегося дождя в каком-то подсобном и тоже разрушенном здании, мы оскоромились, приняв по стопке специально купленной для этого случая водки «Петровский регламент. 1716» и помянув Надежду Осиповну. В завязавшемся разговоре я спросил его, как бы в шутку, а почему он не включил в свою энциклопедию генерала Ивана Абрамовича Ганнибала, ведь у того нет русских корней, а происхождение матери определено, по критериям самого автора, немецкое (прибалтийское или скандинавское). Он согласился, и уже в первом

томе сводки «Имена российских немцев на карте мира»⁶ в главе «Государственные деятели» появилась соответствующая статья. Подобная публикация о героической личности и многолетнем жителе Суйды планируется в издании «Немцы в российской армии и флоте».

Потом мы спустились в парковую часть усадьбы к реке. Как полагает автор нескольких публикаций об этих исторических местах Дмитрий Вернидуб, «хотя А.П. Ганнибал владел усадьбой во второй половине XVIII века, но окончательно усадебно-парковый ансамбль сложился в первой четверти XIX века»⁷. Действительно, оформление пространства скорее всего приходится на время бытования здесь с 1809 года известного мореплавателя Ю.Ф. Лисянского (1773–1837), когда он вышел в отставку и женился на хозяйке имения Ш.К. Жандр. По информации из открытых источников, «поместье приносило доход, а также сдавалось как дача на летние месяцы, причем потенциальных съемщиков привлекали зеленью, молочными продуктами, возможностью пасти лошадей. В 1841 году в имении числилось 750 десятин земли, строевой и дровяной лес, крепостных крестьян было: 52 души мужского и 58 душ женского пола». Рабочие руки были, а в головах хозяев существовали садовые идеи. В результате, пишет Вернидуб, «в Кобринской усадьбе был создан пейзажный парк английского типа: «В сих садах всё разбросано — инде лесок, кустарник, инде лужок». Лес был вычищен и прорежен. В нем проложили извивающиеся дорожки, имитирующие лесные тропинки. Особое очарование парку придавало его расположение на склонах двух пологих холмов, между которыми протекает речка Кобринка. Во времена, когда усадьбой владела Наталья Тимофеевна Карташевская (с 1842 года), речку перегородили плотиной для создания искусственного пруда, который добавил уютную ноту в окружающий пейзаж». Представить структуру старого парка сейчас уже невозможно, но сюда еще хотя бы не залезли агрессивные дачники. Наиболее амбициозные из них строят современные загородные дворцы на противоположной стороне реки Кобринки.

Когда-то, а точнее в 1949 и 1950 годах, мои родители снимали дачу (у мамы был длительный учительский отпуск) в Прибыткове. Это посе-

⁶ См.: *Гохнадель В.И.* Имена российских немцев на карте мира [Russlanddeutsche Namen auf der Weltlandkarte]. Омск, 2024. Т. 1. С. 239–240.

⁷ См.: *Вернидуб Д.* Кобринно. Мыза Руново [Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20211016191552/http://sotok.net/kraevedenie/42-kobrinno.html>].

*Нижняя часть парка усадьбы Руново у реки.
7 мая 2022 года. Фото автора*

лок и железнодорожная станция в ближнем окружении Кобрина. В магазинах тогда покупали только хлеб, ничего другого на полках просто не было. Но и за этим немногим мы стояли в долгих очередях (продуктовые карточки были уже отменены). Часто ходили в лес по ягоды. Не исключая, что мы совершали длительные прогулки (мама любила ходить) и добирались до деревни Руново. А последний раз у останков дома Надежды Осиповны я побывал недавно, 3 августа 2025 года, в хорошую солнечную погоду. Сам путь от железнодорожной станции Карташевская через тихую дачную деревню Руново приятен и раздумчив. На обочине, среди сорных растений ярко и обильно цвела малиновыми огоньками герань болотная. Поражало обилие шишек на елках. А сама усадьба продолжает зарастать с трех сторон сгоревшего дома разными древесными породами — кленами, ясенями, липами, елями, ивой козьей, рябиной, осиной и березой, под их пологом — снытью. На поле же перед его условным фасадом всё расширяется кустарниковое

*Заросли кустарников при входе в усадьбу со стороны улицы Пушкина.
3 августа 2025 года. Фото автора*

пятно из рябинника рябинолистного и спиреи иволистной (ее гибридных форм) с шиповником морщинистым. А ведь еще в середине прошлого века в этом пространстве был розарий и цветочные клумбы.

Отдавая дань памяти матери Пушкина, хочется перейти с негативных тонов повествования к положительным сюжетам существования усадьбы Руново — ведь это прежде всего, как оказалось, женская и в целом красивая история.

Мыза практически никогда не была владением отца Надежды, Осипа Абрамовича Ганнибала. Он уехал отсюда через год после рождения дочери и больше никогда не возвращался. Именно с этой историей фактического развода родителей Надежды Осиповны, вероятно, связано написанное Абрамом Петровичем 13 июля 1776 года завещание, в котором его детям было позволено вступать во владения именем только после смерти «патриарха семьи» и его супруги. Но тогда они оба еще были живы и умерли только в 1781 году, почти одновременно, когда внучке было 6 лет. Здесь, в Рунове, с самого начала она жила со своей мамой, Марией Алексеевной Ганнибал, знаменитой бабушкой Пушкина. Законной владелицей имения Надя стала согласно специальному указу Екатерины II в 1784 году, и уже при вступлении в брак с Сергеем Львовичем в 1796 году усадьба представлялась в качестве ее приданого. Сюда была взята из деревни Воскресенское няня Арина Родионовна, но изначально не для семьи Надежды Осиповны, а для одного из детей брата Марии Алексеевны, проживавшего там же в Рунове. Немного позже еще молодая женщина нянчила Ольгу, старшую сестру А.С. Пушкина, родившуюся в 1797 году. Считается, что и сам будущий поэт в младенческом возрасте побывал в Рунове в 1801 году, уже после продажи усадьбы, привезенный матерью из Москвы. Последний ее приезд на свою родину был обусловлен, вероятно, прощанием со старшим своим дядей Иваном Абрамовичем, которому она была очень обязана. Проживал он то в Суйде, то в Петербурге и почил 24 октября 1801 года⁸.

Следующей хозяйкой усадьбы, с 1801 года, стала Шарлотта Карловна Жандр (?–1831), урожденная баронесса Брюнелд. Тихая спокойная женщина, оставшаяся с сыном после скоропостижной смерти мужа, она познакомилась с вернувшимся в 1806 году из первой русской

⁸ См.: *Грановская Н.И.* Последние дни в Суйде // Если ехать вам случится... Очерк-путеводитель. Л., 1989. С. 156–179.

кругосветки мореплавателем Ю.Ф. Лисянским и полюбила его. У супругов появилось пятеро своих детей. Юрий Федорович в Рунове имел свой кабинет, где он, будучи в отставке и на пенсии, писал воспоминания. Юридической владелицей имения после кончины матери в 1831 году стала ее дочь, Мария Лисянская, в замужестве Рубини.

В 1842 году на усадьбе появилась новая владелица, Надежда Тимофеевна Карташевская (1793–1878), младшая сестра писателя С.Т. Аксакова, в то время уже дважды вдова, мать десятирех детей. Описывая сестру под именем Наташа в своих воспоминаниях, Сергей Тимофеевич рассказал и о том, что она была нелюбимой дочерью матери и очень переживала по этому поводу. С длительным «карташевским» периодом истории усадьбы связана активная культурная жизнь в доме с частыми и многочисленными гостями, среди которых были Т.Г. Шевченко, И.С. Тургенев, Н.А. Римский-Корсаков и многие другие известные личности. Брат хозяйки, который частенько навещался сюда, в письмах к сыну называл это место «прелестным финским уголком», отмечая, что это было большое и красивое поместье, которое занимало более восьмисот десятин земли и где были парк, пруд и оранжерея. Именно по его приглашению в 1848 или 1849 году усадьбу посетил Н.В. Гоголь.

В канун 1870 года Надежда Тимофеевна сообщала свой родственнице, что «они собрали всех близких, и сидело их за столом 27 человек», а та писала по этому поводу кому-то из знакомых: «Конечно, это явное Благословение Божие, которое она заслужила!»⁹ Именем Карташевской в 1857 году названа ближайшая к усадьбе станция на Петербурго-Варшавской железной дороге. Именно тогда открылся после долгого перерыва в строительстве, обусловленного Крымской войной, новый ее участок Гатчина — Луга. «При Карташевской Кобринно славилось молочной фермой, в которой насчитывалось двести восемьдесят племенных коров, вывезенных из Голландии. Впоследствии эта молочная ферма стала образцом для организации молочных ферм соседей — Витгенштейна, Гейкина, Фоминой и Фредерикса. Н.Т. Карташевская одной из первых после указа императора Александра II об отмене крепостного права по уставной грамоте от 30 мая

⁹ *Кудашева Н.* К 230-летию Н.Т. Карташевской // Надежда Кудашева: социальная сеть Одноклассники. Публ. 13.09.2023 [Электронный ресурс: <https://ok.ru/profile/523107879103/statuses/155567859365311>].

1862 года предоставила свободу кобринским крестьянам»¹⁰. Случившийся в 1887 году пожар стал косвенной причиной смерти владелицы на 94-м году жизни, и имение унаследовали незамужние дочери Н.Т. Карташевой: Мария (1818–1906), Юлия (1823–1895) и Надежда (умерла в 1890), жена сенатора А.Н. Марковича (1830–1907). Как пишет тот же А.Ф. Векслер, «состоятельным владельцам ничего не стоило заказать новый проект, соответствующий моде и вкусам конца XIX века, но они, прекрасно понимая историческое значение Кобринской усадь-

*Ксавье де Местр.
Н.О. Пушкина (Ганнибал).
Миниатюра*

бы, восстановили дом в первозданном виде времен А.П. Ганнибала». Бурная культурная жизнь в новом доме продолжалась, и сюда часто наведывались музыканты А.Г. Рубинштейн и А.К. Глазунов, подолгу жила А.К. Лядов. Друзьями хозяев были этнограф Н.И. Надеждин и скульптор М.О. Микешин. Со временем часть дома стали сдавать дачникам, среди которых в 1905 году оказались Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Владели усадьбой и сохраняли ее родственники Марковича до 1917 года. По словам А.Ф. Векслера, «еще в 1961 году жители ближайших дач могли через большой заросший пруд любоваться двухэтажным барским домом с бельведером», в котором располагалась тогда областная туберкулезная больница.

Сохраняя надежду на восстановление памяти Надежды Осиповны Ганнибал в судьбоносном для нее месте, приводим фотографию (к сожалению, не оригинальную) растения, которое, как считается,

¹⁰ Векслер А.Ф. Усадьба Карташевых в Кобрине. Приложение / Архитектурная доминанта Московского проспекта // Фонтанка: культурно-исторический альманах. 2011. № 10. С. 23–33.

Бруннера крупнолистная (Brunnera macrophylla)

появилось в садовой культуре России в конце XVIII — начале XIX века. Оно сохраняется с давнего времени в запущенном ныне парке усадьбы Руново, и названия растения и усадьбы созвучны — Бруннера крупнолистная. Это голубоглазое весеннецветущее растение может стать подарком матери отечественного гения и просто красивой женщине в юбилейный для нее год, а также определенным знаком, если не символом этого замечательного места.

**ПОТОМОК ГАННИБАЛОВ —
ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ КОРОТОВ (1908—1982).
ИЗ БИОГРАФИИ**

Сергей Яковлевич Коротов родился 17 августа 1908 года в городе Опочке Псковской губернии. Его отец — Яков Владимирович Коротов (1879—1935) служил артиллерийским чиновником (пиротехником), в 1915 году в крепости Новогеоргиевск был взят в германский плен, в котором пробыл до 1918 года. После возвращения из плена служил инструктором кооперации, а затем в Красной армии заведующим хозяйством и оружием полка. После демобилизации из Красной армии служил в различных кооперативных учреждениях счетоводом. Умер в 1935 году в городе Ржеве от туберкулеза.

Мать Сергея Яковлевича — София Александровна Коротова (1875—1965), урожденная Селюгина, во время Первой мировой войны и после революции работала учительницей и по домашнему воспитанию. Впоследствии жила в Москве со своей дочерью Ксенией (1906—1980), которая работала в сфере диетического питания.

В 1925 году С.Я. Коротов в Опочке окончил школу II ступени. После окончания школы добывал средства к существованию репетиторством, а осенью 1926 года начал работать в Москве чернорабочим в ремстройотделе Мосздравотдела, а потом в 1928 году в городе Ржеве в Тверстройконторе. В 1928 году поступил учиться по конкурсному экзамену в Ленинградский лесной институт на лесотехнический факультет, химическое отделение. Окончил академию осенью 1932 года, но еще до ее окончания начал заниматься исследовательской работой в лаборатории профессора В.Н. Крестинского. 1 сентября 1932 года поступил научным сотрудником в Ленинградский научно-исследовательский лесотехнический институт. Работал в области экстракции смолистых и эфирных веществ. В первые три года принял участие в разработке изомеризационного способа синтеза камфары из скипидара под общим руководством В.Е. Тищенко. Под руководством С.Я. Коротова были спроектированы, построены и опробованы со снятием всех нужных коэффициентов две опытные установки — камеральная и полужаводская. Как автор

технологической части процесса принял участие в проектировании и пуске Киевского лесотехнического завода в 1938 году¹.

22 ноября 1935 года Государственной квалификационной комиссией Наркомлеса СССР ему было присвоено звание научного сотрудника.

С 1938 по 1940 год проходил службу в армии. Первоначально как красноармеец-одногодичник, а во время Советско-финской войны был начальником отдела хранения боеприпасов Главного артиллерийского склада².

С 1 января 1941 года работал в научно-исследовательском секторе Лесотехнической академии. В начале марта 1941 года был вызван в Москву для работы в Леспромхим и награжден Правительством Сталинской премией II степени за участие в изобретении изомеризационного способа получения камфары из скипидара. В июле 1941 года назначен директором Центрального научно-исследовательского лесохимического института Министерства лесной промышленности СССР. На этой должности указом президиума Верховного Совета от 17.02.1942г. был награжден орденом «Знак Почета» за большую проведенную работу по организации и обеспечению производства бутылок с зажигательной смесью силами работников института под его руководством³. Среди его наград также есть медали: «За оборону Москвы» (1944) и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941–1945 годах» (1946).

В 1944 году был в заграничной командировке в США для ознакомления с американской лесохимической промышленностью.

1 июля 1947 года публично защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук в ученом совете Лесотехнической академии имени С.М. Кирова на тему «Разработка технологии изомеризационного способа получения камфары из скипидара». В 1948 году Высшей аттестационной комиссией утвержден в ученой степени доктора технических наук. С 1 января 1949 года в должности заместителя директора по научной части, а с 1 июля 1949 года ученым

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-6397. Оп. 2. Д. 1404. Коротов Сергей Яковлевич, доктор технических наук. 29.12.1946–1.07.1947.

² ЦГА СПб. Ф. Р-6397. Оп. 2. Д. 1810. Коротов Сергей Яковлевич. 13.07.1949–28.04.1950.

³ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682524. Д. 543. Л. 414–415 об. Наградной лист на С.Я. Коротова. 1942 год.

*В центре сидит С.Я. Коротов, вероятно, среди родственников.
Даты фото нет. Фото из фондов Опочецкого краеведческого музея*

советом Академии избирается на должность доцента кафедры лесотехнических производств Лесотехнической академии.

В 1950 году был репрессирован со всем руководством Академии по «Ленинградскому делу», выслан в город Архангельск, где до 1954 года работал заведующим кафедрой лесохимических производств — вел курс процессов и аппаратов химической технологии. После реабилитации возвратился в Ленинград и работал до 1960 года заместителем директора по учебной и научной работе Всесоюзного заочного лесотехнического института и деканом химико-технологического факультета. С 1961 года С.Я. Коротов организует преподавание курса «Процессы и аппарат химической технологии» на всех отделениях химико-технологического факультета. Под руководством С.Я. Коротова были разработаны оригинальные способы получения синтетической камфары и антиокислителей крекинг-бензинов и непрерывный способ разгонки древесной смолы, реализованные на ряде лесохимических заводов, на оба способа были получены авторские свидетельства. С.Я. Коротов — автор 85 научных работ. Под его руководством были защищены две докторских и более 20 кандидатских диссертаций. С.Я. Коротов являлся

членом редакционной коллегии журнала «Гидролизная и лесохимическая промышленность» и «Лесного журнала»⁴.

Увлечением С.Я. Коротова была охота. Страсть к охоте ему с молодых лет, по-видимому, привил его отец — Яков Владимирович Коротов. В книге А.А. Ливеровского «Охотничье братство. Рассказы» (СПб., 2003) есть несколько строк и о С.Я. Коротове:

«...Незабываемая огромная фигура Сергея Яковлевича Коротова, потомка Ганнибалов. Этот остенец дворянской интеллигенции был великолепным ученым-химиком, профессором, заведующим кафедрой, одновременно прекрасно знал русскую историю. Он был постоянным спутником нашей охотничьей компании, именно спутником, а не участником, потому что всегда вел как бы самостоятельную охоту, только присоединяясь к нашей. Охотник, с моей точки зрения, отличный, но узкий: лучше него никто не мог найти тетеревиные выводки, отлично знал гончих и охоту — всё это вывез из родных псковских мест, где провел молодые годы, охотился со своим двоюродным братом Ильей Селюгиным и его отцом, известным знатоком гончих. Глухариному делу, как ни странно, учил его я, а охоту по шумному зверю он совершенно не знал. Наших любимых лаек называл северными дворнягами.

Многое в Коротове удивляло нас: скажем, охотник, а на лето из города не выезжает. И только после того как я снял ему в Домовичах пол-избы, стал туда ездить с семьей... Ясно представляю себе его в красной рубашке, подпоясанной шнурками с кистями, большого, красивого, сидящего на корме лодки, жена на веслах, а на носу лодки — ирландка Шельма...»

Женой С.Я. Коротова была Зинаида Ивановна Коротова (1896–1967), урожденная Скворцова, по первому мужу Мальчевская. Поженились они в 1934 году. Зинаида Ивановна работала преподавательницей в школе № 28 города Ленинграда⁵.

Умер С.Я. Коротов 16 апреля 1982 года после тяжелой продолжительной болезни.

⁴ Киприанов А.И., Зарубин М.Я., Ливеровский А.А., Поляков П.П., Чащин А.М., Ермолов Б.В. Сергей Яковлевич Коротов. 1908–1982 // Лесной журнал. 1982. № 3.

⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-9844. Оп. 6. Д. 237. Коротов Сергей Яковлевич, преподаватель по Канифольному производству.

**«ЗДЕСЬ МНЕ ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО,
ИБО Я ДЕРЕВЕНСКУЮ ЖИЗНЬ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ...»¹**

Среди прочих вех биографии А.С. Пушкина время пребывания в Тверской губернии покажется мало изученным и недостаточно освещенным для широкой аудитории. Тем не менее, две берновских осени станут своеобразным трамплином, предтечей болдинской осени, самого пронзительного, на мой взгляд, периода пушкинского творчества. Старицкая земля привлекала поэта не вынужденными обстоятельствами, как ссылка в Михайловское, и не спасением от эпидемии, как это случилось в Болдине. В Старицкий уезд наш гений мчался «по любви». Екатерина Андреевна Карамзина отмечала добровольный характер визитов Пушкина в эти края: «Вы просите новостей о Пушкине, а он в деревне и, как говорят, по собственной воле и желанию...» Радужие владельцев усадеб, домашняя атмосфера и душевное родство неизменно окружали поэта во время пребывания здесь. Длительность его визитов варьировалась от нескольких дней до более продолжительных периодов. Каждое посещение тверских имений оставляло значительный след в жизненном и творческом пути Пушкина:

1828 год — шесть недель (с 23 октября по 4–5 декабря в Малинниках);

1829 — 10 дней (6–16 января в Старице и Павловском);

1829 — три недели (с 12 октября по 3 ноября в Павловском);

1830 — три дня (7–10 марта в Малинниках);

1833 — два дня (21–22 августа в Павловском).

История появления А.С. Пушкина в тверском захолустье весьма необычна.

Тригорская помещица П.А. Осипова-Вульф, будучи юной девушкой, вышла замуж за одного из сыновей большой берновской вотчины, Н.И. Вульфа. Прожила «в счастии» 14 лет, родила пятерых детей. Но так случилось — муж умирает. Прасковья Александровна уезжает на Псковщину, в родовое имение Вындомских. К моменту ее отъезда умирает и свекор, Иван Петрович Вульф. Среди наследного имущества будет числиться небольшое, но вполне крепкое имение Малинники, которое достанется детям Прасковьи Александровны Вульф.

¹ А.С. Пушкин — А.А. Дельвигу. 26 ноября 1828 года.

Будет у нее еще одна попытка устроить свою судьбу — брак с И.С. Осиповым. Новый супруг, понимая, что управлять двумя имениями, между которыми почти шестьсот верст, непросто, распорядится продать практически все хозяйственные постройки из Малинников «на вывоз». Это решение возмутит берновских родственников, и они потребуют, чтобы в Малинниках был построен дом, достаточный для проживания, и возвращены необходимые службы. Оставшись к тому времени снова вдовой, Прасковья Александровна не посмеет послушаться родственников, и в 1827 году в усадьбе Малинники будет возведен господский дом и необходимые хозяйственные постройки.

Вот тогда Прасковья Александровна и пригласит в Малинники А.С. Пушкина, с которым ее семейство сблизилось в 1824 году, когда Пушкин оказался в михайловской ссылке. Именно тогда, когда преследования царского двора сделали поэта в глазах окрестных дворян фигурой очень сомнительной, когда собственные родители отнеслись к нему с отчуждением и откровенной раздражительностью, Прасковья Александровна приняла опального поэта в своем доме в Тригорском, а спустя несколько лет предложила ему «развеять тоску» в Старицком уезде. Он примет ее приглашение, в ночь с 19 на 20 октября 1828 года в Петербурге отпразднует очередную годовщину Лицея, завершив официальный протокол вечеринки экспромтом:

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора... —

а во втором часу ночи сядет в карету и отправится в дорогу...

Следует обратиться к исторической справке², чтобы охарактеризовать берновскую вотчину помещиков Вульфов, куда Пушкин впервые придет 22–23 октября 1828 года, влюбится в эти края, обретет здесь близких друзей и будет возвращаться сюда не единожды.

История этого поселения восходит к XVI–XV векам, когда оно являлось пограничным пунктом между владениями Твери и Новгорода³.

² См.: Сухачев А. Историческая справка (по заказу ООО «Архнаследие»).

³ Тверская область. Энциклопедический словарь. Тверь, 1994. С. 54.

Принято считать, что название села происходит от имени его владельца, боярина Бернова. Эти земли по верхнему течению реки Тьмы даровал ему великий князь Иван III после присоединения Великого Новгорода к Москве (1478). В летописях неоднократно упоминается Бернов стан Новоторжской прописи⁴.

В 1537 году князь Андрей Старицкий, младший брат Василия III, стоял в Бернове с войском перед походом на Новгород⁵. Тогда Берново являлось небольшим административным центром в составе Старицкого княжества, расположенным на дороге из Старицы в новгородские земли. Источник 1546 года — Духовная грамота дворянина Федора Никитича, сына Лавровского, — сообщает о существовании в Бернове церкви Николая Чудотворца.

Во второй половине XVI века Берново перешло во владение Троице-Сергиева монастыря. В писцовой книге 1576 года перечисляются переданные обители владения Федора Бернова с сыновьями (три села и около 30 деревень), располагавшиеся по течению реки Тьмы, от ее верховьев до Кунганова, и по левому берегу реки Волги. Монастырские межевые книги 1594 года упоминают в селе церковь Успения Богородицы.

Писцовая книга Андрея Загряжского 1594 года сообщает: «...к 1596 году осталось три села с пустошами, 25 деревень населенных, три деревни пусты...»⁶ Позднее село вновь стало владельческим, а во время польско-литовской интервенции, в начале XVII века, подверглось разорению и долгое время не восстанавливалось.

В Переписных книгах 1623–1624 годов зафиксировано имя владельца исследуемой местности: «...за Дмитрием Степановым сыном Черкашениновым [значится] полпустоши, что было село Гора, а Берново тож, а в ней на Дмитриевой половине церковь Успения»⁷.

⁴ Тверская деревня. Старицкий район. Энциклопедия российских деревень. Т. I. Старица, 2007. С. 77.

⁵ События освещены в «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» (XVI век), известной в единственном неполном списке в составе летописного сборника Государственного исторического музея (ГИМ. Синод. собр. № 645. Л. 423–427). Данный рассказ известен также по сообщениям за 1537 год в Летописях Воскресенской (ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 292–295) и Вологодско-Пермской (ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 322–323).

⁶ Цит. по: Тверская деревня. Старицкий район. Энциклопедия российских деревень. Т. I. С. 78.

⁷ Цит. по: *Кочнева Т.* Село Гора, Берново тоже // Я ехал к вам... Сборник

Во второй половине XVII века Берново принадлежало дворянину Андрею Тархову. В 1678 году он выдал свою дочь Прасковью Андреевну замуж за стольника Алексея Ивановича Калитина. В состав приданого вошло и село Берново вместе с селцом Малинники и селищем Кожуховым.

При А.И. Калитине, предположительно в 1687 году, была построена существующая кирпичная Успенская церковь в характерных для того времени формах московского барокко с восьмериком на двусветном четверике, апсидой и небольшой трапезной.

Берново принадлежало Калитиным до 1720-х годов. За это время оно превратилось в крупнейшую вотчину. Однако дальнейшие события, связанные с внуком и полным тезкой А.И. Калитина, привели к смене владельца.

В 1722 году по именному указу Петра I стольнику Алексею Ивановичу Калитину было велено «строить от реки Волхова до Москвы прешпективную дорогу»⁸. Через два года выявилась растрата — Калитин «издержал на свои нужды» 2 299 рублей казенных денег, предназначенных на строительство. Калитин был заключен, а его имущество должно было пойти на уплату долга. Чтобы уладить скандал и избежать конфискации, Калитин предложил властям компромиссное решение — передать имение его свояку бригадиру Петру Гавриловичу Вульфу. Последний обязался вернуть в казну растраченные средства, предоставив также Калитину в пожизненное владение селцо Малинники.

П.Г. Вульф являлся сыном шведского дворянина Гарольда Вульфа, поступившего на русскую службу при Федоре Алексеевиче в 1679 году.

Решение по делу А.И. Калитина завершилось только в 1726 году, при Екатерине I. Калитин был выпущен на свободу, а Вульф, заплатив первый взнос по долгу в размере 1 000 рублей, стал владельцем берновского имения. Более того, указом Петра II от 18 марта 1728 года оставшаяся часть долга в размере 1 299 рублей Вульфу была прощена.

Согласно данной (грамоте), отпущенной в том же году Государственной камер-коллегией, в собственность Вульфа перешли: в Ржевском уезде — село Берново, селца Соколово, Малинники и Потарково,

статей о пребывании А.С. Пушкина на Старицкой земле. Старица, 2006. С. 128.

⁸ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 2305. Л. 1.

деревни Глазуны, Подолы, Коробино, Бибиково и Воропуни; в Новоторжском уезде — селца Иевлево и Щелкачево, деревня Кожевники; в Старицком уезде — деревня Сенчуково.

Господская усадьба в Бернове, вероятно, существовала еще при Калитиных. Однако начало формирования современной планировочной структуры архитектурно-паркового ансамбля связано с деятельностью старшего сына П.Г. Вульфа, действительного статского советника Ивана Петровича Вульфа (1741–1814).

Берново перешло в собственность И.П. Вульфу в 1754 году. В 1761 году он получил звание унтер-офицера, а в 1764-м — первый офицерский чин прапорщика. В 1769 году «по болезни» он ушел в отставку «с награждением чином капитан-поручика». Оставив военную службу, Вульф вернулся в родовое имение в село Берново. Здесь он был избран уездным предводителем дворянства, каковым оставался до 1788 года.

Согласно сведениям Экономических примечаний, составленных при генеральном межевании Тверской губернии 1777 года, Берново являлось тогда крупнейшим в окрестностях Старицы селом, включая многочисленные деревни — Соколово, Малинники, Подлипки, Глазуново, Негодяиха, Бибикова, Поторково, Воропуни, Подол, Коробьина и пустошами. Общее количество земли — 10 471 десятина, 1 906 сажень. В самом селе Бернове состояло 43 двора, а по ревизии число душ — 331 (167 мужского, 164 женского пола)⁹.

Внешний облик дома опишет в своих мемуарах внучка И.П. Вульф, Анна Петровна Керн (1880–1879), урожденная Полторацкая: «Это было в 1808 году. Господский дом в Бернове стоял на горе задом к саду, впереди его большой двор, окруженный каменной оградой. Далее площадь, охваченная с обеих сторон крестьянскими избами, и в середине ее против дома каменная церковь... Жила я в Бернове и воспитывалась у m-lle Benoît с 8 лет до 12-го года»¹⁰. Дополняют воспоминания А.П. Керн семейные предания, записанные Ольгой Николаевной Вульф: «Старый деревянный громадный дом был на холме, стоял на очень красивом месте в конце теперешнего сада, с чудным видом почти кругом. Внизу площадь села с церковью XVII века, склон горы засажен яблонями

⁹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1731. Л. 90 об.–91.

¹⁰ Керн А.П. Воспоминания. Л., 1929. С. 33–34.

и назывался красный двор, а кругом усадьбы такая же каменная ограда, как и вокруг церкви, с железной решеткой, и подъезд тут же в гору, в широкие ворота»¹¹.

В усадьбе Вульфов часто бывал известный общественный деятель и писатель Михаил Никитич Муравьев (1757–1807). Он приходился двоюродным братом жене И.П. Вульфа Анне Федоровне, урожденной Муравьевой (1744–1811). Он описал Берново в своих стихотворениях и прозаическом произведении «Эмилиевы письма», которые он назвал «Берновские письма» (1791).

По распространенному мнению, на рубеже XVIII–XIX веков была произведена кардинальная перестройка усадьбы. Семейное предание гласит, что инициатором перестройки выступила жена И.П. Вульфа, Анна Федоровна, которая сочла недопустимой столь тесную близость господского дома и сельской площади, обстроенной крестьянскими дворами. О.Н. Вульф в своих мемуарах об этом пишет так: «Анна Федоровна говорила, что тут пахнет народом, и выстроила дом в противоположном конце села, где нет ни народа, но и никакого вида, голый двор с прекрасными постройками по сторонам в виде башен, и пусто — совсем как Версаль!»¹² Известно также, что как раз к 1810 году И.П. Вульф вышел в отставку с гражданской службы и поселился в Бернове, занявшись обустройством усадьбы.

В ходе работ территория усадьбы была расширена в северном направлении, вверх по склону холма. На его вершине был сооружен кирпичный главный дом, который стал архитектурной доминантой всего усадебного ансамбля. Своим главным фасадом господский дом был обращен к парадному двору, устроенному с северной стороны и ориентированному на дорогу из Петербурга. На месте старого парка был разбит новый, совместивший регулярную планировку в духе версальских садов и пейзажный английский парк. Центральную продольную ось парка акцентировала так называемая «канделябровая аллея» из стриженных лип, клумба и пруд круглой формы.

В 1814 году И.П. Вульф скончался. Территория огромного берновского владения, составлявшая тогда 14 419 десятин 1 986 сажень, была

¹¹ *Строганов М.В.* Берновские предания // Пушкинские чтения. Берново. Вып. 9. Старица, 2021. С. 45.

¹² *Вульф О.Н.* Берновские воспоминания о Пушкине А.С. // Вестник культуры. 2006. № 2. С. 15 [Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/bernovskie-vospominaniya-o-pushkine-a-s>].

поделена по числу наследников на семь долей. Дочерям Анне и Наталье было выделено 3 036 десятин 401 сажень, остальная часть — 11 383 десятины 1585 сажень — разделена между сыновьями на пять равных частей площадью 2 276 десятин 1 757 сажень. Произведенный по жребию раздел имения завершился в 1815 году. Наиболее обустроенное владение с главной усадьбой в Бернове досталось младшему сыну И.П. Вульфа, отставному поручику лейб-гвардии Семеновского полка Ивану Ивановичу (1776–1860). Согласно раздельному прошению, усадьба перешла к нему со всем имуществом: «Оное село Берново должно остаться в том положении, в каковом было при покойном родителе, то есть что при оном в пользу мою [Ивана Ивановича Вульфа] остается деревянное и каменное строение, все материалы заготовленные к оному и ныне состоящие, мебели и посудой в доме имеющимися, винокуренный завод и мельницы со всем принадлежащим к ним устроением и заведением, сады, оранжереи и со всей принадлежностью...»¹³ Из этого отрывка можно сделать вывод, что обустройство усадьбы тогда еще не завершилась.

Павел Иванович унаследовал деревни Подлипки и Глазуново; Петр Иванович — деревни Соколова, Большое Щелкачево и селцо Подмошье; Федор Иванович — деревни Подсосенье, Сосенки, Нивы и Бибиково; вдова умершего в 1813 году Николая Ивановича Прасковья Александровна Осипова-Вульф — деревни Малинники, Негодяиха и Кожухова; Анна Ивановна — деревни Подолы, Кожевникова и селцо Курово; Наталья Ивановна — деревни Патракова и Коробыно. Еще одна дочь, Екатерина, в замужестве Полторацкая, в разделе участия не принимала.

Таким образом, к моменту приезда в Старицкий уезд А.С. Пушкина в границах берновских земель было выстроено целое созвездие усадеб, которыми владели братья и сестры Вульфы.

В Малинники Пушкин приедет 22–23 октября 1828 года. Дом, в котором жила Прасковья Александровна Осипова, в первом браке Вульф, был небольшой, одноэтажный. Он был так невелик, что специальной гостевой комнаты не было, и Прасковья Александровна отдаст Пушкину комнату старшего сына Алексея Николаевича Вульфа. Тот — воспитанник Дерптского университета, где слушал лекции в 1822–1826 годах, в 1828 году — чиновник Департамента разных поделей, с января 1829 года зачислен в Гусарский принца Оранского полк.

¹³ ГАТО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 2195. Л. 94.

Из Малинников 27 октября Пушкин напишет Алексею Вульфу письмо: «Честь имею донести, что в здешней губернии, наполненной вашим воспоминанием, всё обстоит благополучно. Меня приняли с достоюльж-ным почитанием и благосклонностью...»

Иначе, наверное, и не могло быть. Ведь Прасковья Александровна стала для Пушкина «роднее матери». Дружба Пушкина и Осиповой под-держивалась до конца его жизни. Прасковья Александровна была в кур-се литературных, хозяйственных и семейных дел Пушкина и пыталась по мере возможности облегчить его материальные затруднения.

Дочери Прасковьи Александровны по-разному относились к поэту, но ждали его в Малинниках с одинаковым нетерпением. Старшую из сестер Вульф, Анну Николаевну, ровесницу Пушкина, связывало с ним серьезное чувство, она мучительно и безответно любила поэта, до конца своих дней не вышла замуж.

Нет ни в чем вам благодати;
с счастьем у вас разлад;
и прекрасны вы некстати,
и умны вы невпопад, —

писал Пушкин, словно предсказывая судьбу Анны.

В самых добрых дружеских отношениях Александр Сергеевич был с младшей сестрой, Евпраксией Николаевной, совсем молоденькой де-вушкой. Она была очаровательной и озорной, полной противоположно-стью мечтательной и романтической Анны.

Из Малинников Антону Дельвиу Пушкин напишет: «Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина» и страшат мною ребят как букою. А я езжу по пороше, играю в вист по 8 гривн роббер — и та-ким образом прилепляюсь к прелестям добродетели и гнушаюсь сетей порока».

На самом деле поэт в Малинниках много работал. Здесь он пишет посвящение к поэме «Полтава», адресованное Марии Николаевне Вол-конской, урожденной Раевской, добровольно последовавшей за мужем в Сибирь.

Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?

Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?

(V, 17)

Саму поэму поэт напишет в Петербурге. В Малинниках он продолжает работу над седьмой главой «Евгения Онегина», начатой еще в Михайловском. По преданию, живя в Малинниках, поэт однажды откроет книгу и увидит в ней засохший цветок. Внезапно нахлынут воспоминания, грусть, и родятся строки:

Цветок, засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;...

В Малинниках осенью 1828 года написаны стихи: «Как быстро в поле, вкруг открытом...», «В прохладе сладостной фонтанов» (посвящено польскому поэту А. Мицкевичу, впервые опубликовано в 1829 году в альманахе «Северные цветы»), «Ответ Готовцевой». В дружеской переписке с Дельвигом, посылая ему свои стихотворения, Пушкин беззаботно шутит: «Вот тебе в «Цветы» ответ Готовцевой, который не готов».

По тогдашнему доброму обычаю заезжий добрый человек, тем более друг семьи, был желанным гостем не только одного семейства, но и всех его родственников. Поэтому поэт посетит все имения помещиков Вульфов: Малинники, Павловское, Курово-Покровское, Берново, Соколово. О том, какое впечатление производил прославленный поэт на местных дворян, можем судить по рассказу А.Н. Понафидиной: «...Пребывание Пушкина в... Берновской волости было великим событием. Все съезжались, чтобы увидеть его, побыть с ним, рассмотреть его, как необыкновенного человека; но талантом его, как мне казалось из... рассказов, все эти пожилые люди мало восхищались, мало ценили, не понимали всю силу его творчества. Совсем другое впечатление оставило на моих, тогда совсем еще юных, тетушках пребывание Пушкина и знакомство с ним. Все они были влюблены в его произведения, а может быть, и в него самого, переписывали его стихотворения и его поэмы

в свои альбомы, перечитывали их и до старости лет любили их декламировать на память и чуть не со слезами на глазах, со свойственной тому времени сентиментальностью и романтизмом»¹⁴.

В «Романе в письмах», датированном 1829 годом, Пушкин напишет: «...Здесь более занимаются словесностью, чем в Петербурге. Здесь получают журналы, принимают живое участие в их перебранке... сердятся за любимого писателя, если он раскритикован. Теперь я понимаю, за что Вяземский и Пушкин так любят уездных барышень — они их истинная публика» (VIII, 1; 50). В этот же приезд Пушкин написал в Малинниках стихотворение «9 ноября», «Анчар», где в аллегорической форме осудил жестокую и беспощадную власть самодержавия.

В начале декабря 1828 года Пушкин выехал из Малинников в Москву, но вскоре вернулся обратно. П.А. Осипова с сыном Алексеем и дочерью Анной жила в это время в Старице, где на Святки собралось шумное провинциальное дворянское общество. Среди собравшейся молодежи особенно выделялась дочь старицкого исправника Катенька Вельяшева, которая произвела большое впечатление на Пушкина. И родятся ей посвященные строки, проникнутые чувством ласкового юмора:

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза, —

в которых поэт выражал надежду, что

В ваши милые края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

Словам было суждено сбыться. Пушкин вновь приехал в наши края не через год, а раньше, осенью 1829 года. Но в Малинниках Прасковьи Александровны не было. Там лишь Анна Николаевна Вульф, которая ждет встречи с Пушкиным, тоскует. Но, будучи человеком приличным, Пушкин не смеет остановиться в доме с молодой особой. Он поедет

¹⁴ Понафидина А.Н. Воспоминания // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2. С. 95–96.

в Павловское, расположенное в двух километрах от Бернова. Хозяином усадьбы был Павел Иванович Вульф, зять Прасковьи Александровны. Павел Иванович участвовал в составе Тверского ополчения в Отечественной войне 1812 года. Оттуда он привез жену, гамбургскую красавицу Фридрику фон Буш. Фридрика Ивановна завела в доме немецкий порядок, который, по словам Алексея Вульфа, «оказывал приятное впечатление на всякого приезжающего»¹⁵. Павел Иванович был много старше Пушкина, но отношения их были добродушные и искренние. Александр Сергеевич обыкновенно старался расшевелить этого весьма флегматичного человека и бывал в большом восторге, когда ему это удавалось. Пушкин Павла Ивановича научил играть в шахматы — раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом, возмущаясь, что разве можно так обыгрывать учителя? При этом следует упомянуть, что Пушкин уже бережно хранил портрет Вас. Андр. Жуковского с трогательной надписью «Победителю ученику от побежденного учителя». В этот приезд Пушкин прожил в Павловском около трех недель, с 12 октября до первых чисел ноября.

К сожалению, на сегодняшний день судьба Павловского мало чем отличается от судьбы Малинников. Уже в 80-е годы XIX века дом представлял собой «живописные развалины». Ныне от него остались поросшие фундаменты; структура парка частично читаема; не сохранились скотные дворы, о которых упоминает Пушкин в «Путешествиях Онегина»:

Порой дождливую намедни
Я, заглянул на скотный двор...
Тьфу! Прозаические бредни
Фламандской школы пестрый сор!

На одной из черновых рукописей «Евгения Онегина» останется запись «Павловское», а далее неразборчиво дата — 4 ноября 1829 года.

Последний раз Пушкин посетил Павловское в августе 1833 года на пути из Петербурга в Оренбургский край, куда он ехал собирать материалы к «Истории Пугачева». Об этом посещении мы узнаем из его письма жене, написанного в Павловском 21 августа 1833 года. Пушкин

¹⁵ Дневник А. Вульфа. 1827–1842. Тверь, 1999. С. 81.

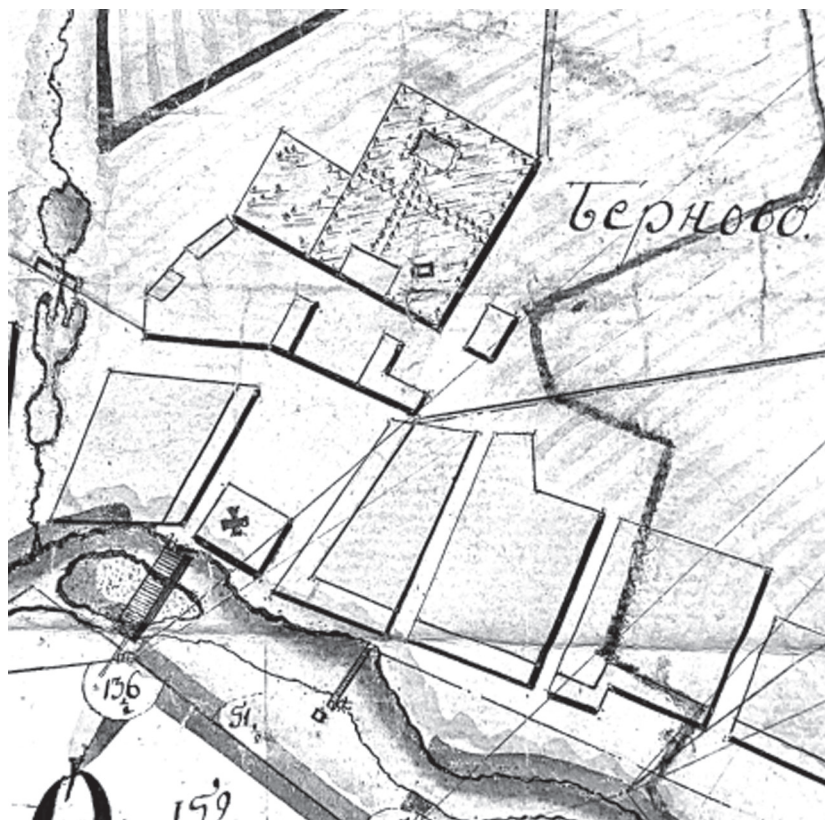
писал: «Ты не угадаешь, мой ангел, откуда я к тебе пишу: из Павловска; между Берновом и Малинников, о которых, вероятно, я тебе много рассказывал. Вчера, своротя на проселочную дорогу к Яропольцу, узнаю с удовольствием, что проеду мимо Вульфовых поместий, и решил их посетить. В восемь часов вечера приехал я к доброму моему Павлу Ивановичу, который обрадовался мне как родному. Здесь я нашел большую перемену. Назад тому пять лет Павловское, Малинники и Берново наполнены были уланами и барышнями; но уланы переведены, а барышни разъехались, из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уже подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках, вместо всех Анет, Евпраксий, Саш, Маш и проч., живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман, который поподчивал меня шнапсом. Вельяшева, мною некогда воспетая, живет здесь в соседстве. Но я к ней не поеду, зная, что тебе было бы это не по сердцу. Здесь обедаюсь я вареньем и проиграл три рубля в двадцать четыре роббера в вист. Ты видишь, что во всех отношениях я здесь безопасен» (XV, 72).

«Преклоняясь перед блеском его (Пушкина) черновигов», нельзя не согласиться с Владимиром Набоковым: «...Те из нас, кто действительно знает Пушкина, поклоняются ему с редкой пылкостью и искренностью... Всё доставляет нам удовольствие: каждый из его переносов, естественных как поворот реки, каждый нюанс ритма, так же как мельчайшие подробности его жизни, вплоть до имен людей, его окружавших, а сейчас слившихся с ним в одну тень»¹⁶.

¹⁶ *Набоков В.* Пушкин, или Правда и правдоподобие / пер. с фр. Т. Земцовой // Библиотека Максима Мошкова: сайт [Электронный ресурс: <https://lib.ru/NABOKOW/Pushkin.txt>].

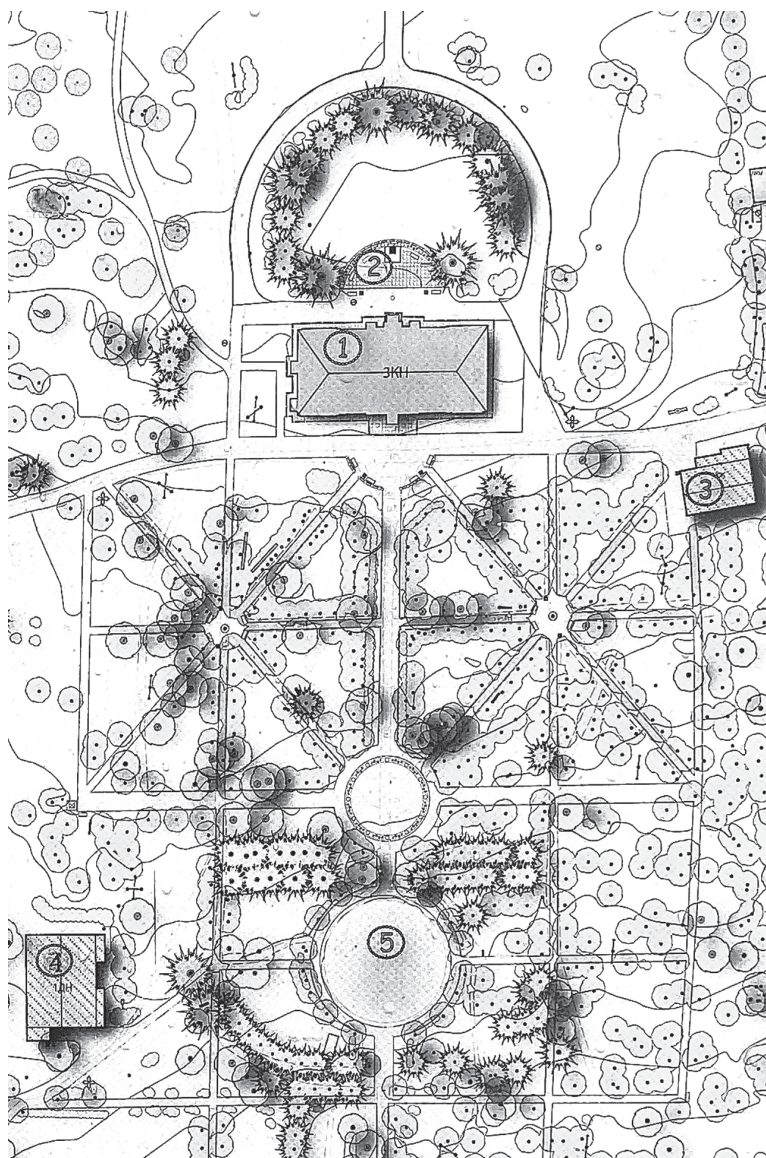
*«Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю.
Здесь думают, что я приехал набирать строфы в «Онегина»
и стращают мною ребят как букою. А я езжу по пороше...»
Из письма А.С. Пушкина А.А. Дельвигу 26 ноября 1828 года*

Геометрический план села Берново И.П. Вульфа. 1777 год.
Фрагмент

Геометрический план села Берново. 1843 год. Фрагмент

План усадьбы Берново после реставрации. 2008 год

«Созвездие» усадеб в берновских землях. Фрагменты

родословной помещиков Вульфов. Художник А.С. Кулемин

Хозяева усадьбы Малинники

П.А. Осипова (?)

А.Н. Вульф

А.Н. Вульф

Е.Н. Вульф

Катенька Вельяшева — старицкая приятельница А.С. Пушкина

Музей А.С. Пушкина в Бернове

Угловая гостиная

Классная комната

Фрагмент экспозиции

«Онегинский уголок»

«МОЙ БЛИЗКИЙ И ДАЛЕКИЙ ДРУГ»:
КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЯМ
Л.А. ТВОРОГОВА, ПОСВЯЩЕННЫМ Д.С. ЛИХАЧЕВУ
(1948—1960)

Я... написал случайно, к слову,
О всём, что было, к Лихачеву.
Но имя Ваше не открыл:
Им, верьте мне, Онегин был.
Чтоб убедить Вас в этом деле,
Я Вам цитирую письмо
К Д. Лихачеву. Вот оно!
(Я сам писал. И не жалею.)
«Онегин, будучи во Пскове...,
Зашел в музей о древнем «Слове»...»

*Фрагмент письма Л.А. Творогова к В.И. Малышеву
от 22 сентября 1952 года¹*

Археограф Л.А. Творогов, которому посвящали стихотворения
Г.Я. Горбовский², Т.М. Глушкова³, Е.Н. Морозкина⁴, А.И. Гусев⁵,

¹ Фрагмент письма в стихах на трех листах. Эпиграмма на визит В.И. Малышева в Псковский музей, в созданный Л.А. Твороговым Музей-кабинет «Слова о полку Игореве». Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище (ПГОИАХМЗ. ДХ). Ф. 766. Творогов Л.А. Д. 510. Черновики и копии писем к В.И. Малышеву. Черновик письма от 22 сентября 1952 года.

² Горбовский Г.Я. «Псков. Поганкины палаты...» (1969) // День поэзии. Л., 1970. С. 306–307. Посвящение: «Творогову, хранителю старины».

³ Глушкова Т.М. «Заснеженный, пустынный псковский двор...» (1965) // Псковская правда. 25.09.1965 (№ 226 (12247)). С. 3. Посвящение: «Л.А. Творогову».

⁴ Морозкина Е.Н. «На бронзовом челе торжественный венок...» (1960-е) // Новости Пскова. 21.03.1995 (№ 57 (827)). С. 3. Из комментария Е.Н. Морозкиной: «Эти мои стихи написаны на известную фотографию Л.А. Творогова».

⁵ Гусев А.И. Дым («Мучительна боль обожженной земли...») (1977) // А.И. Гусев. Измерения. Стихотворения. Поэма. Л., 1990. С. 19–20. Посвящение: «Л.А. Творогову».

Е.А. Борисов⁶ и другие профессиональные поэты, и сам занимался художественным творчеством. «У Вас недурное владение стихом», — писал Леониду Алексеевичу в 1948 году Д.С. Лихачев⁷. В Псковском музее сберегаются неизданные рукописи поэтических произведений археографа. Речь идет о сравнительно большом корпусе текстов. Настоящая заметка — подступ к их специальному рассмотрению. Мы первыми пишем о знаменитом псковском ученом как авторе «стихов на случай».

Л.А. Творогов неоднократно предпринимал попытки систематизации своих поэтических текстов. Так, еще в 1946 году он упорядочил и поместил в одну папку варианты многостраничной «Баллады о старом Пскове»⁸. В 1948 году выделил из своих черновиков четыре эпиграммы и собрал последние в цикл «Неизвестных отрывков из «Евгения Онегина» с посвящением — «Д.С. Лихачеву». В 1950 году «Неизвестные отрывки...» пополнились пятым произведением, в 1952-м — шестым. (Вирши 1956 и 1960 годов, тоже адресованные Дмитрию Сергеевичу, в цикл эпиграмм включены не были.) В 1970-х двенадцать разножанровых стихотворений⁹, уже не связанных с ленинградским академиком, Л.А. Творогов извлек из массива домашних документов, умышленно или неумышленно помогая будущим составителям своего поэтического сборника. И всё же основной корпус стихотворных текстов ученого не собран, их следует искать в черновиках писем Л.А. Творогова к разным корреспондентам.

В настоящей заметке мы ограничимся комментарием к стихотворным экспромтам, посвященным Д.С. Лихачеву.

⁶ *Борисов Е.А.* Музей («Здесь звон застыл...») (1977) // Е.А. Борисов. Каменное поле. Стихи. Л., 1977. С. 64–65. Посвящение: «Л. Творогову».

⁷ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письма Д.С. Лихачева. Письмо от 25 сентября 1948 года.

⁸ Работа над балладой велась Л.А. Твороговым в Пскове со второй половины 1945 года по 3 февраля 1946 года.

⁹ Речь о стихах Л.А. Творогова 1940-х–1970-х годов: «Пушкин в Пскове» («Меж рек, текущих полукругом...»); «Всё в прошлом» («Я помню старый, сельский вид...»); «От волнения краснея...»; «Весной» («Она прикоснулась ко мне...»); «Желание» («Хочу забвенья, любви и ласки...»); «Точно в сказке, очарованный...»; «Солнце красное заката...»; Для записи в книге впечатлений выставки «Слова о полку Игореве» ИРЛИ АН СССР («Звенят кольчуги боевые...»); «Музейное»; «Наш Мухоморов...»; «Милости просим...»; «Дни не воротятся...».

Первую эпиграмму, адресованную ленинградскому литературоведу, находим в черновиках двух писем Творогова из Пскова — от 15 сентября 1948 года и от 16 мая 1950 года¹⁰, а также в машинописном экземпляре цикла «Неизвестных отрывков из «Евгения Онегина» (1948). Речь о пародии, в которой под *Онегиным* подразумевается сам Творогов, а под *лучезарным ученым из Академии наук* — Лихачев (тогда доцент ЛГУ имени А.А. Жданова).

В письме от 15 сентября Леонид Алексеевич так объяснил происхождение отправленных Дмитрию Сергеевичу стихов: «Недавно в наших (псковских. — Авт.) архивах была найдена неизданная глава «Евгения Онегина». Я скопировал ее и посылаю Вам для критического рассмотрения. Мне кажется, что автор немного согрешил против истины, нападая на Академию»¹¹. В пародийном отрывке-мистификации Творогов использует тот же прием, который мы встречаем в стихотворениях Пушкина «Мадона» (1830), «Отцы пустынноики и жены непорочны...» (1836). Напомним, в тексте 1830 года из всех «картин старинных мастеров» поэт предпочитает единственную: «Одной картины я желал быть вечно зритель, / Одной» (III, 224). В произведении 1836 года, выбирая из «множества божественных молитв», Пушкин останавливается на конкретной, которую декламирует якобы чаще других: «Всех чаще мне она приходит на уста» (III, 421). Разумеется, мы имеем дело с художественным приемом — умышленным преуменьшением предпочтений в живописи и гимнографии. Собственно, и Творогов в своей эпиграмме выделяет Лихачева из числа других ученых, пользуясь той же пушкинской моделью. «Один из сотен тысяч званных», единственный доктор наук, которого псковский археограф признает своим другом, — Дмитрий Сергеевич¹².

В письме от 16 мая 1950 года Творогов называет некоторых специалистов молодого Отдела (Сектора) древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР «академическими бюрократами»¹³.

¹⁰ В письме к Д.С. Лихачеву от 16 мая 1950 года Л.А. Творогов отправил эпиграмму «Отрывок первый» повторно, без изменений.

¹¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма к Д.С. Лихачеву от 15 сентября 1948 года. Последнее предложение из приведенной цитаты в черновике письма зачеркнуто.

¹² Среди сотрудников Пушкинского Дома самым близким Творогову был его ровесник Лев Михайлович Добровольский (1900–1963).

¹³ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 16 мая 1950 года.

Предубеждение Леонида Алексеевича будет со временем только крепнуть. Замечая это, в письме 1957 года Лихачев в шутку «изобличит» и себя «в ледяном академизме»¹⁴.

Ленинградский ученый не поощрял «профессорской засушенности»¹⁵ (выражение Дмитрия Сергеевича из его открытки 1949 года) и к утрированным нападкам Творогова относился терпимо: «Дорогой Леонид Алексеевич! ...Вы, пожалуйста, пишите мне самые резкие письма и нисколько не стесняйтесь. Так я и Вас считаю слишком умным для обид, что и пишу Вам всё, что думаю... Крепко жму руку»¹⁶ (из июньского письма 1949 года). «Дорогой Леонид Алексеевич! — уверял Лихачев в марте 1953 года. — ...Я упрямо остаюсь Вашим другом, хоть Вы меня и браните»¹⁷.

Псковский древлехранитель напоминает, что еще «А.С. Пушкин недолюбливал академиков: «В Академии наук / Заседает князь Дундук...»¹⁸ и т. д.»¹⁹ В этом контексте становится понятно, почему Леонид Алексеевич вывел себя в эпиграмме под именем Онегина, известного своим ироничным отношением к науке. Энциклопедист Творогов в отличие от Евгения, безусловно, *отличал ямб от хорея* (в письмах к Лихачеву зарисовывал метрические схемы стихотворных строк²⁰), *тоскующая лень* им не владела, но он тоже старался избегать формально-бюрократических проявлений учености.

Через три года В.И. Малышев будет писать в Псков по поводу другого стихотворения Л.А. Творогова: «Дорогой Леонид Алексеевич! Большое спасибо за... басню. Все остались довольны сочинительством, хотя и не разделяют Вашего взгляда на академических работников. В.В. Данилов говорит, что у Вас талант баснописца». См.: ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509. Письмо от 27 января 1953 года.

¹⁴ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 5 октября 1957 года.

¹⁵ См.: «Рекомендую Вам... Ив. Мих. Кудрявцева. ...энтузиаст «Слова». Прекрасно знает летописи. Одна его статья печатается у нас в «Трудах». В нем нет профессорской засушенности, он интересно мыслит». ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Открытка от 26 августа 1949 года.

¹⁶ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 10 июня 1949 года.

¹⁷ Там же. Открытка от 3 марта 1953 года.

¹⁸ Первые две строки из едкой эпиграммы на князя М.А. Дондукова-Корсакова 1835 года (III, 388).

¹⁹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Копия письма от 16 мая 1950 года.

²⁰ См., напр.: ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 12 октября 1948 года.

Неизвестные отрывки из «Евгения Онегина»

Д.С. Лихачеву

Отрывок первый

...Онегин не любил ученых
Из Академии наук.
Но правил нет без исключения.
И поборов в себе презренье,
Из тьмы ученых докторов
Он одного признать готов.
Кто сей избранник лучезарный,
Без битвы и без лишних слов
Внушивший скептику любовь?
Один из сотен тысяч званных.
Ему как другу своему
Я посвящаю песнь сию.

Он, не в пример другим ученым,
Не выпирал чрезмерно грудь,
И колесницам позлащенным
Не променял свой скромный путь.
Он верил слепо в добродетель
И был счастливейший свидетель
Любви и ласки юных дев, —
Преподавательский успех!

(в ЛГУ. — **Прим. Л. Творогова**)

Но это, впрочем, не мешало
Блестеть ему в сияньи лиц
Науки перезрелых жриц
И предаваться их забавам;
И быть участником не раз
Их эльзевировских (издательских. — **Авт.**) проказ...

15 сентября 1948 года, Псков

Чувство искренней симпатии пронизывает не только стихи Л.А. Творогова, но и всю его переписку с Д.С. Лихачевым. Корреспонденты обмениваются пространными письмами, ведут научные споры, откликаются на общественные инициативы²¹,веряют друг другу личное, бытовое, напоминают о своей дружбе. «Ваше письмо... омолодило мою душу», — откликается Леонид Алексеевич²². «Я всегда о Вас помню, очень Вас люблю», — пишет в Псков его ленинградский друг²³. В другом письме Дмитрий Сергеевич отзывается на фотографию Творогова: «Ваш портрет превосходен и очень поэтичен. Я вывесил его у себя в комнате»²⁴.

Творогов не случайно шутит о доценте Лихачеве как преподавателе. 2 августа Леонид Алексеевич писал Дмитрию Сергеевичу в Ленинград по поводу студентки Масленниковой, приехавшей на летние каникулы в Псковский музей: «...Я познакомился с одной миленькой Вашей ученицей по Университету. Завтра еду с нею кататься на лодке. Наши музейные смеются, что у меня начинается четвертая молодость»²⁵. Наталья Николаевна Масленникова брала у псковского древлехранителя уроки палеографии²⁶. В сентябре начался новый учебный год, Лихачев написал Творогову: «Ваша знакомая (псковитянка) старательно занимается. Выказать Ваше почтение я не решился»²⁷. В следующем году она вновь придет в Псков на стажировку. В июле 1949 года Дмитрий Сергеевич писал по этому поводу: «Дорогой Леонид Алексеевич! ...Собираюсь в Псков в сентябре... Привет милой Наталье Николаевне. Поручаю ее Вашей консультации по части псковских летописей. Непременно заставьте ее съездить в Изборск, Печоры и Новгород. Надо бы и больше,

²¹ Совместной общественной работе Д.С. Лихачева и Л.А. Творогова на материале их переписки 1957 года посвящена специальная короткая заметка: *Васильева З.К.* «Потомство нам не простит...» Переписка Л.А. Творогова с Д.С. Лихачевым о сохранности памятников старины, 1957 год // Псков в отечественной истории. Псков, 2010. С. 202–207.

²² ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 11 августа 1948 года.

²³ Там же. Д. 479. Письмо от 1 января 1949 года. См. также письмо Д.С. Лихачева от 3 сентября 1953 года: «Я всегда о Вас думаю».

²⁴ Там же. Письмо от 19 января 1958 года.

²⁵ Там же. Д. 483. Черновик письма от 2 августа 1948 года.

²⁶ На момент первой встречи с Л.А. Твороговым в Пскове Н.Н. Масленниковой, в будущем — крупному историку и палеографу, двадцать один год.

²⁷ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 25 сентября 1948 года.

но пусть отдыхает»²⁸. Творогов всегда откликался на просьбы Лихачева и других коллег (в особенности Е.Н. Морозкиной) о попечении над студентами.

Тема неприятия снобизма, «академической черствости», затронутая в «Отрывке первом», неоднократно поднималась в переписке Творогова с разными корреспондентами («Опять тоска и одиночество. Вы своим академическим сердцем едва ли нас поймете», — сокрушался Леонид Алексеевич в одном из писем к В.И. Малышеву²⁹). Доброжелательность ученого и хорошее знание им своего предмета — исключительно редкое сочетание персональных качеств³⁰, которое псковский археограф так ценил в Дмитрие Сергеевиче. Отсюда и контрастное цветовое решение в эпиграмме: «лучезарный избранник» на фоне презрения и тьмы.

В схожем ключе и Лихачев смотрел на Творогова: в письмах он подмечал добрую, молодую душу Леонида Алексеевича («Вами я восхищаюсь... душа у Вас молодая»³¹), а в рецензиях и отзывах называл старшего³² коллегу «крупнейшим знатоком псковской письменности»³³. «Поезжайте, поезжайте во Псков к Творогову, — в 1973 году советовал Дмитрий Сергеевич историку Псково-Печерского монастыря Анатолию Петровичу Короткову, — большой знаток и добрый помощник»³⁴. В 1960-х годах Дмитрий Сергеевич так представит псковскому древлехранителю Олегу Викторовичу, племяннику Леонида Алексеевича (сравним со строками из «Отрывка первого»: «...пример другим ученым, /Не выпирал чрезмерно грудь»): «Олег Викторович очень

²⁸ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Открытка от 19 июля 1949 года.

²⁹ Там же. Д. 510. Черновик письма от 24 января 1954 года. (О смерти собачки Каштаночки. Под «мы» подразумеваются Творогов и его собака Тобик.)

³⁰ Творогов стремился сближаться именно с такими людьми — знающими и доброжелательными. См.: *Егоров А.А.* Переписка Л.А. Творогова с М.П. Алексеевым // Михайловская пушкиниана. Вып. 107. Сельцо Михайловское, 2025. С. 141–160.

³¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 22 июня 1957 года.

³² Д.С. Лихачев младше Л.А. Творогова на шесть лет.

³³ Повторяющаяся оценка в текстах Д.С. Лихачева о Л.А. Творогове. См., напр.: ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 50-а. Отзывы Д.С. Лихачева. *Лихачев Д.С.* Отзыв о работе Л.А. Творогова «Новое доказательство о псковском происхождении непосредственного оригинала Мусин-Пушкинского списка текста «Слова о полку Игореве». 31 марта 1949 года.

³⁴ См.: *Иванова Н.П.* Жизнь Животворящая. Жизнеописание архимандрита Феодосия (Анатолия Петровича Короткова). СПб., 2017. С. 48.

хороший³⁵. Много и хорошо работает. Хорошо знает историю языка. Никуда не стремится³⁶, не лезет. Он младший научный сотрудник³⁷. Я его люблю. Молодец!»³⁸

Вторая эпиграмма была отправлена Твороговым в одном письме с первой. Мы находим ее также в машинописном экземпляре цикла «Неизвестных отрывков из «Евгения Онегина» (1948). Прототип *Евгения* здесь — вновь Леонид Алексеевич. Высмеивается предвзятость научных издательств, якобы несправедливо отказывающих новым авторам в публикации. Мелочной трусости редакторов противопоставлен идеализированный образ академика Шахматова. Из переписки Творогова с Лихачевым мы узнаем, насколько значима эта фигура для автора стихотворения. Так, наследие Алексея Александровича Шахматова (1864–1920) станет темой многостраничного машинописного письма Леонида Алексеевича к Дмитрию Сергеевичу от 5 июня 1949 года³⁹.

Отрывок второй

...Всё в прошлом! Где теперь наука?
Напрасно Шахматова нет.
(Он бы сумел найти ответ.)
А это что? — Пустая мука!

Онегин шлет свой мадригал⁴⁰
В нео-критический журнал.
Проходит день, недели, годы...

³⁵ Слова «очень хороший» Д.С. Лихачев подчеркнул пять раз.

³⁶ Слова «никуда не стремится» подчеркнуты дважды. Речь о стремлении к руководящим постам.

³⁷ О.В. Творогов занимал пост младшего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР с 1961 по 1968 год.

³⁸ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 481. Записки Д.С. Лихачева к Л.А. Творогову. КП 12937/5198.

³⁹ Там же. Д. 483. Черновик письма от 5 июня 1949 года.

⁴⁰ В черновых набросках Л.А. Творогова находим фрагмент, который, вероятно, предшествовал строке «Онегин шлет свой мадригал»:

...Онегин пьянствовал неделю.
Бил стекла, плакал и кричал:
— «Я в Академию не верю,

Ответа нет. И вдруг запрос:
— Кто Ваш отец? — Какого рода?
— И почему не в меру нос?
Где был он утром в понедельник?
И почему не чтит сочельник?
Анкета в сто двенадцать строк...
(Редактор был, как видно, строг.)
О, Боже мой! Пропал Евгений,
Сего никак не ожидал.
Зачем писал в такой журнал,
Пытаясь опозорить гений!
Трусливость свыше нам дана,
Замена разума она...

15 сентября 1948 года, Псков

Последние две строки — очевидная переделка пушкинской формулы: «Привычка свыше нам дана: / Замена счастию она» (VI, 45). Здесь, в рассуждениях Творогова про трусливость, отсылка к «Премудрому пескарю» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Человеку в футляре» А.П. Чехова и другим литературным источникам.

Лихачев не согласится с нападками Творогова на издательства: «Дорогой Леонид Алексеевич! ...Даю Вам честное слово (можете показать это письмо кому угодно), что, если Вы напишете книгу листов на 10 — не меньше, где детально и научно обоснуете все те выводы, к которым Вы приходите, я добьюсь ее напечатания... Никто Вас не затирает. Наоборот, насколько я знаю всех, к Вам прекрасно относятся — и [В.И.] Малышев, и В.П. [Адрианова-Перетц], и многие другие»⁴¹.

Предваряя «Отрывок третий», тоже включенный в машинописный экземпляр цикла 1948 года, Л.А. Творогов писал Д.С. Лихачеву: «Здесь нашли еще один отрывок из «Евгения Онегина», касающийся моей

Я — Карла Маркса «Капитал».
Затем болезнь его сломила.
Он возомнил себя светилом.
Засел за книги, стал ханжой
И заработал геморрой...

⁴¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 26 мая 1950 года.

собачки Полкаши... она... польщена»⁴². Ср. с XXV строфой из второй главы пушкинского романа — «Итак, она звалась Татьяной... Дитя сама, в толпе детей / Играть и прыгать не хотела...» (VI, 42):

Отрывок третий

...Итак, она звалась Полкалей,
Дитя веселья и проказ.
Не зная горести, печали,
Она росла в те дни средь нас⁴³.
С утра до ночи вся в заботах:
То с кошкой драться ей охота,
То лаять на соседских коз,
То на идущий мимо воз.
И даже в поздний час заката,
Когда ложится башен тень,
Ей прыгать далеко не лень.
И из Паганкина Палаты
Я слышу радостный «гав», «гав»
Ее младенческих⁴⁴ забав...

15 сентября 1948 года, Псков

Полкаля — первое домашнее животное Творогова в Пскове, дворняжка, окрас — рыжая с белым, названа в честь «Слова о полку Игореве»⁴⁵. Ее щенок Тобик — вторая собака Леонида Алексеевича⁴⁶. Полкаля была заведена 2 июня 1948 года, за три с половиной месяца до написания шуточного «Отрывка». 2 августа Творогов сообщал Дмитрию Сергеевичу: «Можете меня поздравить с дочкой. Она на четырех

⁴² ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 15 сентября 1948 года.

⁴³ Черновой вариант третьей и четвертой строк: «Милей ее мы не встреча-ли, / Хоть милых видели не раз».

⁴⁴ Черновой вариант — «невиннейших».

⁴⁵ В архиве псковского ученого сохранились регистрационные листы на его собак, собачьи паспорта, ветеринарные освидетельствования, множество совместных фотографий, лист с эпитафиями.

⁴⁶ Не путать с другим Тобиком, последней собакой Творогова.

лапках и с хвостиком. Между прочим, с нею у меня вышел большой конфуз. Я брал сына, а она оказалась дочкой. Впрочем, она — очень изящное двухмесячное существо: псковский отпрыск шотландской овчарки»⁴⁷. 6 июня 1951 года собака умрет. Творогов похоронит ее во дворе Поганкиных палат и прочитает над могилой эпитафию: «Спи, моя маленькая Полкаленька. Не много ты жила, но познала злобу и низость людей. Мы тебя никогда не забудем. Твой друг-хозяин и Тобик. (2.VI.1948–6.VI.1951, Псков)»⁴⁸.

В «Отрывке четвертом»⁴⁹ *Онегин* и *Творогов* — разные персонажи. Под *Евгением* теперь подразумевается Игорь Петрович Еремин. «Пусть Еремин не сердится», — предупредил Лихачева автор эпиграммы⁵⁰.

Двумя годами ранее, в 1946-м, Леонид Алексеевич напечатал острый отзыв на одну из статей⁵¹ профессора. «И.П. Еремину пришла счастливая мысль выяснить, — писал в своей рецензии псковский древлехранитель, — а что же представляет собой этот малопонятный для нас текст «Слова»?.. он принял на веру неправильное заключение о прозаической природе текста «Слова» исследователя М.П. Штокмара... это дало повод И.П. Еремину... сделать вывод об ораторской природе текста «Слова о полку Игореве», являющегося-де единственным дошедшим до нас памятником древнерусского красноречия, писанного ритмической ораторской прозой... работа И.П. Еремина, конечно, не разрешает поставленной перед ней задачи. «Слово о полку Игореве» было, есть и навсегда останется произведением, писанным ритмическими стихами... По своей поэтической структуре это поэма»⁵². В 1947 году, еще до написания эпиграммы на Игоря Петровича («Отрывок четвертый»), псковский археограф просил В.И. Малышева: «Слыхали ли Вы, что И.П. Еремин печатает антикритику на меня?

⁴⁷ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 2 августа 1948 года.

⁴⁸ Там же. Д. 6. Документы на собак Л.А. Творогова. Лист с эпитафиями.

⁴⁹ Эпиграмма также включена в цикл «Неизданных отрывков из «Евгения Онегина» 1948 года.

⁵⁰ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 15 сентября 1948 года.

⁵¹ *Еремин И.П.* «Слово о полку Игореве» // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1944. № 72. Вып. 9. С. 3–18.

⁵² *Творогов Л.А.* Работа, лишенная научного значения: [рецензия] // Псковская правда. 2.06.1946 (№ 116 (386). С. 3.

Когда выйдет, пришлите, пожалуйста, мне два экземпляра»⁵³. Похожая просьба — в январском письме к Лихачеву 1948 года: «Если выйдет на меня критика И.П. Еремина, пришлите мне ее, пожалуйста. Она мне сослужит доброе дело»⁵⁴. Очевидно, Творогов ожидал публичной дискуссии с профессором Ереминым. Игорь Петрович, как известно, не ответил на рецензию Творогова.

Лихачев в своей монографии 1950 года смотрит на «Слово о полку Игореве» как на произведение «поэтическое в первую очередь»⁵⁵, исследует «поэтическую манеру» автора-анонима и приходит к выводу, что «Слово о полку Игореве» — это призыв к единению, призыв певца-поэта... автор чувствовал свою связь с устным словом, с устной поэзией; автор чувствовал свое произведение произнесенным. Если это речь, то она близка к песне. Если это песнь, то она близка к речи»⁵⁶. В отличие от Еремина Лихачев указывал на более сложную жанровую природу «Слова», которая не сводится к риторике. В письме в Псков от 26 мая 1950 года Дмитрий Сергеевич, рассуждая о «Слове», в целом ближе к позиции Творогова: «Что касается до меня и Еремина, то мы стоим на противоположных точках зрения»⁵⁷.

Отрывок четвертый

...Он не имел в душе холодной
Всё возвышающих начал
И «Песнь об Игоре» упорно
Простою прозою считал⁵⁸.
Он думал: — «Новгород Великий
Переписал сей труд столичный».
(И был не прав. Им был сам Псков,

⁵³ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 510. Черновик письма от 14 декабря 1947 года.

⁵⁴ Там же. Д. 483. Черновик письма от 23 января 1948 года.

⁵⁵ *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве»: (Историко-литературный очерк). М.; Л., 1950. С. 72.

⁵⁶ Там же. С. 105.

⁵⁷ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 26 мая 1950 года.

⁵⁸ Первое четверостишие Л.А. Творогов повторил в письме к Д.С. Лихачеву от 12 октября 1948 года.

О чем твердил нам Творогов.)⁵⁹
— «К чему? — он мыслил не критично,
Кто, где его переписал?»
И споров он не принимал,
— «Ведь это всё так безразлично!»
Но, впрочем, знал со слов отца
Пять слов начала и конца...

15 сентября 1948 года, Псков

Ср. последние две строки «Отрывка» с пушкинским текстом (Евгений Онегин. Глава 1, строфа VI): «Да помнил, хоть не без греха, / Из Энеиды два стиха» (VI, 7).

В связи с непоследовательностью в произношении слова «Твóрогóв»⁶⁰, характерной для профессионального филологического сообщества, обратим внимание на авторское ударение. Оно на последнем слоге в тексте Леонида Алексеевича 1948 года. Такое же ударение и в стихах его многолетней собеседницы Инги Константиновны Голуновой: «Я не Баян и «Слова» / Пропеть Вам не смогу, / Но славлю Творогова / Со «Словом о полку» (17 марта 1960 года, Москва)⁶¹. На магнитной ленте 1976 года, хранящейся в Псковском музее, записан голос ученого. Отчетливо слышно, как Л.А. Творогов, зачитывая Д.С. Лихачеву и другим участникам конференции письмо, произносит свою фамилию с ударением на последний слог.

«...прежде чем показывать ее (неизвестную «главу» из «Евгения Онегина» в четырех отрывках. — **Авт.**) другим, подумайте, — предупреждает Дмитрия Сергеевича «поэт-мистификатор», — стоит ли это делать, и как бы этим не оскорбить память великого поэта. Впрочем, полагаюсь на Ваше усмотрение»⁶².

«Дорогой Леонид Алексеевич!.. — откликнулся на четыре первые

⁵⁹ Книга о псковском происхождении Мусин-Пушкинского списка «Слова», изданная до написания «Отрывка четвертого»: *Творогов Л.А.* «Слово о полку Игореве». Новосибирск, 1942.

⁶⁰ Автор настоящей публикации регулярно слышит все три варианта ударения в фамилии Творогова.

⁶¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 271. Письма И.К. Голуновой. Открытка от 17 марта 1960 года.

⁶² Там же. Д. 483. Черновик письма от 15 сентября 1948 года.

эпиграммы будущий академик. — Вашим стихам посмеялся, но никому не показывал... тем более что Еремин хворает. Бог с ним. Пусть его книжка поскорее забудется и дело с концом, хотя сам я его поминаю в статье, которая должна выйти в «Вопросах истории»⁶³. В журнальной публикации «О летописном периоде русской историографии» (1948) Д.С. Лихачев выступил с критикой книги И.П. Еремина «Повесть временных лет» (Л., 1946). «Разорванность» сознания летописца, механистичность в изложении исторических фактов, примитивный тип параллелизма событий, стилистическая пестрота летописи — эти и другие выводы Игоря Петровича о летописании⁶⁴ вызывают у Дмитрия Сергеевича серьезные возражения⁶⁵.

Относительно взглядов Творогова на псковское происхождение Мусин-Пушкинского списка «Слова» Лихачев писал псковскому коллеге: «Ни я, ни кто-либо другой против Ваших выводов как таковых принципиально не возражает. Очень может быть, что «Слово» действительно бытовало в Пскове. Разве я когда-либо возражал против этого? Но могло оно бытовать и в Новгороде. Разве Вы против этого возражаете? Нет. Различие в мелких деталях. Бог с ними. Это не принципиальный спор о «Слове»⁶⁶.

Цикл «Неизданных отрывков...» пополнился в 1950 году двестишестем Л.А. Творогова. Псковский ученый, убежденный трезвенник, заметив, что Д.С. Лихачев (предположительно, в 1949 году) на банкете после конференции присоединился к тосту, сочинил:

Неизданный «Пушкин». Отрывок пятый⁶⁷

Любил он женщин и вино
И с ними «Слово» заодно.

4 февраля 1950 года

⁶³ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 25 сентября 1948 года.

⁶⁴ См.: Еремин И.П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946 (на обложке: 1947).

⁶⁵ Лихачев Д.С. О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9 (сентябрь). С. 21–40. Критике выводов И.П. Еремина посвящены первые три страницы статьи.

⁶⁶ Там же. Д. 479. Письмо от 26 мая 1950 года.

⁶⁷ Там же. Д. 483. Черновик письма от 5 февраля 1950 года.

У Творогова было остро негативное отношение к алкоголю. И.К. Лабутина вспоминала: «...после работы Леонид Алексеевич... самое большое, что позволял себе — выпить чашку крепкого чая»⁶⁸. Среди записок Лихачева на бытовые темы встречаем строки 1960-х годов, возражение псковскому коллеге, попрекавшему в компромиссном отношении к вину: «Пьют за любовь!»⁶⁹ Предполагаем, что Творогов посоветовал ленинградскому другу заменить алкоголь на сладкое, так как ниже Лихачев записал, очевидно, вновь возражая: «Не могу есть сладкое!»⁷⁰ Поняв, что Леонид Алексеевич хвалит полный отказ от вина, Дмитрий Сергеевич на этом же листе сделал еще одну комплиментарную запись о племяннике Леонида Алексеевича: «Олег Викторович... Не курит и не пьет...!»⁷¹

Пятая эпиграмма Творогова и едкий тон его февральской корреспонденции привели к двухлетнему замиранию переписки с Лихачевым. Так, в том же письме от 5 февраля 1950 года, в которое Творогов включил эпиграмму «Отрывок пятый», были и такие слова по поводу скепсиса Дмитрия Сергеевича в вопросе о псковском происхождении Мусин-Пушкинского списка «Слова о полку Игореве»: «...я от всего сердца сожалею, что теперь нет так называемого «Божьего суда». А то бы я взял в руки большую дубину, вызвал бы Вас в поле и воочию доказал бы правоту своих суждений. Не правда ли?»⁷²

Добрым поводом для возобновления общения стало присуждение Дмитрию Сергеевичу, с 1951 года — профессору ЛГУ, высокой государственной награды.

Д.С. Лихачев — Л.А. Творогову (19.03.1952, Ленинград)⁷³

Глубокоуважаемый Леонид Алексеевич!

Благодарю Вас за поздравление по случаю присуждения мне

⁶⁸ Лабутина И.К. Леонид Алексеевич // Музея дивное пространство: храм памяти, наук и муз. Псков, 2002. С. 52.

⁶⁹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 481. Записки Д.С. Лихачева к Л.А. Творогову. КП 12937/5198.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Д. 483. Черновик письма от 5 февраля 1950 года.

⁷³ Там же. Д. 479. Письмо от 19 марта 1952 года. Конверт: «Псков. Почтамт. До востребования. Леониду Алексеевичу Творогову». Адрес отправителя не указан.

Сталинской премии⁷⁴. Я рад, что наша переписка возобновляется. Не знак ли это того, что все наши обоюдные обиды отложены в сторону или даже выкинуты в мусорный ящик? Перед нами обоими пример великого Мономаха, написавшего письмо Олегу Святославичу⁷⁵ — с такою широтою души. Итак, если позволите, жму Вашу руку и обнимаю Вас, дорогой Леонид Алексеевич! Жизнь очень и очень коротка, смертный час близок для нас обоих. И Вы, и я — оба мы пишем друг другу в Прощеный Понедельник⁷⁶. Обиды же наши — сущий мусор.

Итак, всё забыто? Пишите, как прежде, веселые и остроумные письма.

Ваш (ДЛихачев)

19.III–52

Шестая эпиграмма, завершающая «Онегинский» цикл, посвященный Лихачеву, была сложена Твороговым в том же, 1952-м, году. Здесь *Онегин* — это В.И. Малышев. Событие, над которым иронизирует автор эпиграммы, — визит Малышева в Псковский музей. Леонид Алексеевич пишет: «Дорогой Дмитрий Сергеевич!.. во вновь найденных отрывках «Евгения Онегина», часть которых в свое время я Вам уже сообщил, этому событию посвящено несколько строк»⁷⁷.

Отрывок шестой

...Онегин, будучи во Пскове
Какой-то дамой раздражен,
Зашел в музей о древнем «Слове»

⁷⁴ Речь о Сталинской премии второй степени за участие в коллективном труде «История культуры Древней Руси» (т. 2).

⁷⁵ Речь о третьей части «Поучения Владимира Мономаха» (XII век) — письме великого князя киевского Владимира Мономаха черниговскому князю Олегу Святославичу. Письмо к Л.А. Творогову показывает, что подготовительная работа Д.С. Лихачева над «Поучением Мономаха» была начата задолго до специальных публикаций академика 1964–1969 годов.

⁷⁶ Д.С. Лихачев умышленно называет Чистый понедельник Прощеным. В любом случае, Прощеное воскресенье и следующий за ним Чистый понедельник символизируют собой начало периода покаяния, прощения и очищения.

⁷⁷ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 10 сентября 1952 года.

И был приятно награжден.
Пред ним, доколь хватало взором,
Как на параде, в ритме строгом,
Висел портретов длинный ряд
Игореведческих наяд⁷⁸.
У изголовья ж оттоманки,
Стоявшей в тени груды книг,
Увидел он (счастливый миг!)
Фигуру голой половчанки.
И тотчас мысль пришла на ум
Поднять в ученом мире шум...

10 сентября 1952 года

По версии Творогова, именно Малышев разыграл своих ленинградских коллег, пустив басню⁷⁹ о том, что фигура половчанки создавалась с портрета Н.Н. Масленниковой. О «шуме», который «Онегин» поднял в ученом мире, можно понять из писем к псковскому древлехранителю.

1 августа 1952 года Дмитрий Сергеевич отправил Творогову открытку: «Привет, дорогой Леонид Алексеевич! Какие у Вас новости? Отчего не пишете? Не стали ли Вы гордым? Мне милый Влад[имир] Иванович писал, что был у Вас и просил для Левы Дмитриева изображение Масленниковой. Откуда Вы его достали?.. Я живу на даче. Здоровье мое стабилизировалось. Немного хандрю и думаю о бренности всего земного. Вот скоро выйдет «Слово о полку Игореве», подготовленное Левой⁸⁰. Интересно, что там... Ваш (ДЛихачев)»⁸¹. Седьмого числа Владимир Иванович писал в Псков и несмотря на значительную разницу в возрасте⁸² обращался на «ты»: «Дорогой Леонид Алексеевич! Посылаю новые экспонаты для твоего музея «Слова

⁷⁸ Черновой вариант: «Всех тех, кто «Слово» брал в подряд». Речь о портретах исследователей «Слова о полку Игореве».

⁷⁹ «Басня» (в значении 'шутка, выдумка') — одно из характерных слов для языка писем В.И. Малышева. См. его письма к Л.А. Творогову: ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509, 509-а.

⁸⁰ «Слово о полку Игореве» / вступ. ст. Л.А. Дмитриева и В.Л. Виноградовой; подгот. текста и коммент. Л.А. Дмитриева. Л., 1952.

⁸¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Открытка от 1 августа 1952 года.

⁸² В.И. Малышев младше Л.А. Творогова на десять лет.

о полку Игоре»». Если некоторые из них уже есть, то передай их в музей И.Н. Ларионову⁸³. В Ленинграде очень заинтересовались скульптурным изображением Н.Н. Масленниковой»⁸⁴. После холодных деловых писем Леонида Алексеевича Владимир Иванович вынужден вернуться к обращению на «Вы». 16 числа он писал псковскому коллеге: «Дорогой Леонид Алексеевич! Посылаю Вам шесть листов своего Батория⁸⁵, остальные два листа дошлю в понедельник. Прошу быстро, но очень внимательно прочесть листы со всех сторон (фактической, стилиевой и проч. и проч.). Все замечания постараюсь учесть. Учтите только, что листы еще не были в руках корректора, да и я их еще не смотрел: из издательства потащил прямо на почту, чтобы отправить скорее Вам. Другим пока их не показывайте... Обратите внимание на расстановку знаков препинания, словом, на всё. На читку даю Вам два дня: по четыре листа на день хватит. Замечания прошу делать простым карандашом на полях рукописи, а иные в письме... Как [на резную скульптуру] реагирует Наталья Николаевна?»⁸⁶ Леонид Алексеевич добросовестно выполнил очередную просьбу Владимира Ивановича и вернул корректору со своими замечаниями заказной бандеролью. 19 августа Малышев прислал Л.А. Творогову на вычитку очередную часть своей рукописи: «Дорогой Леонид Алексеевич! Посылаю конец Стефана Батория и жду срочного возвращения назад. Скоро к Вам придет Л.А. Дмитриев посмотреть скульптурное изображение своей возлюбленной. С ним постараюсь чего-нибудь передать для музея «Слова о полку Игоре»»⁸⁷.

Решение сложить эпиграмму Творогов принял после того, как получил совместное письмо В.И. Малышева и Д.С. Лихачева. Лео-

⁸³ Иван Николаевич Ларионов (1992–1981) — сотрудник Псковского музея, с 1955 года — директор.

⁸⁴ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509. Письма В.И. Малышева. Письмо от 7 августа 1952 года.

⁸⁵ Речь о готовящейся к изданию книги В.И. Малышева: Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков / подгот. текста и статьи В.И. Малышева; отв. ред. Д.С. Лихачев. М. ; Л., 1952. См. с. 30–31: «При подготовке «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков» я пользовался любезной помощью... старшего научного сотрудника Псковского областного музея Л.А. Творогова, сообщившего мне ряд ценных сведений».

⁸⁶ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509. Письмо от 16 августа 1952 года.

⁸⁷ Там же. Письмо от 19 августа 1952 года.

нид Алексеевич досадовал, что Дмитрий Сергеевич встал не на его сторону. Корреспонденция, составленная в Отделе древнерусской литературы 28 августа 1952 года, начинается рукой Владимира Ивановича: «Дорогой Леонид Алексеевич! Сейчас получил от Вас письмо. Спасибо. Жду библиографию...⁸⁸ ...В Н.Н. Масленникову влюбились, заказали ее скульптурное изображение, а теперь сваливаете на меня: я-де это выдумал. Стыдно с больной головы на здоровую сваливать. Вот сидящие [рядом] люди говорят, что Вы даже стихи ей посвящали, меня Вы в это не посвятили. Жду [библиографию]. Поклон. (ВМалышев)». На следующей странице — рукой Д.С. Лихачева: «Привет, дорогой Леонид Алексеевич! Не думайте, что я невежа, не ответил. Просто: надо было сговориться с Влад[имиром] Ивановичем. Нат[алье] Ник[олаевне] я ничего не сказал и не скажу. Пусть себе висит ее изображение у Вас. Она девица славная. Только декольте ей прикройте (неудобно). Привет! (ДЛихачев) [P.S.:] Попросите музейных дев сшить для Нат[альи] Ник[олаевны] бюстгальтер (для деревянной, а не живой, конечно)». На следующей странице того же письма приветы еще троих сотрудников Отдела⁸⁹. Леониду Алексеевичу стало ясно: анекдот Малышева «про половчанку» продолжал получать распространение.

10 сентября 1952 года Творогов послал Лихачеву эпигramму «Онегин, будучи во Пскове...» («Отрывок шестой») со следующим сопроводительным текстом: «Дорогой Дмитрий Сергеевич! Разве Вы не видите, что милейший Владимир Иванович деревянной Наталией Николаевной разыгрывает Льва Александровича [Дмитриева]? Никакого ее резного изображения у меня, конечно, не было и не могло быть. Правда, в моем музее «Слова» имеется, как я уже писал Вам, резное изображение пленной половчанки («Красной девы половецкой»⁹⁰). Но при чем же тут Наталья Николаевна? Боюсь, что Владимир

⁸⁸ Очередная просьба Малышева к Творогову в связи с подготовкой нового издания. Владимир Иванович использовал присланную из Пскова библиографическую справку при работе над справочным разделом книги: Библиография // Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952. С. 128–132.

⁸⁹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509. Письмо В.И. Малышева, Д.С. Лихачева и др. от 28 августа 1952 года.

⁹⁰ Прекрасные половецкие девы неоднократно упоминаются в «Слове». См., напр.: «Русичи... помчаша красныя девкы Половецкыя» // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 55.

Иванович создал моему музею «соблазнительную честь»... Желаю Вам всего доброго. Привет всем Вашим, в особенности, Галине Федоровне [Граменицкой], Владимиру Валериановичу [Данилову], Льву Михайловичу [Добровольскому], Льву Александровичу [Дмитриеву] и виновнику всей кутерьмы — Владимиру Ивановичу [Малышеву]. М.б., Вы пришлете мне что-нибудь для моего музея «Слова»? Ваш (ЛТворогов). [P.S.:] Тобик шлет Вам свой привет, хотя и не знает Вас. Будете во Пскове, дадите ему косточку. Это миленький песик, который понравился даже Владимиру Ивановичу, не признающему вообще никаких собак, кроме академических и тех, которых вешают ему на шею и которых он сам «съел» по своей профессии (см. поговорку «съел собаку»)⁹¹.

Леонид Алексеевич предполагал, что Дмитрий Сергеевич покажет письмо Малышеву. 22 сентября псковский археограф отправил Владимиру Ивановичу примирительное стихотворение:

...Не знаю, что случилось с Вами,
Но Вы молчите столько дней.
Я ждал письма. Судите сами,
Какой удар душе моей.
Быть может, Вы на Псков в обиде?
Иль я предстал в недолжном виде?
Иль то, что намекнул в стихах
О Ваших маленьких грехах?⁹²
Так знайте, в практике туманной
Стих согревает нам тела,
Когда горит в печи до тла.
Но при сгораньи, как ни странно,
Ямб больше, нежели хорей,
Дает тепла душе моей...
Я не оправдываюсь. Боже!
Здесь я ни в чем не виноват.
Так напишите же, за что же

⁹¹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Черновик письма от 10 сентября 1952 года.

⁹² Примечание Л.А. Творогова: «см. мое письмо Д.С. Лихачеву».

Я должен мучиться? Я рад,
Что написал случайно, к слову,
О всём, что было, к Лихачеву.
Но имя Ваше не открыл:
Им, верьте мне, Онегин был.
Чтоб убедить Вас в этом деле,
Я Вам цитирую письмо
К Д. Лихачеву. Вот оно!
(Я сам писал. И не жалею.)
«Онегин, будучи во Пскове...
Зашел в музей о древнем «Слове»...⁹³
Затем в письмо затерся Тобик.
Как он попал, не знаю я.
Что ж, может быть, собачий лобик
Тут мыслит более меня.
Затем в письмо вползли собаки
И очевидно только бяки,
Которых вешали на Вас
В пылу критических проказ.
Иль те, которых Вы же съели
(Простите за нескромный тон,
Но здесь столь кстати будет он),
Когда Вы над трудом корпели.
Ну вот и всё. Вам руку жму
И жду музею снимков тьму⁹⁴.

22 сентября 1952 года

Последняя строчка стихотворения — о портретах исследователей «Слова о полку Игореве». Владимир Иванович периодически высылал фотографии, откликаясь на просьбы Творогова.

Примирение с Малышевым состоялось. В корреспонденциях Владимира Ивановича конца 1952 года чувствуется намерение к дружескому

⁹³ Полностью воспроизведен «Отрывок шестой» из письма к Д.С. Лихачеву от 10 сентября 1952 года.

⁹⁴ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 510. Черновик письма от 22 сентября 1952 года.

сближению. См., например, письмо от 28 декабря: «Дорогой Леонид Алексеевич! ...Что у Вас нового? Как здоровье, как дела? Сейчас у меня был Л.А. Дмитриев, ходили с ним по Елагину острову до самой Стрелки, до самых львов. Вышла его книжка по «Слову о полку Игореве» (большая серия «Библиотеки поэта»). Я просил его послать Вам экземпляр. Л.А. обещал, и обещал выслать Вам фотографии [М.О.] Скрипиля и [И.П.] Еремина. Разорение Вам на две рамочки дубовых. Здорово ли ругают мою книжечку в Пскове? Кто и за что? ...Как дела с Поганкиными палатами? ...Мы приступили к формированию Х т. Трудов ОДРЛ⁹⁵ (т. IX находится в наборе⁹⁶). Может быть, возобновим разговор о [Вашей] статье? Можно сузить тему — «Рукописи литературного содержания Псковского музея»⁹⁷. ...Подумайте и сообщите. Я до 9 января живу по указанному на конверте адресу (сильно заболел академический желудок)... Известный Вам аракчеевец⁹⁸ (ВМалышев)». Адрес на конверте: «Ленинград... Набережная большой Невы, д. 22. Клинический желудочный санаторий, палата № 23»⁹⁹.

Последние обнаруженные нами стихотворения Л.А. Творогова, адресованные Д.С. Лихачеву, не относятся к циклу «Неизвестных отрывков из «Евгения Онегина».

В письме от 4 января 1957 года псковский ученый колко отозвался на применяемое его ленинградским коллегой понятие *ритмической организации прозы* при анализе отдельных старинных текстов. Псковский археограф заблуждался, думая, что ритмическая (мерная) проза — это термин современного ему литературоведения. В действительности понятие встречается и у горячо любимого Л.А. Твороговым И.И. Срезневского еще в первой половине XIX века. Так, в «Мыслях об истории русского языка» (1849) читаем: «Мерная проза старинных сказок у всех

⁹⁵ Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1954. Т. X.

⁹⁶ Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1953. Т. IX.

⁹⁷ В 1955 году при активной содержательной помощи Л.А. Творогова В.И. Малышев (после командировки в Псков, к Творогову) издаст статью о рукописном собрании Псковского музея: *Малышев В.И.* Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л., 1955. Т. XI. С. 471–479.

⁹⁸ В письмах к разным корреспондентам Л.А. Творогов неоднократно называл В.И. Малышева «аракчеевцем». Мы уже писали об этом: *Егоров А.А.* Переписка Л.А. Творогова с М.П. Алексеевым. С. 141–160.

⁹⁹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 509. Письмо от 28 декабря 1952 года.

славянских народов представляет... осязательное доказательство тому, что... у славян издавна принято было в расчет различие слогов долгих и коротких; на основании возможности уравнивать по несколько слогов коротких с одним долгим образовывались мерные фразы сказочного рассказа»¹⁰⁰. В основе эпиграммы Творогова лежит убежденность последнего в правомерности безоговорочного применения понятий «поэзия», «стихи», «поэма» к памятникам древнерусской литературы, в первую очередь — к «Слову о полку Игореве». Размышления Лихачева о том, что «Слово» — многожанровое произведение и содержит в себе прозаическую составляющую, вызывали у Леонида Алексеевича явное раздражение. Своей эпиграммой 1956 года, оформленной не столбцом, а единым абзацем, Творогов демонстрирует простую мысль: не всё, записанное прозой, есть проза.

«Пишу письмо Вам мерной прозой...»

Пишу письмо Вам мерной прозой. Вас бросит в дрожь. Вас кинет в жар. Мурашки побегут по коже: Академический удар. Поверьте старому поэту: На свете мерной прозы нету. Ее придумал пьяный бред, [Торжеств, банкетов, празднеств] след. Клин, знаем, клином вышибают. Напейтесь вновь (грехи, грехи), Разбейте «Слово» на стихи, И тотчас солнце воссияет, И с глаз спадет духовный мрак Академических макак.

Мои каракули плохи.
Но проза эта — есть стихи.

4 января 1956 года

Начиная с 1957 года, Творогов периодически писал Лихачеву от имени своих домашних питомцев (собак Тобика и Дианочки). Дмитрий Сергеевич живо откликался на подобные шутки. Первый раз — в письме от 5 октября 1957-го, в преддверии юбилея Сектора древнерусской литературы. В этой корреспонденции, полной игры и юмора,

¹⁰⁰ См.: *Срезневский И.И.* Мысли об истории русского языка: читано на акте Императорского Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1849 года. М., 1959. С. 73.

заведующий¹⁰¹ Сектором и член-корреспондент¹⁰² АН СССР Лихачев от-
крывается с нетипичной для него стороны.

Д.С. Лихачев — Тобику и Дианочке Твороговым
(5.10.1957, Ленинград)¹⁰³

Дорогие Тобик и Дианочка!

Правление Союза писателей, прослышав о ваших поэтических талантах, приглашает вас принять участие в работе Союза. Сектор древнерусской литературы приглашает вас принять участие в его работе и составить слова к кантате в честь его готовящегося двадцатипятилетия. Отдел археографии Сектора просит посвятить стихи его бессменному заведующему В[ладимиру] И[вановичу] Малышеву. Заведующий отделом «Слова о полку Игореве» в Секторе — Л[ев] А[лександрович] Дмитриев жаждет услышать оду в свою честь. Ученый секретарь Трудов Отдела древнерусской литературы Марина Алексеевна Салмина просит прислать ей одной посвященные стихи. Ученый секретарь Сектора С[ергей] Н[иколаевич] Азбелев также просит, если не оды в свою честь, то сонета. Добиваются признания просвещенных поэтов Галина Николаевна Моисеева, Руфина Петровна Дмитриева-Питолина, Надежда Феокистовна Дробленкова и многие, многие другие, в хвосте которых вы можете заметить и меня.

Оды, кантаты, сонеты, поэмы, мадригалы, канты, элегии просим направлять означенным лицам на адрес Сектора.

Восхищенный и пораженный вашими талантами ваш покорный слуга

Д. Лихачев, великий хартофилак¹⁰⁴ замершего в ледяном академизме Сектора архаических мечтаний.

¹⁰¹ С 1954 года.

¹⁰² С 1953 года.

¹⁰³ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479. Письмо от 5 октября 1957 года. Датируется по штемпелю на конверте. Конверт: «Псков. Октябрьская 38/30, кв. 31. Тобику и Дианочке Твороговым». Адрес отправителя: «Л-д. Басков-35, кв. 10. Лихачев».

¹⁰⁴ «Страж хартий» (греч.), древлехранитель в средневековой Византии.

Интенсивная в 1940-х — первой трети 1950-х годов переписка Леонида Алексеевича и Дмитрия Сергеевича¹⁰⁵ с конца 1950-х будет постепенно замедляться (по выражению Творогова — «погружаться в мертвый сон»). Друзья станут всё больше отдаляться друг от друга. Исключительно нежные, трогательные, братские ноты в эпистолярных обращениях Лихачева к Творогову в значительной степени сменяются этикетными поздравлениями по случаю праздников и юбилеев. И всё же, несмотря на длительные периоды охлаждения взаимного интереса, оба корреспондента сохраняют теплое платоническое чувство друг к другу. Уже на материале настоящей публикации мы видим, насколько содержательна, напряженна и уникальна неизданная переписка Творогова и Лихачева.

Много ли у Дмитрия Сергеевича корреспондентов, к которым он обращался «Привет!»¹⁰⁶, кому он позволял писать «самые резкие письма»¹⁰⁷, кого несмотря ни на что прощал и любил, кому год от года представлялся другом и обещал немедленно приехать на встречу в другой город при первой же телеграмме?¹⁰⁸

22 августа 1976 года, разбирая личный архив, Творогов случайно обнаружил черновик¹⁰⁹ своего последнего стихотворения, посвященного Дмитрию Сергеевичу. В тот же день псковский археограф переписал текст с оригинальной рукописи 1960 года и отправил¹¹⁰ его своему ленинградскому другу, академику Лихачеву.

¹⁰⁵ Пик интереса двух корреспондентов друг к другу приходится на вторую половину 1940-х годов.

¹⁰⁶ Напомним, что уже процитированные нами письма от 1 и 28 августа 1952 года начинаются с приятельского обращения «Привет!»

¹⁰⁷ Письмо Д.С. Лихачева от 10 июня 1949 года.

¹⁰⁸ См. корреспонденцию с обещанием Лихачева Творогову от 24 марта 1959 года (ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 479).

¹⁰⁹ ПГОИАХМЗ. ДХ. Ф. 766. Д. 483. Рукопись стихотворения «Когда-то я писал стихами...», посвященного Д.С. Лихачеву, 6 января 1960 года.

¹¹⁰ Там же. Черновик письма от 22 августа 1976 года.

* * *

Д.С. Лихачеву

Когда-то я писал стихами.
Вы шуткой отвечали в тон.
Прошли года, и между нами
Всё погрузилось в мертвый сон.

Не верьте, будто я старею.
Я молод, молод как всегда.
Влюбляюсь раза три в неделю,
А то и больше иногда.

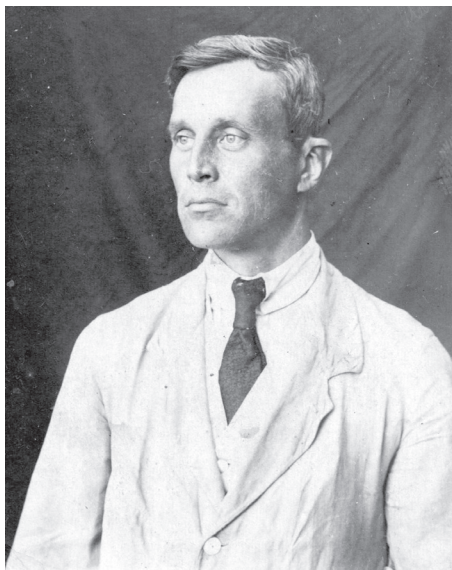
Предмет моей любви невинной
Живет и не один уж век
В огромной книжице старинной,
Что создал людям человек.

И в легком сне очарованья
Я забываю всё вокруг.
Прости невольное молчанье,
Мой близкий и далекий друг.

6 января 1960 года, Псков

Приложение

*Л.А. Творогов.
Конец 1930-х —
начало 1940-х годов*

*Д.С. Лихачев.
1940-е — начало 1950-х годов*

Тобик, Л.А. Творогов, Полкаля. 1951 год

Л.А. Творогов. 1960-е годы

*Фотопортрет,
подаренный
Д.С. Лихачевым
Л.А. Творогову. 1954 год*

*Древлехранилище Псковского музея.
Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, А.М. Тур, Л.А. Творогов, О.В. Творогов.
1972 год*

ПУТЕШЕСТВИЕ М.С. НАЗИМОВОЙ ИЗ ПСКОВА В ВОРОНЕЖ И ОБРАТНО В 1833 ГОДУ

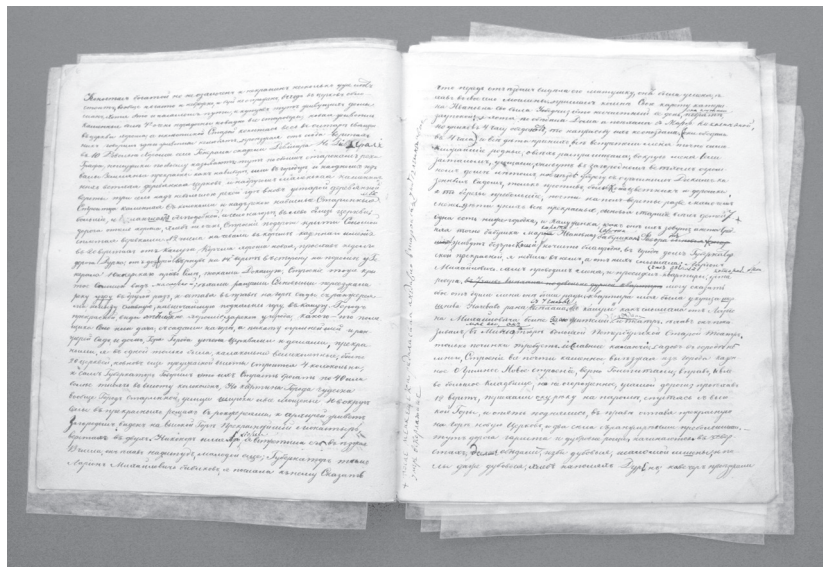
Комментарии к травелогу пушкинского времени

Дневник путешествия, о котором пойдет речь, преподнесли в дар Псковскому музею в 1974 году потомки Назимовых — семья Баулер, сестры Наталья и Ксения дочери Марии Ильиничны Назимовой, тетки Михаила Назимова. История семьи Баулер заслуживает отдельного сообщения. Достаточно сказать, что обе женщины были арестованы в 1933 году по лжедоносу и осуждены на долгие годы. По счастливой случайности архив Назимовых уцелел, и музей стал обладателем большого количества фотографий, книг и некоторых дневниковых записок. Сегодня обратимся к одной рукописи из подаренного музеем собрания.

Путешествие как явление в России появилось 200 лет назад. Русские начали смотреть на свою страну как на предмет для всестороннего изучения только со второй четверти XIX века. В 1791 году Николай Михайлович Карамзин в опубликованных «Записках русского путешественника» пристыдил русского человека, который с удовольствием отправляется путешествовать в Европу и совсем не знает своей страны. Его «История государства Российского» открыла шлюз для путешественников в огромную и неизведанную российскую вселенную.

А.С. Пушкин написал, что «древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом»¹. Эта находка с неизбежностью повлекла за собой стремление к открытию исторического значения в памятниках старины, народных обычаях и многом другом. Иван Аксаков едет изучать повседневную жизнь русского народа и других народов России, Петр Киреевский собирает народные песни, Шевырев отправляется выявлять в далеких монастырях художественные ценности и исторические документы, Андрей Муравьев находит необычайную красоту в православном богослужении и описывает святы места России, Гоголь изображает мир русской провинции, Соллогуб делает главным героем своего повествования саму русскую дорогу с бесконечной

¹ См.: Александр Сергеевич Пушкин — критик. Из статей, заметок, писем, дневников: сборник / сост. Е.Н. Лебедев, В.С. Лысенко; примеч. В.С. Лысенко. М., 1978.

Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж 1833 года в июне, июле и августе месяцах и обратно.

Псковский историко-художественный музей-заповедник (ПИХМЗ).
Древлехранилище. Ф. 431. КП-8680. РУК-30

сменой картин и образов... Итак, во второй четверти XIX века происходит буквально взрыв интереса к путешествиям по России. Словно проснувшись после долгого сна, творческие люди видят перед собой огромную, таинственную и прекрасную страну — Россию². У прогрессивной части русского общества рождается стремление лучше узнать Россию и, несмотря «на безобразную подчас действительность»³, странствовать по ее просторам. Служивший чиновником в Министерстве внутренних дел Иван Аксаков писал своему отцу в начале 1849 года: «Я хочу ездить по России, и только!»⁴ В XIX веке не было никакой инфраструктуры для удобства путешествующих. Владимир Соллогуб в своей повести

² См.: Борисов Н. Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья. М., 2010.

³ См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888–1896.

⁴ Там же.

«Тарантас» отмечал: «Отправиться из Москвы в путешествие по России, всё равно что в какие-то Мордасы»⁵.

Путников ждали бездорожье, отсутствие трактиров, постоянных дворов, навигации и путеводителей. Многие путешественники вели дневниковые записи, почти ежедневно и соблюдая хронологию событий, несмотря на внешние обстоятельства, такие как погода, состояние здоровья, местонахождение.

Целью настоящего сообщения является выявление особенностей дневника-рукописи, травелога XIX века, который хранится в Древлехранилище Псковского музея-заповедника⁶.

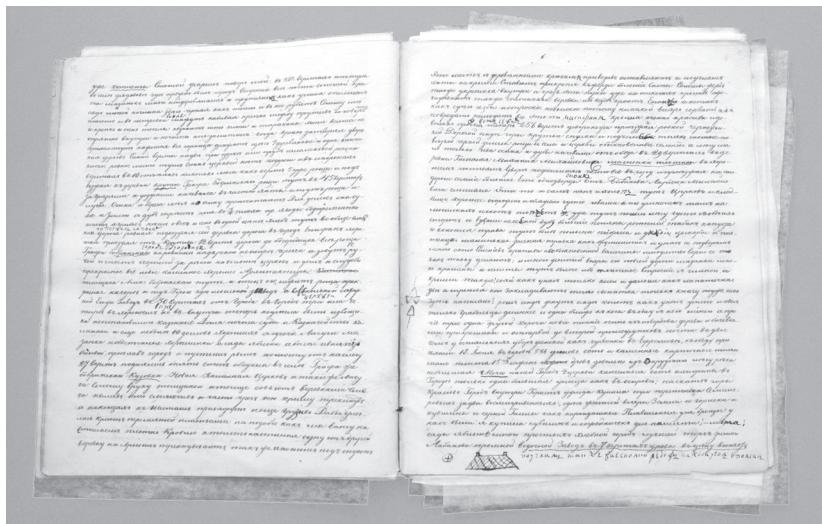
Паломнический травелог, написанный женщиной, — уникальный исторический документ, сочетающий личные переживания и культурные наблюдения. Дневниковые записки принадлежат Марфе Степановне Назимовой (Шишковой), матери Михаила Александровича Назимова. Записки охватывают период ее путешествия с июня по август 1833 года из Пскова в Воронеж и обратно. Дорожное одиночество, оторванность от привычного уклада жизни пробуждают потребность в творчестве. Так рождаются путевые заметки и дорожные романы. Путешествия с их неожиданными встречами, откровениями случайных попутчиков, идеальными условиями для наблюдения над привычками и поведением человека всегда были живой водой для любопытных путешественников.

Одно примечательное суждение, из письма Луизе Коле 27 марта 1853 года: «Путешествуя, учишься скромности, понимаешь, как мало места ты занимаешь в мире».

Марфа Степановна отправилась в дорогу со своей компаньонкой Марфой Николаевной. Возможно, записи вела именно она, рукопись написана мелким, каллиграфическим «бисерным» почерком, и позже в тексте сделаны многочисленные пометы почерком более небрежным, грубым, жирными чернилами — исправлены имена и фамилии, названия рек и сел. Нужно учитывать, что на момент путешествия Марфе Степановне Назимовой был 71 год, вероятно, она диктовала свои впечатления более молодой попутнице. Но стилистика написания, оборо-

⁵ См.: *Соллогуб В.А.* Тарантас. М., 1955.

⁶ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж 1833 года в июне, июле и августе месяцах и обратно // Псковский историко-художественный музей-заповедник (ПИХМЗ). Древлехранилище. Ф. 431. КП-8680; РУК-30.

Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж 1833 года
в июне, июле и августе месяцах и обратно.
ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 431. КП-8680. РУК-30

ты речи, яркие впечатления, конечно же, принадлежат самой хозяйке дневника.

Подготовка к путешествию являла собой бесконечную суету и заканчивалась формированием огромного багажа, обеспечивающего душевный и материальный комфорт. По окончании сборов процессия путешественников нередко представляла собой весьма внушительное зрелище. «Нам недоставало лишь несколько слонов, чтобы изобразить индийскую армию», — саркастически замечала англичанка Кэтрин Уилмот (Вильмот)⁷.

Итак, путь из Пскова начался 15 июня 1833 года. Ехали не спеша, заночевали у Николая Степановича Карамышева. В сильную грозу 25 июня остановились в поместье Николая Ивановича Крекшина, который владел усадьбой на реке Сороти⁸.

⁷ Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987. С. 306.

⁸ Николай Степанович Карамышев (1769–?) — генерал-майор, псковский губернский предводитель дворянства; Николай Иванович Крекшин (1783 —

Марфа Степановна проехала Никандрову пустынь, Боровичи, Новоселье, Сольцы, Старую Руссу и 2 июля прибыла в город Осташков на подворье Нилово-Столбенской пустыни. «Сыскав живописца Митина, отправились в Нилову пустынь. К обеду и прибыли. Не говорю о ней много, нового там окромя церкви прекрасной и набережной из близ найденного граниту, еще церковь на берегу. Генеральша Рукина⁹, исцелившаяся от ужасной беременности недавно, выстроили и уже осветили нынче во имя Архангела Михаила. Это чудо всем известно»¹⁰. «Чудо» Марфа Степановна описала на полях своих Заметок: «Три года носила и родила уroda ужасного. Была и за границей, и на водах, и в Москве лечилась. Бесполезно. Помолясь Угоднику только, в ту же ночь и родила».

«Выехали в 4 в сильный ветер, но доехали безвредно. На то же подворье Ниловское приехали Николай Степанович и Марья Ивановна Карамышева. Переночевали, и 5 июня, отслушав раннюю обедню в соборе, выехали они в Нилову, а мы в свой путь. Заехали на полчаса к Митину, он нам наготовил в дорогу пирог сладкий и ягод, и рыбы. Тут я получила через игуменью Знаменскую от Дмитрия Никитича письмо, что дети его — одно в деревне, а Илья мой — в Берлине»¹¹. Речь идет о сыне Марфы Степановны, Илье Александровиче Назимове, который в 1831 году принимал участие в подавлении Польского восстания и к 1833 году находился уже в Берлине.

Для нас интересно упоминание художника Митина.

Известные художники Иван и Андрей Митины расписывали многие храмы: в Великом Новгороде — Успенский собор Валдайского монастыря (1834), до наших дней дошли росписи купола Богоявленского собора Ниловой пустыни (1830-е).

На тот момент семья Митиных насчитывала минимум десять человек. К старшему поколению относился Иван Алексеевич Митин 1799 года рождения, входивший в верхушку осташковского купечества. Митины, кроме того, один из старейших в Осташкове род, в котором по наследству передавалось иконописное мастерство. Родоначальник этой

после 1848) — участник Отечественной войны 1812 года, исполнял обязанности губернского предводителя до 1841 года.

⁹ Мария Ивановна Рукина, вышневолоцкая помещица.

¹⁰ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 1.

¹¹ Там же. Игуменья Знаменская — игуменья Мария (Игнатьева), настоятельница Знаменского женского Осташковского монастыря; Дмитрий Никитич Бегичев (1786–1855) — тайный советник, воронежский губернатор.

Ржев. Дом Образцовых

династии Макарий Потапов был в числе художников, вызванных царем Алексеем Михайловичем в 1672 году в Москву для иллюстрирования «Титулярника». Возможно, именно он стал автором первого прижизненного портрета Петра Первого¹².

Далее путь держали на Ржев Владимирский, через «прекрасные рощи, церкви. Проехали в брод две реки Коши — Большую и Малую. Большая судоходная, а Малая очень мелка. Ехали вдоль Волги, любовались английскими садами, оранжереями. Дорога гориста, неровна. Ехать и спускаться хорошо. Во всю дорогу прекрасные селы, церкви и рощи над самым городом. В 20 верстах от ночлегу, за грязью и погодою, от дурной дороги, 7 июня приехали в Ржев. Въезд в город ничего не обещал: капустные огороды и конюшни казенные. Первое в глазах — большие корпуса по берегу, а на площади прекрасные дома, и площадь обширная. Лучшие прекрасные два дома одной архитектуры купца Петра Михайловича Образцова, советника коммерции»¹³.

Купцы Образцовы, Петр Михайлович и Василий Михайлович, были известными людьми. Как пишут «Тверские епархиальные ведомости»

¹² См.: Некрасов В. Тверские иконописцы XIX столетия и конца XVIII. Тверь, 1905.

¹³ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 2.

за 1894 год, городской глава Василий Михайлович Образцов в 1824 году принимал в своем доме императора Александра I. Царь гостил несколько дней и подарил жене Василия Михайловича Марфе Тимофеевне ожерелье. В 1867 году Василий Михайлович создал театр в своем доме, его вложениями была устроена церковь Николая Чудотворца. В 1875 году Образцовыми открыта писчебумажная фабрика, для которой на фирме «Адольф Блейхерт и Ко» из Лейпцига во Ржеве была сооружена проводочная канатная дорога, по ней на фабрику со станции и обратно доставлялась готовая продукция и материалы.

Город Ржев привел Марфу Степановну в восторг, это читается в каждой строчке. «Великолепный город, где площадь зовут Владимирской, а за Волгою Федоровской. Здешний город преобширный и весь в горах. И с площади спуск на Волгу предлинный. Строения прекрасные и церкви снаружи великолепные. Два моста через Волгу на плашкоутах (плоскодонное судно для наводного моста), берега и горы кремнистые, спуск отлог, но каменист. Есть хорошие дома всё более каменные, много кирпичных церквей, более десяти в городе, на Федоровской стороне — новейшие. Выехав за город, много казенных магазинов, конюшен и сараев и канатные фабрики. Версту проехав, село, не помню чье, огромное, как лучшая дача, в яблонях. Рассажено, верно, десятины две или более в линию, а между ними в рядах капусту и коноплю с нею сеют. Дорогою прекрасные села, и церкви и рощи»¹⁴.

Главной на дороге была тройка с ямщиком, и судьба путешествующих полностью зависела от извозчика. Астольф де Кюстин, французский путешественник, автор книги «Россия в 1839 году», был поражен той скоростью, с которой его прокатали ямщики по тракту Москва — Петербург. В своей книге он весьма любопытно описывает русского ямщика: «Русский ямщик, одетый в толстый суконный кафтан, с первого взгляда кажется жителем Востока; в том, как он вскакивает на облучок, заметно азиатское проворство. Изящество и легкость, быстрота и надежность, с какими он правит живописной упряжкой, живость малейших его движений, ловкость, с какой он соскакивает на землю, его гибкая галия, его стать, наконец, весь его облик вызывают в памяти самые грациозные от природы народы земли»¹⁵. Ямщик — обязательный персонаж русской литературы первой половины XIX века. Однако роль,

¹⁴ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 3.

¹⁵ См.: *Де Кюстин, А.* Николаевская Россия. М., 1930.

которая ему отводится, не слишком оригинальна. Как правило, это плутоватый и алчный мужик, требующий со всякого проезжающего кроме обычной платы денег «на водку».

Марфа Степановна часто в своем дневнике описывает ямщиков и дороги. «Дорога тут еще хуже — болота и кочки, я от качки едва сидеть могла, дорога разбита, уланские полки и гурты волов идут»¹⁶. «Подъезжая к городу ужасная грязь, узкая насыпная фашинником¹⁷ дорога; в город въехав — узкая улица, худо мощена плитами»¹⁸. «Земля чернозем, но это глины, так что выходя и поднимаясь на две горы, от башмаков не отбить, а засохнет как куски свинца на колесах, ибо после дождя»¹⁹. Иван Аксаков очень схоже замечает о своем пребывании в Астрахани: «Одно скверно здесь: это несносная грязь по улицам, хотя, впрочем, везде устроены деревянные тротуары для пешеходов; но когда переходишь через самую улицу, то нередко оставляешь в грязи свои калоши»²⁰. «Переехали Язу вброд с большой опасностью для кареты. Едва не перетонули, почти вплавь шла телега, ибо от дождей вода преужасная и мы едва переехать успели, и карета почти до кузова погрузилась, почти все передние колеса были в воде»; про ямщиков-извозчиков — «добрый извозчик сыскал нам эту квартиру, а мои пьяные — не нашли бы»; «река Угра под городом, где пьяный перевозчик едва не утопил карету». Впрочем, ямщик мог проявлять и более симпатичные черты: удаль, глубокомыслие, мужество, великодушие. И сверх этого ямщик любил петь какие-то свои, протяжные, как волчий вой, и бесконечные, как степь, песни. Нужно заметить, что в первой половине XIX века существовало несколько видов колесных экипажей: карета, коляска, бричка, кибитка, тарантас. Хорошая карета была дорогим удовольствием, а мастера-каретники были известны всей Москве. Однако с русскими дорогами не могли совладать и самые лучшие экипажи.

Марфа Степановна с топографической точностью фиксирует путь, все 1 500 верст²¹. Бесценным информационным источником являются

¹⁶ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 5.

¹⁷ Фашинник — связка прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами), веревками или проволокой.

¹⁸ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 4.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах.

²¹ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 45.

описания церквей и соборов, многие из которых уже безвозвратно утрачены. В записях подробно говорится об архитектурных особенностях храмов, святынь, устройстве иконостасов, о храмовых иконах, церковных украшениях. Например, когда 9 июня путешественники прибыли в Гжацк (Гжатск, сейчас Гагарин), Марфа Степановна побывала в церкви Казанской Богородицы: «Церковь великолепная. Образ Дмитрия Ростовского старинный, такой же, как у меня из Ростова. Я говорю о том, что в Быстрецове, в алтаре»²². В городе Юхнове замечает «собор на площади Казанской Богородицы старинной архитектуры, образ святого Митрофана в рост, просто, но хорошо изображен; живописный иконостас на псковскую нашу Успенскую (имеется в виду церковь Успения Богородицы с Полонища в Пскове) много похож»²³.

13 июля путешественники прибыли в Калугу, где губернатором был Илларион Михайлович Бибилов²⁴, сын псковского вице-губернатора Михаила Ивановича. Илларион Михайлович Бибилов был знаком с А.С. Пушкиным. 14 ноября 1830 года, во время эпидемии холеры, Александр Сергеевич испрашивал у него дозволения для выезда из Болдина в Москву. Это дозволение было получено, так как 5 декабря Пушкин уже был в первопрестольной. Калужским губернатором Илларион Михайлович стал 1 октября 1831 года. Годы его губернаторства были годами экономического процветания губернии. В 30-х годах XIX века Калуга по торговле не только могла сравниться с известнейшими российскими промышленными городами, но даже превосходила их. «Я послала ему сказать, что перед отъездом видела его матушку, она была у меня. Илларион Михайлович прислал ко мне свою карету. Катерина Ивановна²⁵, его жена, была у обедни; это несчастный ее день, она служила по брату за упокой; я, хоть и пообедала дома, а поехала с Марфой Николаевной. Но у них в четвертом часу обедают, и на просьбу их — не опоздала. Все дети при них, все встретили меня, точно самую ближайшую родню, о всех расспрашивали, вокруг меня сели за столом; летом живут в загородном огромном доме, у берега, с огромным диким казенным садом, против балкона — цветник и дорожки, и березы

²² Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 4.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Илларион Михайлович Бибилов (1793–1860) — сенатор, калужский губернатор (1831–1837).

²⁵ Екатерина Ивановна Муравьева (1795–1861) — сестра трех братьев-декабристов.

пребольшие, почти на полверсты. Дети у них все прекрасные. Дочери — нижегородка и калужанка, как они их зовут, Анетта²⁶ — средняя точно бабушка Маргарита Ивановна, Сережа бабушкин фаворит. Живут без роскоши, но чисто. В городе дом губернаторский прекрасный, я не была в нем, но от них слышала. Ларион Михайлович сам проводил меня и просидел еще час в моей квартире, которая была у старовера. Могу сказать от всей души — мне они были рады»²⁷.

Продолжив путешествие и отъехав 10 верст, Марфа Степановна описывает владения графа Бобринского. «За рекою на высоте церковь и дом, прекрасное всё, новое и каменное, хорошей архитектуры помещика Бобринского, тут и отец его лежит. Рожь прекрасная на горе и под горою, где мыльный завод, а свекольно-сахарный его же завод в 30 верстах от города Богородска. В городе церковей три или четыре в хорошем вкусе, но внутри теперь не успела быть, извозчики не остановились, казенные. Дом почты, суды и казначейство каменные и еще не более 10 домов хороших».

Надо сказать, что имение Бобринских — великолепный усадебный ансамбль. Первый в России пейзажный парк строился по проекту начинающего архитектора Ивана Егоровича Старова в 1770–1783 годах в качестве императорской усадьбы Екатерины II на месте обветшавшей и развалившейся деревянной Богородицкой крепости, сооруженной в 1660-х годах XVII века. После смерти императрицы принадлежал ее внебрачному сыну, графу Алексею Бобринскому, который фактически являлся первым владельцем усадьбы. Сад был спроектирован Андреем Тимофеевичем Болотовым, известным ученым, почвоведом, основателем агрономии, писателем и философом, и являлся первым пейзажным парком России. А.Т. Болотов — выдающейся ученый-агроном, художник и литератор — в 1786 году выполнил с натуры альбом, состоящий из акварельных рисунков.

Проехав Тулу, Епифань, Богородицк, Ефремов, 18 июля приехали в Елец. Жители Ельца говорили, что они «живут в крайнем утеснении, большею частью в таковых малых дворах, что почти у каждого длины от пяти и до восьми сажень, а широты от трех и до пяти трехаршинных саженьей, а у простых и того ж меньше, а строения так часто, что стена со стеною и крыша с крышею»²⁸. Марфа Степановна увидела город

²⁶ Анна Илларионовна Бушен (Бибикова) (1823–1863).

²⁷ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 7.

²⁸ Наказ от жителей города Ельца // Сборник Императорского Русского

богатым, с большими каменными домами, с гостиним двором, великолепным мостом. Квартирку снимали у купеческой жены Прасковьи Игнатьевны Калябиной: «угловой каменный одноэтажный дом, незавидный, близ Михаила Архангела», и «везде будки Адеркасовские, как во Пскове, и фонари, как в губернском городе»²⁹.

Как уже говорилось выше, Марфа Степановна с любопытством относилась ко всем событиям, происходящим во время поездки. Здесь, в Ельце, ее потрясло некое атмосферное явление. «Завтра день Ильи Пророка. Пошла близ нового каменного моста, который только строят, поднят очень высоко. Одна арка уже готова. Я едва брела в гору. Надо было быть в квартире, уже не рано. Тут народ останавливается, увидя на западе, над черной тучей, при радуге белой внизу, висящий как рукав столб, вбирающий в себя пары, даже видно, как поглощает. Минут через 10 исчез и смешался с облаками, а чистая, во весь горизонт радуга осталась. Сначала я не видела, но говорят, что явление было красное, но не видя сама и не утверждаю. Это физическое явление весь город видел, надо было видеть мою спутницу — она вздыхала в ужасе и охала, считая последний час мира. Это и каждому страшно, не только потому, что всего боятся некстати. Я напилась чаю и не ужинала, устала идти в гору и хотела к ранней обедне успеть, дабы ехать скорее»³⁰. Переезжая многочисленные водоемы, Марфа Степановна подробно, с пристальной наблюдательностью описывает мосты и реки. «Под самым Задонском на плашкотах мост через Дон, тут он не широк, уже Великой реки и несколько шире Черехи»³¹.

По дороге в Воронеж, где, как известно, проходили крупнейшие в России ярмарки, наши путешественники встречали много повозок с товарами. По дорогам шли стада волов, баранов и мериносов. Везли огурцы, сливы и «боргомоты», шерсть мериносов, кружева, вытканые в Ельце, крупы, гречу, кожу, ткани, сукно, рыбу, выловленную в Волге: «Рыбу купила, какой никогда лучше не ела. Бесподобный вкус. Она более самых крупных ершей, стерлячья головка и пестренькая спинка. Как у форелей. 20 коп. фунт по 9 штук на фунт»³².

исторического общества. Материалы Екатерининской законодательной комиссии. Ч. 13. Т. 144. С. 268.

²⁹ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 14.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Там же. С. 15.

³² Там же. С. 16.

Наконец, 22 июля въехали в Воронеж. Маяком для любого путешественника был город. Встреча с городом после долгого и утомительного пути всегда была исполнена какого-то радостного ожидания. И хотя виды провинциальных городов были во многом схожи, а образ жизни городских обывателей был примерно одинаков, каждый город имел черты своеобразия. Не случайно едва ли не все русские писатели XIX века оставили зарисовки въезда героя в провинциальный город или проезда через него. Воронеж лежал на месте очень низком: каждую весну река Ворона затопляла большую его часть, обращая улицы в настоящие топи; вода застаивалась в погребах и производила сырость в домах, следствием которой были различные болезни. В середине XIX века на юге свирепствовала «индийская зараза», холера. Она волнами прокатывалась по России в 1830-е годы, не щадя ни богатых, ни бедных. Марфа Степановна в Записках пишет, что в Воронеже многие страдают холерой, и сама она, боясь заболеть, часто ночевала в карете.

За четыре дня пребывания Марфа Степановна побывала в главном соборе города — в Записках она сравнивает архитектурные украшения интерьера со своим имением («как у нас в приходе, белые гладкие стены под мрамор, серенькие орлики лепной работы, карниз тоже перьями точно-точно как было у нас в гостинной в Горончарове»³³), характеризует людей, нравы, обычаи. Описывает «прошпекты», свиней и коров, которые бродят прямо по центру города: «В городе многие улицы не помощены, и в мокрую погоду все проходят там с большим трудом, тротуары только по прошпектам, а земля здесь как сало — в дождь растает и в засуху пыль ужаснейшая, на площади едва ли когда чистят, горы арбузов недозрелых, кучи яблок и других фруктов»³⁴. Общую картину русских дорог очертил бывалый путешественник Иван Аксаков. В письме родителям в феврале 1856 года он писал: «Из 700 русских городов по крайней мере 600 месяца три лишены всяких путей внутреннего и внешнего сообщения, тонут в грязи, когда с наступлением сумерек никто и выйти из дому не смеет!»³⁵

26 июля выехали домой. Заехав в Задонск, Марфа Степановна пишет: «Выехали из Воронежа. Задонск так же, как Изборск от Пскова, кажется под горою, хотя из Москвы на горе. 27 к вечеру приехали. Было еще рано, пошла я последний раз в церковь, отслужила Божьей Матери

³³ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 18.

³⁴ Там же. С. 22.

³⁵ См.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах.

молебен, излив ей свое горе. Пошла в пещеру и вспомнила, что несчастное знакомство моего Мишеньки с Рылеевым здесь и началось, в самом начале его службы. Не могла равнодушно оставить священное место угодника Тихона, пришла и безутешна бросилась в постель»³⁶. Как известно, Михаил Назимов вступил в тайное общество в 1823 году, почти одновременно со своим давним другом Рылеевым, с которым находился в постоянном тесном общении.

В Новгороде Марфа Степановна встретила Катерину Ивановну Набокову, урожденную Пушкину, заметила, что «она была как всегда остроумна и мила»³⁷. Описание пути в свое имение и встреча с ним — одна из самых лиричных страниц русской мемуарной литературы. Из этих описаний можно было бы составить антологию, где в каждом слове чувствуется любовь к родным местам. В своем травелоге Марфа Степановна с радостью и умиротворением замечает: «Наконец 7 августа приехали в Сольцы и тут уже все знакомые»³⁸. В конце своего дневника путешествия она записывает рецепт окраски сукна травами, которые насобирала в дороге...

Монотонность уединенной домашней жизни помещиков довольно долгое время разнообразилась только встречами соседей, но со временем у дворянских семей вошло в обычай выезжать из своих насиженных гнезд — на неделю, на две, а иногда и больше, чтобы посещать своих родственников, знакомых. Такие выезды часто соединялись с посещением монастырей, поклонением чтимой иконе.

В заключение заметим, что дневник Марфы Степановны Назимовой можно смело назвать образчиком художественно-документальной литературы, где путешественник описывает реальное перемещение, явления, собственные мысли, чувства, впечатления, народные костюмы и обычаи, архитектурные особенности городов и усадеб. Совершая столь трудный и зачастую небезопасный путь, путешественница эмоционально и с большой точностью доносит до читателя все свои впечатления.

³⁶ Замечания М.С. Назимовой во время проезда ее в город Воронеж... С. 27.

³⁷ Там же. С. 52.

³⁸ Там же. С. 57.

ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Под игровой культурой мы понимаем совокупность игр, игровых форм и отношений в контексте самовыражения и развития личности. Это форма времяпрепровождения, которая включает в себя: всевозможные зрелища, соревнования, элементы театра, танцевального, музыкального, песенного искусства и интеллектуальной деятельности¹. Игра является самым ярким примером коммуникативного навыка, обеспечивающего компенсаторный эффект и выстраивающего справедливую иерархию, что способствует эмпатии и развитию таких качеств, как понимание, юмор, благородство и сострадание. Многочисленные примеры использования примеров игры и ее морально-этических структур мы можем найти как в биографии, так и в творчестве А.С. Пушкина. В прямом и переносном значении Пушкин применял понятие игры во многих своих произведениях, а также в письмах, критике и жизненных ситуациях. По свидетельству современника, «игру Пушкин любил как удалство, заключая в ней что-то особенно привлекательное и тем как бы оправдывая полноту свойств русского, для которого удалство вообще есть лучший элемент существования»². По словам Гоголя, Пушкин был типом русского человека «каким он, может быть, явится через двести лет»³, — то есть в нашем XXI веке, который может быть назван веком игр.

Игра — это социально и психологически значимое пространство человека, связанное со сложными процессами социализации личности, ее воспитания, образования и развития в определенных исторических условиях. Эта модель поведения изначально присуща природе человека и своеобразно проявляется в каждом индивидууме, социуме и народе. Одним из факторов успешного преодоления человеком жизненных трудностей является игра как уникальный, интегративный способ познания

¹ Симаков Г.Н. Игры народные // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 4. М., 1991. С. 47–49.

² А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2 т. М., 1985. Т. 1. С. 244.

³ Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 50.

мира, самоидентификации и адаптации к различным эмоциональным перегрузкам. Высшим проявлением человеческого духа является умение выражать свою индивидуальность, говоря образно — воплощать в жизнь свою игру. Для писателей-романтиков игра — это вдохновляющее и созидающее начало, символ поэтического искусства; так Пушкин приветствовал К.Н. Батюшкова: «Играй: тебя младой Назон, / Эрот и Грации венчали, / А лиру строил Аполлон» (I, 74). В выборе тех или иных форм игры человек исходит из индивидуальных причин, часто идущих с детства, поэтому «поведение может быть понято только как история поведения»⁴.

В народной педагогике считается, что только «детям «велено» играть самой природой, что ребенок живет и существует в игре»⁵, а чрезмерное увлечение играми взрослых людей характеризует их как инфантильных, ностальгирующих по детству кидалтов (от англ. kid+adult, ребенок+взрослый), или геймеров⁶. Психологи говорят, что чем более яркими были эмоциональные мотивы в период детства, тем сложнее взрослому человеку бывает с ним распрощаться и тем охотнее он прибегает к стимулу «игровой кости»⁷. В потребности в игре проявляется детерминированность поведения человека, но одновременно и произвольность его изначального свободного выбора. Не зная, как поступить, человек через игру овладевает своей реакцией выбора, решая это диалектическое противоречие. А значит, игра становится стимулом и психологическим способом решения острых жизненных проблем. Пушкин был заядлым игроком и, как принято считать, «человеком без детства»⁸. Но сам поэт неоднократно писал про «детства милые виденья» («Евгений Онегин») или про «детских лет люблю воспоминанья» («Сон»), а его непосредственные эмоциональные реакции и поведение, к примеру, его громкий смех, выдавали в нем ребячливую натуру. Исследуя эту тему, можно приблизиться к пониманию тайны личности Пушкина — и того, как этот «низкорослый, некрасивый, нелюбимый

⁴ Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 45.

⁵ Русские дети. Основы народной педагогики: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2006. С. 130.

⁶ Современный термин.

⁷ Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 3. М., 2021. С. 276.

⁸ См.: Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1983.

в семейном кругу ребенок превращается в протейстического творца, которому поклоняются в более широком (культура вместо биологии) кругу его поэзии»⁹.

Игра сопровождает человека на протяжении всей жизни: ребенок знакомится с ней через материнские ласки, затем через различные состязания в коллективе, развивающие адаптацию, физическую силу, ловкость, быстроту реакции и общежительные навыки. Такие игры органичны и для животных: «Стали медвежата промеж собой играть, / по муравушке валяться, / Боротися, кувыркатися» (III, 1; 503). Это пушкинское описание из неоконченной «Сказки о медведихе» (1830) согласуется с современными исследованиями: «Реальность, именуемая Игрой и осязаемая каждым, простирается нераздельно и на животный мир, и на мир человеческий»¹⁰. Игра может быть обучающей, развивающей, соревновательной или заменяющей опасную практику, она может подготавливать к испытаниям, труду или быть просто удовольствием и развлечением, руководиться более или менее жесткими правилами или не содержать ограничений. Это и условность, и модель конфликтной ситуации при изъятии амбиций и интересов личности в коллективе¹¹. Любой коллектив образует особое общество; период знакомства проходит, как правило, в выявлении определенных качеств индивидуумов, в их физическом и интеллектуальном соперничестве, что приводит к конфликтам, которые наиболее продуктивно переводить в русло игры.

Игра как способ заявить о себе в мире занимала Пушкина уже в юности: «Весь свет бездельная игрушка, / И нет в игрушке перемен...», перефразировал он Д.И. Фонвизина еще в своей ранней поэме (I, 157). «Передних грозный Демосфен», как его называет Пушкин, Петрушка Фонвизина изрекает: «Создатель твари всей, себе на похвалу, / По свету нас пустил, как кукол по столу. / Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут, / Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут. / Вот как вертится свет!..»¹² Эту сентенцию, в духе механики Рене Декарта (1596–1650) и Томаса Гоббса (1588–1679), Пушкин повторит

⁹ Бетеа Д. Воплощение метафоры: Пушкин, жизнь поэта. М., 2003. С. 85.

¹⁰ Хейзинга Й. Человек играющий. СПб., 2022. С. 13.

¹¹ Выготский Л.С. Проблемы развития психологии // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. Т. 3. С. 182.

¹² См.: Фонвизин Д.И. Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке / Поэты XVIII века. Т. 1. Л., 1972.

в «Евгении Онегине»: «Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертится мир!» (глава 6, строфа XI).

Тема игр и их бытования велика, поэтому рассмотрим их в контексте пушкинского лексикона. Слово «игра» он употребит 83 раза, «играть» — 178, «игривый» — 34. Кроме того, Пушкин употребляет слова — названия игр (фараон, чехарда, хоровод, шашки, шахматы, штос, покер, преферанс, рюхи, свайка, стуколка, вист, горелки, бильярд, бабки и тт. д.), а также синонимы понятия «игра» и однокоренные к нему слова (шалость, потеха, игратья, игрецкий, игрище, игрок, игрушка)¹³. Игрушками называются средства для развлечения детей¹⁴: куклы, мяч, качели, карусели, коньки, кубари, лапта — все эти слова можно встретить в произведениях Пушкина или в письмах и воспоминаниях. В литературе с конца XVIII века активно осмыслялось понятие детства как особого времени в жизни человека, ассоциирующегося с темой Золотого века и Эдема. А в философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» в главе, повествующей о прибытии в чудесную страну Эльдорадо, путешественники видят сценку игры мальчишек в камешки. «Деревенские детишки в лохмотьях из золотой парчи играли у околицы в шары...; игральными шарами детям служили крупные, округлой формы камешки, желтые, красные, зеленые, излучавшие странный блеск. Путешественникам пришло в голову поднять с земли несколько таких кругляшей; это были самородки золота, изумруды, рубины... Маленькие шалуны тотчас прервали игру, оставив на земле шарики и другие свои игрушки»¹⁵. Это метафора детского восприятия мира и игры как самой важной ценности, через которую ребенок познает мир и самого себя. В западноевропейской литературе в это время появляется роман-воспитание, в котором детство становится звеном в сюжете становления героя. В русской литературе в прозе Н.М. Карамзина («Рыцарь нашего времени») впервые затрагивается тема детства героя, но только как обособленная тема его истории. Ребенок рассматривается вне времени, он живет в мире, полном открытий и эмоций, он воспринимает всё целостно и доверчиво, а во взрослом состоянии он теряет эту глубину, и мир из волшебного становится плоским. Попыткой человека вернуться в мир детства с его

¹³ Словарь языка Пушкина. М., 1957. Т. 2. С. 167–171.

¹⁴ Российский историко-бытовой словарь / авт.-сост. Л.В. Беловинский. М., 1999. С. 160.

¹⁵ Вольтер. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М., 1998. С. 420.

праздностью и праздничностью становятся игры свободного времени: спортивные и интеллектуальные (шахматы, шашки, карты)¹⁶.

В пушкинском отрывке «Царь увидел пред собой...» воспроизводится переживание игры как волшебства: «Вот на шахматную доску / Рать солдатиков из воску / Он расставил в стройный ряд. / Грозно куколки сидят, / Подбоченясь на лошадаках...» (III, 1; 304). Этот отрывок по мотивам «Легенды об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга (1833) напоминает начало сказки для детей. Как раз в это время у Пушкина появляются дети, и в сентябре 1832 года он писал жене, которая хорошо играла в шахматы: «Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе...» Сам Пушкин научился этой игре еще в Лицее, хотя и не был сильным игроком. В 1827 году он жил в поместье П.И. Вульфа под Торжком и научил его играть в шахматы, «только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом»¹⁷.

Шахматы относятся к видам деятельности взрослых, но могут рассматриваться и как игра для детей, так же, как соревнования за приз и различная борьба. В свою очередь, даже военные действия с XVIII века стали сравнивать с игрой: «Игралища таинственной игры, / Метались смущенные народы; / И высились и падали цари...» (III, 1; 432), и тем более политику и дипломатию переговоров: «В трагическом смятении / Пленные цари, / Забыв войну, сраженья, / Играют в кубари...» (I, 100). И это весьма образно, поскольку кубарь или волчок держится вертикально благодаря вращению и падает, когда теряет потенциал.

Интересно, что Пушкин в детстве был весьма серьезен и любил тихие игры в одиночестве. Дочь няни Пушкина Арины Родионовны, Марья, на вопрос о том, смирный был ребенок Александр Сергеевич или шалун, категорично отвечала: «Смирный был, тихий такой, что господи! всё с книжками, бывало, с крестьянскими не баловал...»¹⁸ Это было обусловлено его физиологией и физической конституцией, очевидно, наследственной (по линии отца). Сестра поэта Ольга Сергеевна вспоминала: «До шестилетнего возраста Александр Сергеевич не обнаруживал ничего особенного; напротив, своею неповоротливостью, происходившей от тучности тела, и всегдашней молчаливостью приводил

¹⁶ Российский историко-бытовой словарь. С. 160.

¹⁷ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 94.

¹⁸ Там же. С. 42.

иногда мать в отчаяние»¹⁹. Педагоги знают, что на определенном этапе взросления, в процессе усвоения культурного навыка, развитие речевого и других интеллектуальных навыков тесно связано с двигательным и подражательным. Для этого мать «почти насильно водила его гулять и заставляла бегать»²⁰, что он делал неохотно, так как был крайне застенчив. Как вспоминала сестра поэта, Александр любил «тереть свои ладони одна о другую»²¹, что говорит о сильном волнении и проблемах с сосудами. Как известно, во взрослом возрасте Пушкин страдал сосудистой болезнью — аневризмом. Мать, как могла²², старалась отучить его от вредных привычек, и, по словам Л.Н. Павлищева, однажды «завязала ему руки назад на целый день, проморив голодом»²³. Мы не знаем, что в этот момент переживал ребенок, психологи говорят о двух формах реакции: истерика или уход в себя. Есть еще один: воспринимать всё как некую игру, что помогло ему во взрослом возрасте легко справляться с такой сложной задачей, как делать записи у себя за спиной, чтобы не привлекать внимания общества. Так человек пользуется сложившимися способами и методами из опыта законченных фаз своего развития²⁴. «Поэт простаивал с народом подолгу, заложив руки за спину; в одной руке у него была дощечка с наложенной бумагой, а в другой — карандаш. И вот А.С. Пушкин, *заложив руки назад, кое-что записывал* незаметно для других, передвигая пальцами левой руки бумагу на дощечке, а правой водил карандашом; прислушиваясь к песням и речам народа, он, таким образом, незаметно для чужого глаза, записывал то, что боялся не удержать в своей феноменальной памяти»²⁵. Это опубликовал Алексей Николаевич Мошин, великолукский краевед конца XIX века, дед которого А.Т. Мошин собирал различные предания и воспоминания, делая это по совету А.С. Пушкина, с которым познакомился на ярмарке в Святых Горах.

¹⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 30.

²⁰ Там же.

²¹ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М., 1937. С. 29.

²² В традициях педагогики XIX века, причающей соблюдать правила гигиены, внешнюю сдержанность и самообладание, необходимое в светском обществе.

²³ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. С. 29.

²⁴ Выготский Л.С. Проблемы развития психологии // Л.С. Выготский. Собрание сочинений. Т. 3. С. 115.

²⁵ Мошин А. Новое об одиннадцати великих писателях. СПб., 1908. С. 18.

В романе «Евгений Онегин», особенно в так называемых «деревенских главах», множество упоминаний об играх. Самым известным примером являются строки:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

(Евгений Онегин. Глава 5, строфа II)

Кроме детской ролевой игры, смысл ее в период Святков мог состоять в имитации взрослого поведения и ритуальном ряжении²⁶. Но сочувственное ностальгическое звучание этой сценки подсказывает, что именно привлекло внимание Пушкина. Возможно, он увидел в ней свою детскую ситуацию: одиноко играющего мальчика, боящегося материнского укора? Ребенок обычно постепенно усваивает социальные формы поведения в семье и переносит их на самого себя, соотносясь с внутренними ориентирами. П.А. Плетнев (1792–1866), друг и поверенный Пушкина, писал: «Не избалованный в детстве ни роскошью, ни угождениями, он способен был переносить всякое лишение и чувствовать себя счастливым в самых стесненных обстоятельствах жизни»²⁷.

Отец Пушкина не принимал особого участия в воспитании детей, кроме предоставления им прекрасной библиотеки и чтения вслух Мольера, а по причине вспыльчивого характера «дети больше боялись его, чем любили»²⁸. По словам сестры, в раннем возрасте Александр «охотнее оставался с бабушкой Марьей Алексеевной, залезал в ее корзину и смотрел, как она занимается рукоделием»²⁹. Е.П. Янькова рассказывала: «Не раз говорила Мария Алексеевна (Ганнибал): «Не знаю, ма-

²⁶ Козмин В.Ю. «Себя в коня преобразив...» Из комментариев к «Евгению Онегину» // Время и текст: историко-литературный сборник. СПб., 2002. С. 102–110.

²⁷ Плетнев П.А. Из статей о Пушкине / Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 291.

²⁸ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 35.

²⁹ Там же. С. 30.

тушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелить, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это всё кончится, ежели он не переменится»³⁰. С детства Александр предпочитал сочинять и «импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрой, которая в этом случае составляла всю публику и проносила свой суд»³¹.

На формирование личности поэта большую роль оказала библиотека и многочисленные литературные связи отца и его брата Василия Львовича (1766–1830). М.Н. Макаров вспоминал: «Молодой Пушкин... был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке, а иногда стаивал (стоял), прижавшись к тому стулу, на котором угораздывался какой-нибудь добрый оратор...»³² В своей «Программе автобиографии» Пушкин написал первой строкой: «Семья моего отца — его воспитание — французы учителя» (XVII, 307). Пушкин рано погрузился в чтение, в особенности полюбил Вольтера, в повести которого «Задиг, или Судьба» есть сцена тренировок с помощью мяча. Это игра в «бурдючок из тонкой кожи, надутый воздухом. Вы должны изо всех сил бросать его мне, а я буду бросать его вам обратно... В первый день Огул (больной) задыхался, ему казалось, что он умрет от усталости. На другой день он устал уже меньше и спал лучше. Через неделю к нему вернулись его прежняя сила, здоровье, легкость и веселое расположение духа»³³.

Тренировки и соревнования помогают ребенку преодолеть себя, выработать дисциплину и самоуважение. Сестра вспоминала: когда Пушкину было семь лет, «в характере его произошла резкая перемена: прежняя сонливость сменилась вдруг резвостью и шалостями. Родители, приходившие в отчаяние от флегматического темперамента сына, пришли теперь в ужас от такой внезапно проявившейся необузданности»³⁴. И.И. Пущин, встретивший Пушкина уже подростком 12 лет, вспоминал: «Всё научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что

³⁰ Вегнер М. Предки Пушкина. М., 1937. С. 48.

³¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 33.

³² А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 45.

³³ Вольтер. Собрание сочинений. Т. 1. С. 303.

³⁴ Аишукин Н.С. Пушкинская Москва. СПб., 1998. С. 163.

*Детские игры в окрестностях Михайловского. Начало XX века.
Фото предоставлены сотрудником Пушкинского Заповедника
Григорием Ефимовичем Шрубом. Публикуются впервые*

мастер бегать, прыгать через стулья, бросать мячик и пр. В этом даже участвовало его самолюбие — бывали столкновения, очень неловкие... Случалось точно удивляться переходам в нем: видишь, бывало, его поглощенным не по летам в думы и чтения, и тут же внезапно оставляет занятия, входит в какой-то припадок бешенства за то, что другой, ни на что лучшее не способный, перебежал его или одним ударом уронил все кегли»³⁵. Подвижные игры представляют собой первую доступную форму совместной деятельности детей, которая предполагает сознательное воспроизведение полученных навыков. Пушкину эти упражнения давались нелегко по сравнению с товарищами, но он преодолевал это в споре за лидерство и переводил этот спор внутрь своего сознания.

Известно, что Пушкин постоянно тренировался: «Физическая организация молодого Пушкина, крепкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражнениями»³⁶.

³⁵ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 67.

³⁶ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. М., 1939. С. 99.

Он мастерски играл в различные народные игры, многие из которых требовали не только физической подготовки, но и сообразительности, разнообразных навыков и знаний. К примеру, в игре в бабки (так называли кости надкопытной части животных) их обычно выставляли в ряд или определенными фигурами на кон. Играющие по очереди кидали биток, стараясь выбить бабки из кона. Выбитая бабка переходила к выигравшему, а у кого бабки заканчивались, тот выбывал из игры. Дальность броска определяли игроки, обычно это было 7–8 метров, наиболее продвинутые могли бить и за 40 метров, а при удачном броске можно было подходить ближе на 2–3 метра. Возможно, именно об этом Пушкин написал:

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бдро оперся, другой поднял меткую кость...

(III, 1; 435)

Из воспоминаний псковского чиновника: «Как-то раз, отправившись на утреннюю прогулку, в задумчивости набрел я на кучку ребят, игравших в бабки... От нечего делать я засмотрелся, как ловко взвивалась тяжелая свинчатка, подымая пыль столбом. Переведя затем глаза на игрока, я немного опешил, увидя человека, если еще не старого, то и не первой юности. Незнакомец одет был в белый армяк нараспашку; летний картуз небрежно покрывал ему голову; кудрявая борода висела на щеках и на подбородке. Было в нем нечто цыганское, своевольное... Не обращая на меня внимания, незнакомец метко и уверенно выбивал игру за игрой, чуть припадая на колено и щуря глаза; потом встряхнувшись, потер свои маленькие загорелые руки, дал мальчикам пятачок»³⁷. Чтобы так выбивать бабки, нужно было иметь большой опыт игры и постоянные тренировки. Кости утяжеляли с помощью свинца или олова, используя в качестве биты, каждый игрок приходил со своими бабками. Пушкин же, принявший участие в игре спонтанно, по-видимому, одолжил их у одного из участников, за что и заплатил «пятачок» в конце игры. Заметим, что эта игра проходила утром, и Пушкин, который был в народной одежде, вряд ли направлялся в канцелярию Пешурова, псковского губернатора в 1830–1839 годах. Хотя первый биограф

³⁷ Садовский Б.А. Три встречи с Пушкиным. Пг., 1914.

Пушкина П.В. Анненков, со слов тригорских друзей поэта, писал о том, что Пушкин в ссылке ходил в Пскове «в мужицком костюме» по базару, где его видели «весьма почетные люди города», и «даже раз явился в один из почетных домов Пскова»³⁸. Возможно, он посещал архиепископа Евгения, у которого бывали люди разного сословия. В любом случае, эта игра могла быть психологической разгрузкой перед важным разговором. Мы знаем, что Пушкин в критические моменты часто прибегал к спасительному эффекту игрового поведения. Это же касается и его обычного времяпрепровождения в светском обществе и в общении с дамами. Для поверхностного взгляда, «любя свет, любя игру, любя приятельские беседы, Пушкин часто являлся человеком легкомысленным, ветреным и давал повод судить о нем ложно. Быв самого снисходительного нрава, он легко вступал со всеми на приятельскую ногу, и эта светская дружба, соединенная с откровенным обращением, позволяла многим думать, что они с Пушкиным друзья и что они коротко знают его мысли, чувства и способности»³⁹.

По словам современника, «Пушкин охотно принимал приглашения на все праздники и вечера... На этих балах он участвовал в неразлучных с ними занятиях — любил карты и танцы»⁴⁰. Игры в карты были обычным развлечением на балах, приемах и в дороге. Поэт разделял мнение своего дяди Василия Львовича Пушкина о картах: «Кто ими в обществе себя не занимает, воспитан дурно тот и скучен всем бывает» (стихотворение «Вечер»), хотя сам автор этих слов в карты играть не любил⁴¹. М.И. Пущин вспоминал, как, встретившись с Пушкиным и Дороховым, «только позволил себе сделать... уговор — во всё время нашего следования в товариществе до вод между собою не играть. Скрепя сердце оба дали мне в этом честное слово»⁴². Но как только они прибыли на место, «страсть к банку» вновь вошла в свои права, а Пушкин, который проигрывал «три партии из четырех», остался должен тысячу червонцев⁴³. Разнообразие карточных игр в пушкинское время было огромное.

³⁸ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. С. 246.

³⁹ Смирнов Н.М. Из «Памятных записок» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 2. С. 273.

⁴⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 244.

⁴¹ Михайлова Н. Василий Львович Пушкин. М., 2012. С. 307.

⁴² А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 106.

⁴³ Парчевский Г.Ф. Пушкин и карты. Налево ляжет ли валет? СПб., 1996. С. 72.

Они делились на коммерческие и азартные, первые велись с расчетом и по правилам, напоминая интеллектуальную игру в шахматы. Это старинные игры: преферанс, реверси, покер, вист, который любил Пушкин⁴⁴, пикет, стуколка, рамс, тысяча, и игры новые, появившиеся в XIX веке: дурак (классический, переводной, подкидной, двое на двое, пики пиками, бескозырный), бридж. Полагаясь только на волю случая, играли в азартные игры: «в банк», фараон, штос, мушка. Были и невинные игры в карты, на внимание и ловкость: в сундучки, «бонжур, мадам», «ерошки», «в курочку». Последняя игра занимала Пушкина в ссылке в феврале 1826 года, как писал Ф.М. Лодыгин: «14 февраля, воскресенье. Обедал у генерала Беттихера, где были Кульнев, Беклешов, Пушкин и военные. Играли в курочку с дамами»⁴⁵. Игра «в курочку» обычно подразумевает 2–4 игроков и 36-карточную колоду; каждому раздается по пять карт, и выигрывает тот, кто первым избавился от своих карт. Но, судя по большому количеству игроков, играли в «мокрую курицу». Эта веселая игра больше на развитие мелкой моторики, когда строится «домик» из карт и игроки вытаскивают из-под него по одной карте. Проигрывает тот, на ком «домик» разрушится, он-то и становится «мокрой курицей». Считается, что карточная игра наиболее всего увлекала Пушкина в юности, затем с конца михайловской ссылки и до 1829 года⁴⁶. Но и позже Пушкин иногда прибегал к испытанному средству успокоиться — к игре. В 1832 году он писал жене: «Я перед тобой кругом виноват в отношении денежном. Были деньги... и я проиграл их. Но что делать? Я так был желчен, что надо было развлечься чем-нибудь. Все Тот (Царь) виноват...» (XV, 168). Здесь мы видим перекладывание ответственности за свой проигрыш на... царя, что характерно для поведения заядлого игрока. Он не раз проигрывал даже свои произведения и писал Вяземскому: «Вместо того, чтобы писать седьмую главу Онегина, я проигрываю в штос четвертую». Сын Петра Вяземского вспоминал: «Мать моя запрещала мне даже касаться карт, опасаясь развития в будущем наследственной страсти к игре. Пушкин во время моей болезни научил меня играть в дурачки»⁴⁷. В силу своей восприимчивости «в сношениях с детьми Пушкин сам превращался в настоящего ребенка, совершенно

⁴⁴ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 95.

⁴⁵ Мальцева Т.Ю. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине. М., 1999. С. 69.

⁴⁶ Парчевский Г.Ф. Пушкин и карты. Налево ляжет ли вает? С. 63.

⁴⁷ Вяземский П.П. А.С. Пушкин. 1826–1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям / Остафьево, 2009. С. 14.

не думающего о педагогическом на них воздействии, и с азартом жил их жизнью. Однажды княгиня Вяземская, воротившись домой, застала Пушкина и Павлушу (Вяземского) за тем, что они барахтались и плевали друг в друга»⁴⁸.

В «Евгении Онегине» также есть упоминание об карточной игре в вист и еще много примеров разнообразных игр, взрослых и детских. К примеру, описывая историю взаимоотношений Ольги Лариной и Владимира Ленского, Пушкин рисует картину детской дружбы: «Он был свидетель умиленный, / Ее младенческих забав; / В тени хранительной дубравы / Он разделял ее забавы»... (VI, 40; глава 2, строфа XXI).

Детские имитационные игры, воспроизводящие стороны взрослой жизни (ведение хозяйства, промыслы, забота о детях, куклы) делятся на игры мальчиков и девочек, их можно охарактеризовать как забавы. Судя по тому, что «И детям прочили венцы / Друзья соседи, их отцы» (VI, 40; глава 2, строфа XXI), Ольга Ларина и Владимир Ленский играли «в семью». Такие игры воспроизводились и с куклами: «С послушной куклою дитя / Приготовляется, шутя, / К приличию — закону света, / И важно повторяет ей / Уроки маминьки своей» (VI, 43; глава 2, строфа XXVI).

Когда настало другое время — «Вот юность!.. Простите игры молодые / Он полюбил леса густые / Пустынной ночи тишину...» (VI, 286; черновики, глава 2, строфа XXII). Отказ от внешней игры и уход в мир собственных переживаний — синоним взросления, а в литературе — еще и признак романтического героя. Татьяна Ларина характеризуется тем, что

Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела...

(Евгений Онегин. Глава 2, строфа XXV)

Ее «самобытность» (VIII, 1; 111) отрицала обычные игры: «Но кукол даже в эти годы / Татьяна в руки не брала... Она в горелки не играла» (VI, 291; черновики, глава 2, строфа XXVII). В горелки играли обычно большим коллективом: «Когда Фадеевна сбирала / Для Ольги на широкий луг / Всех маленьких ее подруг...» (VI, 291; черновики, глава 2, строфа XXVII). В процессе этой игры формируются пары, и под возглас

⁴⁸ Вересаев В. Спутники Пушкина. В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 280.

«Гори, гори ясно, чтобы не погасло!» они бегут от водящего, который не дает им соединиться. В горелки играла преимущественно молодежь, крестьянская и дворяне. «Однажды собралось много молодежи в Берново, и у трех сосен, близ омута, играли в горелки. Неожиданно приехали туда Алексей Николаевич Вульф и Пушкин. Все барышни всполошились и убежали, но потом вернулись...»⁴⁹ Русские народные игры в то время были в моде у представителей дворянства, воспитанных в парадигме отечественной традиции⁵⁰. Игрой богат сюжет «Барышни-крестьянки»: «Вздумал он (Берестов) с нами в горелки бегать... Поймает, и ну целовать!» — рассказывала служанка своей барышне Лизе Муромской (VIII, 1; 112). Ее рассказ послужил завязкой повести, построенной на классическом сюжете игры в переодевание⁵¹. Таким образом, в пушкинских произведениях игра — это не только часть социального портрета человека и его личности; упоминанием о той или иной игре или об отказе от нее он формирует психологический портрет героя, его окружения и направляет развитие сюжета.

Особой моделью традиционного русского мира были обрядовые игры, сопровождающие различные народные праздники, с элементами древних культов. Во время Святков дети и молодежь гадали, часто в присутствии взрослых, которые, впрочем, серьезно относились к этим действиям, моделируя дальнейшую жизнь в соответствии с выпавшим жребием, который рассматривали как обязательный к исполнению. Расшифровка его по различного рода источникам, письменным (Мартын Задека) и устным, составляла немаловажное развлечение для молодых людей:

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит; ...

(Евгений Онегин. Глава 5, строфа VIII)

⁴⁹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 101.

⁵⁰ Глинка С.Н. Добрый отец // С.Н. Глинка. Русские исторические и нравоучительные повести. М., 1819. Ч. 1. С. 29–68.

⁵¹ Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 4. П–Р. СПб., 2020. С. 146.

По выражению А.П. Керн, «большой промах делают воспитатели, позволяя *играть* детям до скуки, и не придумывают занимательного для них и полезного труда»⁵². Народные праздники и ритуальные действия, сопровождающиеся ритуальными играми, позволяют вовлекать в воспитательный процесс различные возрастные и социальные слои народонаселения, объединяя их в народ. И Пушкин в годы ссылки, погружаясь в фольклорную традицию, приобщался через разнообразные игры к традиции, проникая в самую ее суть, «достигая иллюзии аутентичности фольклорного текста»⁵³.

Важной особенностью игры являются определенные правила, по которым она ведется, и которые выявляют качества менталитета человеческого общества, закрепляя в том числе и его национальные особенности. Традиции и обычаи общества обычно служат способом передачи социального опыта новым поколениям и регламентируют его жизнь⁵⁴. В то же время, раз принятые, они сдерживают прогресс в целом и развитие индивидуальности⁵⁵ — хотя и дают члену общества ощущение базовой защищенности, если он хранит верность традициям. Со временем возникает проблема застоя традиции, которая не отвечает новому состоянию общества и отдельного человека, и тогда актуализируется потребность в обновлении — которое может быть реализовано через авторские произведения, раздвигающие рамки привычного. Такие тексты и создал Пушкин, став таким образом национальным поэтом. Через игровое соревнование с народной традицией он смог создать подлинно национальные образы и песни, неотличимые от фольклорных. Киреевскому, которому он отдал свои записи песен, Пушкин сказал: «Разбери, которые поет народ, а которые сочинил я сам»⁵⁶.

В атмосфере традиционного национального, фольклорного быта человек воспринимает игру как «особый способ познания мира, связанный с деятельным проявлением человеческой духовности»⁵⁷. Во время

⁵² Керн А.П. Воспоминания. Записки о А.С. Пушкине. М., 1974. С. 110.

⁵³ Колбасин В.Н. Игровое начало в творческом методе А.С. Пушкина // Вестник МГПУ. Филология и языковое образование. 2014. С. 28–34.

⁵⁴ Кацров В.И. Традиции и исторический прогресс. М., 1994. С. 133.

⁵⁵ Там же. С. 120.

⁵⁶ Козмин В.Ю., Бесарабова М.А. Этнографический комментарий к портрету няни // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1999. С. 101.

⁵⁷ Некрылова А.Ф. Зрелищно-игровой фольклор и современность // Михайловская пушкиниана. Вып. 34. Пушкинские Горы ; М., 2004. С. 121.

народных праздников, включающих в себя и различные игры, человек не просто присутствовал и участвовал, но ощущал себя частью особого, сакрального пространства, одушевленной традицией. Разыгрывались всевозможные драматические сценки, гадания⁵⁸, которые происходили по вечерам и ночью, что придавало дополнительный колорит «ужасного», создавало эффект появления «адских привидений» (Евгений Онегин. Глава 5, строфа XIX). Чаще всего рядились подростки, «обде- лывались» (псковский диалект) в вывороченные шубы, старые вещи, лохмотья, старинные наряды. При описании святочных и масленичных масок, псковские крестьяне объясняли так: «Чтоб страшней и чуднее»⁵⁹, а у Пушкина: «Еще страшней, еще чуднее: / Вот рак верхом на пауке, / Вот череп на гусиной шее / Вертится в красном колпаке...» (Евгений Онегин. Глава 5, строфа XVII).

В «Истории села Горюхина» И.П. Белкин пишет о себе: «Достиг я 16-летнего возраста: играя в лапту с моими потешными». Потеха — это игра по-древнерусски, и тут в одной фразе описана ситуация, когда в игре происходит взросление и обучение. Лапта — народная игра, при которой игроки делились на две команды и отбивали мяч лаптой-битой, палкой с расширенным концом. Но были и сюжетные, ролевые игры, в которых проявлялся артистизм и происходило воспитание таких качеств, как сочувствие, альтруизм, чувство командной и личной ответственности. Одна распространенная, дошедшая до нашего времени детская игра «в ястреба и цыплят (гусят)» вызывает в памяти строчки пушкинского стихотворения михайловского периода («Приателям»):

Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

(II, 1; 379)

Подобные игры, дошедшие до наших дней, имеют древнее происхождение, их мог видеть Пушкин еще в детстве, в Захарове («деревня была богатая: в ней раздавались русские песни, устраивались празд-

⁵⁸ *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи. Витебск, 1897.

⁵⁹ *Мехнецов А.М.* Народные традиции культуры Псковской области. СПб., 2002. Т. 1. С. 421–423.

ники, хороводы, и... Пушкин имел возможность принять народные впечатления»⁶⁰), а затем обновить эти детские впечатления во время своей ссылки в Михайловском, где он жил «недорослем», по его словам. Возможно, именно это переживание детского опыта и позволило ему «справиться с судьбой». В письме к Н. Раевскому в июле 1825 года он напишет: «Я чувствую, что моя душа полностью развилась и я могу творить». Этот его опыт эмоциональной и психологической разгрузки не потерял актуальности по сей день, о чем свидетельствует непреходящий авторитет среди читающей публики.

Современник Пушкина писал: «Его гений известен; но что, может быть, неизвестно будет потомству, это то, что Пушкин с самой юности до гроба находился вечно в неприятном или стесненном положении, которое убило бы все мысли в человеке с менее твердым характером. Сосланный в псковскую деревню за сатирические стихи, он имел там развлечением старую няню, коня и бильярд, на котором играл один тупым кием. Его дни тянулись однообразно и бесцветно... И в эти дни скуки и душевной тоски он написал столько светлых восторженных песен, в которых ни одно слово не высказало изменчиво его уныния»⁶¹. Можно сказать, что он нашел универсальный способ противодействия судьбе, название которому — «дух игры»⁶². Эта склонность, сформировавшаяся у него в раннем детстве, говорит о высокой психической устойчивости его личности, умении создавать свой мир в творческом его преображении и распространять на других свое мировоззрение. В примерах игровой культуры, отраженных в биографии и творчестве А.С. Пушкина, мы видим его исключительную компетентность в вопросах психологии, редуцированное использование приемов игры и ее выдающихся эвристических, коммуникативных и морально-этических свойств.

С раннего детства он находил решение сложных психологических задач самоидентификации с помощью рано развившегося интеллекта и игрового моделирования различных сценариев поведения. «Исполненный горестей в продолжение своего детства, молодой Пушкин оставил родительский дом, не испытывая сожаления. Лишенный сыновней привязанности, он мог иметь лишь одно чувство — страстное желание независимости. Этот ученик уже ранее проявил гениальность необыкновенную. Этот ум вызывал удивление... сильный пламенным

⁶⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 49.

⁶¹ Там же. С. 274.

⁶² Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений. В 4 т. М., 1997–1998. Т. 3. С. 455.

воображением, но слабый полным отсутствием тех внутренних чувств, которые служат заменой принципов, пока опыт не успеет дать нам истинного воспитания», — писал граф К.В. Нессельроде генерал-лейтенанту И.Н. Инзову в письме, отданном Пушкину для вручения последнему в мае 1820 года. Размышление самого Пушкина на эту же тему мы видим в зарисовке 1829 года: «И Опыт, [сын] ошибок трудных, / И Гений, [парадоксов] друг» (III, 1; 464). А в черновиках мы видим еще комбинации важных составляющих «открытий чудных»: «Ум и Труд... Опыты веков... смелый дух», «[И Случай, бог изобретатель]» (III, 2; 1060). Поиски мысли Пушкина созвучны утверждениям философов школы Спинозы о том, что «к воле в собственном смысле слова относятся средства и пути господства мысли над действием»⁶³. Умение находить нестандартные решения, самостоятельно овладевать любой традицией, обновлять ее и достигать неизвестного раньше результата — эта важная способность личности А.С. Пушкина, создателя русского литературного языка, который он обогатил, в том числе, благодаря высокому уровню своей креативности.

⁶³ *Выготский Л.С.* Проблемы развития психологии // *Л.С. Выготский. Собрание сочинений.* Т. 3. С. 288.

**МОНОСПЕКТАКЛЬ «ПИКОВАЯ ДАМА»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СЦЕНИЧЕСКОГО
НАРРАТИВА КЛАССИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А.С. ПУШКИНА**

Настоящая работа посвящена исследованию особенностей современной театральной постановки моноспектакля «Пиковая дама», основанной на одноименной повести А.С. Пушкина. Рассматриваются способы адаптации классической литературы к современным формам сценического выражения, включая визуальные эффекты, музыкальное оформление и взаимодействие актера с аудиторией. Анализируются возможности трансформации классических произведений средствами театра одного актера с сохранением духа оригинала и привлечением новой аудитории. Особое внимание уделяется психологической глубине персонажей и художественным средствам выразительности, применяемым режиссером-постановщиком Д.Н. Катышевой и исполнительницей М.Б. Семеновой.

Повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама», впервые опубликованная в 1834 году в журнале «Библиотека для чтения», с момента своего появления вызвала живой интерес и получила широкое распространение среди читателей. «Пиковая дама» до сих пор остается не только известным произведением художественной литературы, но и ценным материалом для изучения в области филологии, культурологии, искусствоведения, а также источником вдохновения для творцов. Например, эта повесть неоднократно становилась основой для постановок разных жанров и видов искусства. Но особое значение приобретает сценическое направление моноспектакля, которое фокусируется на глубине внутреннего мира и переживаниях персонажей. Моноспектакль позволяет режиссеру и исполнителю сосредоточиться на исследовании внутреннего мира персонажей, раскрывая их сложные эмоциональные и ментальные процессы. Это важно для произведений Пушкина, где психологические портреты героев часто являются центральными элементами в структуре сочинений.

Прежде чем перейти к теме, следует объяснить ключевые термины, относящиеся к сценическому нарративу. Термин «нарратив»

(от латинского *narrare* — рассказывать) изначально обозначал изложение исторических событий. В философии и культурологии он стал ключевым для анализа дискурсивных практик. В современной гуманитарной науке нарратив рассматривается как сложная структура, включающая описание, интерпретацию, оценки и эмоциональные акценты, представляя собой когнитивный и коммуникативный процесс создания и передачи смысловых моделей реальности. В нарративе ключевую роль играет желание высказаться, поиск смысла и его воплощение. Нарратив помогает сделать сложную действительность более понятной, используя узнаваемые образы и действия. В этом контексте важно подчеркнуть его связь с концепцией «сценического». Она акцентирует внимание на театрализации и драматизации повествования, что создает иллюзию разворачивающегося действия. А соответственно, сценический нарратив, как один из элементов современной культурной модели, представляет собой непростую и многообразную систему, позволяющую художникам не только исследовать новые формы и методы выражения своих идей и эмоций, но и создавать уникальные художественно-эстетические опыты, вызывающие глубокие эмоциональные и интеллектуальные реакции, отклики у аудитории. Сценический нарратив представляет собой комплексную форму повествования, которая воплощается посредством специфических средств сценического искусства. Это не просто вербальный рассказ истории, а использование визуальных образов, телесной пластики и жеста, а также звукового и пространственного решения сцены для передачи художественных смыслов, обращенных к зрителям. Так, свою версию «Пиковой дамы» представил зрителям литературный театр «Классика» из Санкт-Петербурга.

Литературный театр «Классика», имеющий богатое прошлое и отличающийся высоким уровнем мастерства, стал важным явлением в мире театрального искусства, заслужив уважение и любовь публики. Во главе театра стоит Дженни Николаевна Катышева. Она — заслуженный деятель искусств России, доктор искусствоведения и профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. С 1959 года Дженни Николаевна — основатель и бессменный руководитель театра. За это время Катышева поставила 112 моноспектаклей и литературных композиций по произведениям А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, А.А. Блока, С.А. Есенина и других великих писателей и поэтов. Многие из ее постановок стали жемчужинами петербургской

театральной сцены и завоевали любовь зрителей¹. В ее спектаклях проявляется глубокое понимание и уважение к концептуальной и авторской целостности текста, а также способность сохранить их художественно-эстетическую выразительность. В процессе создания сценической интерпретации режиссер мастерски и гармонично сочетает авторов и персонажей литературных произведений, формируя целостное сценическое тело, которое обладает эффектом сценического синтеза. Это достигается за счет глубокого анализа и с помощью целостной системы художественных текстов, что позволяет создать уникальное сценическое произведение, объединяющее различные литературные традиции и стили. Этот подход значительно усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию, позволяя глубже проникнуть в суть произведения и его идейное наполнение. Уникальность театрального коллектива театра заключается в его приверженности моноспектаклям, которые представляют собой направление театрального искусства, требующее от актера не только виртуозного владения актерской техникой, но и способности к полифонической трансформации личности. Здесь исполнитель одновременно воплощает множество ролей, демонстрирует высокий уровень профессионализма и артистической индивидуальности, позволяя зрителю ощутить глубину и многогранность человеческой природы через призму одного актерского дарования².

Обращение театра к творчеству А.С. Пушкина не было случайным. Его произведения не только представляют собой высокую литературную ценность, но и обладают значительным потенциалом для сценической интерпретации. Это обстоятельство представляет особый интерес даже для тех, кто уже знаком с его творчеством, поскольку позволяет глубже понять многоаспектность и многослойность его произведений, а также их адаптацию к различным театральным формам.

Повесть «Пиковая дама» — это многослойный сплав различных литературных жанров и мотивов, благодаря чему она сохраняет свою актуальность на протяжении трех веков. В произведении сплетаются элементы психологического романа, философской притчи и готической новеллы. Они создают особое художественное пространство, где

¹ Воронов А.М. Литературный театр «Классика»: неразгаданный феномен петербургской театральной культуры. СПб., 2021. С. 83.

² Воронов А.М. Сценическая интерпретация поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в литературном театре «Классика» // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 4. С. 106–110.

страсти, предопределения и моральный выбор образуют выразительный и объемный эстетический узор.

Рассматривая моноспектакль «Пиковая дама» как сценический нарратив, мы можем изучить авторский текст и его трансформацию в рамках ограниченного сценического пространства. Такой подход акцентирует внимание на исполнителе, который становится единственным посредником между зрителем и текстом. С точки зрения семиотики, моноспектакль — это многоуровневая система знаков и символов. Каждый элемент сценического воплощения несет в себе множество смыслов и коннотаций. В данном сценическом произведении границы между оригинальным текстом и его интерпретацией не размываются, а, напротив, сливаются в единое целое, создавая уникальный художественный эффект. Именно он дает зрителю возможность активно участвовать в создании смысла представления, подобно нарративу, где каждый участник вовлечен в создание сценического действия.

В контексте данной театральной практики автор повести выступает в роли центральной фигуры, определяющей художественное направление и смысловую наполненность произведения. Моноспектакль «Пиковая дама» представляет собой редкий пример театрального искусства, где авторское видение и интерпретация текста целостны и становятся важными элементами художественного воздействия на зрителя. Дженни Николаевна Катышева подошла к постановке спектакля с особым трепетом. Ее задача — сохранить дух Пушкина и его уникальное восприятие мира. В ее интерпретации поэт предстает не только мистиком, что она признает, но и глубоко верующим человеком. Режиссер обратила внимание на то, что взгляды А.С. Пушкина во многом перекликаются с размышлениями Ф.М. Достоевского о человеческой душе как арене противостояния добра и зла. А.С. Пушкин, будучи великим мастером прозы и поэзии, оказал влияние на Ф.М. Достоевского, который развил эту мысль в своих произведениях: «Здесь дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»³.

В аннотации к постановке есть примечание, которое раскрывает режиссерскую концепцию. Это примечание важно, так как помогает понять основную идею спектакля. «Вопреки стереотипам романтической трактовки Германна на сцене и в кино, в спектакле герой — не пылкий и страстный влюбленный, а «рыцарь» пользы и расчета, ловкий

³ См.: *Катышева Д.Н.* Имена и судьбы в искусстве. СПб., 2015.

манипулятор, ради достижения своих целей готовый даже на убийство. Создавая этот образ (так актуально сейчас звучащий), Пушкин словно предчувствовал собственную неминуемую гибель — настолько Германн похож на Дантеса, с которым поэту вскоре предстояло встретиться лицом к лицу у дуэльного барьера. В неожиданном свете возникает в спектакле образ Графини — не как дряхлой старухи, а сильной, яркой женщины, которая однажды оступилась: ради покрытия карточного долга она приняла из темного мира тайну трех карт, за что жестоко поплатилась. Отнюдь не «кисейной барышней» предстает независимая, гордая Елизавета Ивановна, едва не повторившая ошибки Графини, но вовремя остановившаяся перед пропастью — корыстной интригой Германна. И еще одним героем постановки является мудрый, ироничный автор — Пушкин. Интерпретация пушкинской повести режиссером и автором инсценировки Д. Катышевой — вовсе не свободная фантазия постановщика, а результат длительного изучения и постижения творчества великого поэта⁴.

Действительно, спектакль «Пиковая дама» — результат глубокой исследовательской работы. Он насыщен философскими размышлениями и множеством символов. Режиссер строго придерживался текста повести А.С. Пушкина, не допуская сокращений. Спектакль проходит в одном акте без антракта и длится 1 час 15 минут. Он включает все шесть частей повести и завершается развязкой. Каждая часть начинается с эпиграфа, который задает тон действию. На протяжении всего спектакля, по замыслу режиссера, звучит Шестая симфония П.И. Чайковского, создавая трагический и ироничный контекст, который идеально дополняет постановку. Контрасты усиливают драматизм, играя важную роль как между частями, так и внутри них. Первая часть симфонии — драматическое сонатное аллегretto с медленным вступлением, подчеркивающим трагичность бытия. Вторая часть — легкий и изящный вальс с грустными и элегическими нотками. Третья часть передает атмосферу светской жизни и славы с блестящими и суетливыми темами, переходящими в бравурный триумфальный марш. Финал симфонии — скорбный и драматический монолог, усиливающий трагичность концовки спектакля. Для режиссера Пиковая дама — воплощение таинственных сил и неотвратимой мощи. Этот образ становится символом правосудия

⁴ Моноспектакль «Пиковая дама». Мистика и страсти в моноспектакле [Электронный ресурс: https://live.mts.ru/sankt-peterburg/announcements/pikovaya-dama_3695].

и центральной фигурой спектакля, из-за которой рушится жизнь главного героя, одержимого жадной богатства и власти. Его пример показывает, как безудержное стремление к материальным благам приводит к духовному падению. А три карты в спектакле — тройничный символ соблазна, ненасытности, грехопадения, через который подается тема искушения и искупления. Через них анализируются механизмы человеческих слабостей и пороков — и последствия.

В нарративе сценического произведения появляется еще один важный персонаж — безмолвный свидетель. Он незримо присутствует на сцене и наблюдает за развитием событий и действиями героев, как художник за своими полотнами. Этот молчаливый наблюдатель — Петербург. Данный символ в спектакле многогранен. Он отражает различные аспекты человеческой психики и характера от иронии и лицемерия, тревоги и страха до безумия. Город становится и метафорой для раскрытия глубоких психологических противоречий и сложных духовно-философских тем произведения.

Для постановки этого сложного философского произведения режиссер предприняла важный и обоснованный шаг, пригласив актрису, чья профессиональная и научная компетентность гармонично сочеталась с концептуальными задачами постановки. В качестве исполнительницы была выбрана Марианна Борисовна Семенова — актриса, кандидат искусствоведения, специалист в области театроведения. Для нее участие в проекте стало не только актом художественного самовыражения, но и научно-исследовательским вкладом в область театрального искусства. В моноспектакле актриса глубоко изучает поступки героев, раскрывая их скрытые мотивы и внутренний смысл. Она становится не просто интерпретатором текста, а творит уникальную художественную реальность, буквально ведет зрителя, погружая его в мир сложных эмоций и мотивов персонажей. Актриса поделилась своими размышлениями о трактовках ролей. В личной переписке (публикуется по разрешению М.Б. Семеновой) она высказала интересные мысли: «...Графиня — да, жертва страстей, но не циничный расчетливый деляга (и, как следствие, убийца), каковым является Германн. По замыслу режиссера он — воплощение холодного рассудка (страсти у него под контролем), цель — обогащение, ради которого он готов манипулировать людьми, их чувствами (Лиза), идти по головам. Ради одного: обогащения. Он — воплощение Запада (не случайно он — немец по происхождению), чуждого мятущейся, но идущей от сердца, порой обуреваемой страстями, России

*Марианна Семенова
в моноспектакле
«Пиковая дама»
в постановке
Дженни Катышевой*

(Лиза, Графиня). Режиссер хочет принципиально порвать с романтической трактовкой Германа (идущей от оперы Чайковского) как человека, одержимого страстями. Нет, это холодный, рациональный человек-автомат, жестко идущий к своей цели. Прообраз Дантеса, который убьет самого Пушкина».

Безусловно, постановка моноспектакля «Пиковая дама» — это серьезное испытание для актрисы. Ей нужно было оживить на сцене произведение А.С. Пушкина и создать запоминающиеся образы, которые затронули бы чувства зрителей и вызвали у них эстетический отклик. Здесь важное значение приобретает применение разнообразных актерских техник, направленных на глубокое погружение в психологическую и эмоциональную составляющую персонажей. В процессе подготовки к ролям актриса использовала широкий спектр методик актерского мастерства, среди которых выделяются система Станиславского, метод физического действия Михаила Чехова и другие методологические подходы, а также техники, основанные на принципах психоанализа, когнитивной психологии, которые позволили актрисе не только достоверно воспроизводить внешние проявления эмоций, но и проникать в потаенные слои внутреннего мира своих героев, создавая тем самым глубокое и эмоционально насыщенное представление, что способствовало достижению высокой степени реализма в сценическом воплощении персонажей и усилило воздействие на зрителя.

Марианна Семенова, мастер психологического портрета, действительно создала яркое сценическое произведение, в котором переплетаются темы судьбы, любви, воздаяния и безумия. В начале спектакля зал погружается в темноту. Звучит Шестая симфония Чайковского, и на сцене появляется актриса, облаченная в длинное платье баклажанного цвета. Она произносит: «Александр Пушкин. Пиковая дама. Пиковая дама означает тайную недоброжелательность». Сценография минималистичная: рядом с актрисой — только стул, на котором лежат веер, палантин и черная накидка, которая становится то мужским сюртуком, то плащом. Эти предметы актриса использует на протяжении всего спектакля. Ее игра оживляет образы юной Лизаветы Ивановны, старой графини Анны Федотовны, Германа, погруженного в свои корыстные мечты. Лиза предстает в образе, созданном актрисой: молодая, но умеющая постоять за себя девушка. Старая графиня изображена хоть с некой иронией, как символ уходящего века, но в ней скрыта сила возмездия. Германн, в исполнении актрисы скромный на первый взгляд человек, превраща-

ется в бездушного убийцу, готового на всё ради своих алчных целей. Актриса блестяще играет всех персонажей: светского повесу Томского, внука графини, зловещего графа-афериста и мага Сен-Жермена, а также Чаплинского. Марианна Семенова воссоздает героев «Пиковой дамы», словно «воскрешая их из мрачной ночи Петербурга». Тембр, интонации, жесты, взгляд, осанка и мимика актрисы вовлекают зрителей в пространство великого текста. Актриса демонстрирует исключительный артистический дар, проявляющийся в ее высокоразвитой психофизике, мощном темпераменте, выразительной пластике и колоссальной энергетической ауре. Эти уникальные качества позволяют ей с глубоким проникновением и яркостью воплощать внутренний мир персонажей, создавая многослойные и эмоционально насыщенные образы.

Моноспектакль «Пиковая дама» — успешная попытка философского и художественного осмысления жизни, которая позволяет глубже понять непреходящие человеческие ценности и моральные ориентиры. Он предоставил возможность детально исследовать внутренний мир персонажей повести А.С. Пушкина, показав борьбу их мотивов и стремлений, что помогает зрителю и исполнителю понять нюансы психологического состояния и эмоционального развития персонажей. Это делает моноспектакль особенно эффективным для анализа и интерпретации пушкинских произведений, которые требуют дальнейшего детального и многогранного изучения их художественного содержания.

Мария Козлова

ГЕЙЧЕНКО И АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ

*Посвящается 50-летию выставки художника А.Н. Козлова
в Тригорском и 50-летию выхода на экран фильма
«Повесть о верности»*

Ваша выставка благо...

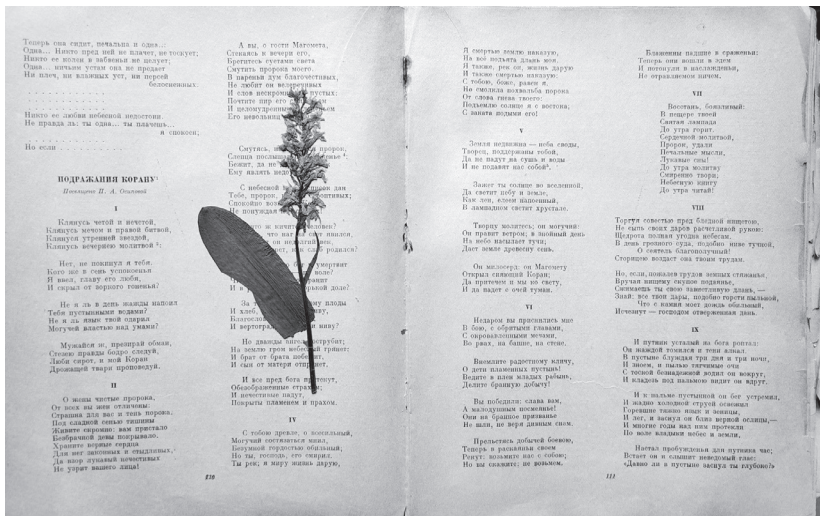
Шлю Вам свое благословенье и любовь.

Из письма С.С. Гейченко к А.Н. Козлову

Готовясь к поездке на Пушкинские чтения в Михайловское, открыла книгу «А.С. Пушкин» — объемную, в 952 страницы, изданную тиражом в 200 000 экземпляров в 1948 году.

Каждое лето, приезжая вместе с папой и братом Святославом на каникулы из Москвы в Трошино — на хутор, затерявшийся в таежных лесах Костромского края, я с каким-то затаенным чувством подходила к большому расписному старинному сундуку. В нем хранились книжные богатства с особым запахом старых пожелтевших страниц — страниц, которых касался пыливый взор крестьянина-книгочея, моего дедушки Никифора Козлова. Сын его, обладая от природы уникальным даром цветовидения, стал живописцем.

В этом году исполнилось сто лет со дня рождения художника Алексея Никифоровича Козлова (1925–1977). Его близкий друг, писатель Юрий Николаевич Куранов, в повести «Озарение радугой» вспоминал: «Я утверждаю, что нигде Пушкин не становится столь дорог сердцу, как в уединении доброй, затерянной в холмах, дождях и перелесках русской деревни. Когда за окнами гуляла вьюга... когда свеча трепетала на дощатом хуторском столике, Алексей вынимал из отцовского сундука толстый том Пушкина. Он читал его вслух, сидя на сундуке в валенках и в на плечи накинутом пиджаке. Он читал, окая по-костромскому, читал голосом нараспев, по-деревенски. И это было удивительно. Казалось, именно для такого чтения Пушкин и писал. В подтопке догорали дрова, и угли багово озарили избу, а здесь, в избе, поднимал свой бокал, «связующий Моцарта и Сальери», великий композитор; здесь же сидел и пересчитывал свое золото Барон, и Германн приходил в смятение от усмешки злосчастной старухи, но и здесь же шумело море Тавриды,

и царскосельские тени листопада осеняли догорающую свечу. Козлов любил читать и для гостей, и просто для себя, когда он оставался один на один с ночною зимнею избою»¹.

Отец, обладая цепкой памятью, знал множество стихов наизусть. Перед сном мы прохаживались от избы до придорожной раскидистой ивы и от ивы мимо избы к дубу, посаженному рядом с хutorскими строениями в 1913 году. Такие прогулки папа называл променадом. Он нам, детям, во время променада читал стихи русских поэтов: Пушкина, Тютчева, Фета, Есенина, Блока. Так с запахом вечерних полевых трав и с заходящими лучами солнца вошла в мою жизнь любовь к поэзии. То, что особенно западало в душу, повторяла, заучивала наизусть:

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой...

Упругий, завораживающий ритм пушкинского «Подражания Корану», посвященного Прасковье Александровне Осиповой.

В мае 1975 года, в канун Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии, в залах Тригорского, некогда имении Осиповых и Вульфов, открылась выставка картин Алексея Козлова. На ней были представлены 23 работы. Всё лето жители и гости Пушкинских Гор имели возможность открыть для себя новое имя мастера-современника. «Пейзажи, как и портреты, — пиршественны, праздничны, драматичны. Цвет говорит здесь прежде рисунка, и речь его симфонична, многоголосна... Кровь тут течет живая и страстная», — писал об открывшейся экспозиции литературный критик Валентин Яковлевич Курбатов².

Предложение сделать выставку художник получил от директора Государственного ордена Трудового Красного Знамени музея-заповедника А.С. Пушкина — Семёна Степановича Гейченко. Знакомство легендарного директора и художника произошло, скорее всего, в 1973 году. Живопись и личность Алексея Козлова вызвали неподдельный интерес. Вот как об этом написал Ю.Н. Куранов: «Этот вездесущий, нестарею-

¹ Куранов Ю.Н. Озарение радугой. Лирическая повесть на темы искусства по мотивам жизни костромского художника Алексея Козлова. Л., 1984. С. 109.

² Курбатов В.Я. В залах Тригорского // Молодой ленинец. 31.05.1975 (№ 65 (2777)).

щий, в свои семьдесят лет полный энергии и неувыдаемого интереса к жизни во всех ее проявлениях человек сразу почувствовал в костромском самородке натуру мощную и чем-то, пусть и отдаленно, близкую Александру Сергеевичу... Так вот, Козлов близок был Пушкину кипучестью, необычайной ранимостью и в то же время мощью темперамента»³.

Гейченко пригласил художника в Михайловское. Так было положено начало созданию «Пушкинского цикла», над которым мастер трудился в 1973–1974 годах. В 1973-м была написана картина «Мельница. Михайловское». В 1974-м — две картины, где изображены дуб в Михайловском и дуб в Тригорском. Одна из них, «Дуб уединенный», была в сентябре

1975 года приобретена музеем и в настоящее время находится в экспозиции на интерактивной выставке «Эмоции природы, природа эмоций. Пушкинский литературный ландшафт». Другая хранится в семейной коллекции. Музей-заповедник также приобрел в 1975 году полотно «На Савкиной горке» (1974 год; холст, масло, 100 × 75). Оно сейчас находится в фондах. В 2023-м дочь Семена Степановича Гейченко Татьяна подарила Псковскому музею-заповеднику картину Алексея Козлова «Собор Николы на Усохе». Видимо, о ней написал мне в 1983 году Семен Степанович Гейченко: «Папу Вашего я помню и буду помнить вечно. У меня есть его картина. Она для меня — икона».

*Художник за работой. Михайловское.
1973 год*

³ Куранов Ю.Н. Озарение радугой. С. 110.

*А.Н. Козлов. Мельница. Михайловское. 1973 год.
Холст, масло. 95 × 70. Коллекция Л.С. Кюзадзяна*

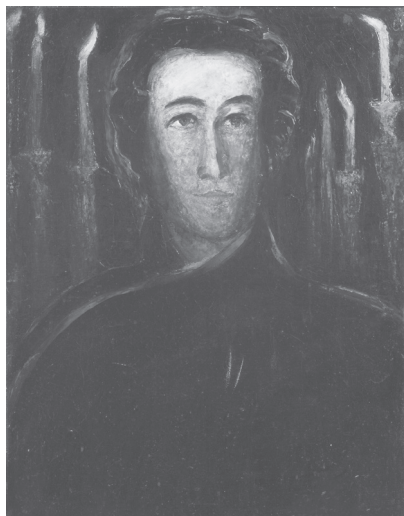
Эти строки появились в ответ на мое письмо. Дело в том, что в 1973 году С.С. Гейченко дал художнику для работы над портретами Пушкина посмертную маску поэта, один из экземпляров. Шесть лет спустя после смерти отца, понимая, что копии тоже могут быть наперечет, я спросила Семена Степановича, надо ли мне ее вернуть. Свое послание Гейченко завершил такими словами: «А маску можете оставить у себя».

*А.Н. Козлов. Дуб уединенный. 1974 год.
Оргалит, масло. 53 × 76,5. Семейная коллекция*

Алексей Козлов создал два портрета Пушкина и полотно «Реквием. Маска Пушкина». «Прекрасное, умнейшее, покойное лицо проступило из тьмы, напоминая торжественные слова: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Он не голубоглаз и не белокур, свечи за ним вовсе не для того, чтобы рассеять ночь. Это произвол живописный и документальный. Но это совершенная правда. Похоже, именно таков был Пушкин в последние годы, когда началась погоня и когда она уже как будто не касалась его, ибо над ним шумели крылья бессмертия. И он подлинно таков после кончины, в нашем сознании — наш современник, наш собеседник», — этот глубокий и проникновенный анализ дал литературовед Валентин Курбатов портрету Пушкина со свечами⁴. А такие строки о картине «Реквием. Маска Пушкина» читаем в лирической повести Юрия Куранова: «Перед этой картиной действительно как-то леденеет дыхание. Воздух вокруг тебя становится плотным, как гранит... Но это не маска — это лицо. Живое, страдающее лицо, и прерывистый

⁴ Курбатов В.Я. В залах Тригорского.

*А.Н. Козлов. Портрет Пушкина.
1973 год.
Холст, масло. 95 × 70.
Семейная коллекция*

*А.Н. Козлов. Портрет Пушкина.
1974 год. Холст, масло. 94 × 70.
Костромской государственный
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

монолог не дает застыть страдальчески сомкнутым губам. И первое, что слышишь оттуда:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...

Лицо меняется, в нем нет постоянного выражения, как и на самой маске, но здесь, на холсте, это движение мысли, страдания, утешения в глубине возвышенной и величавей. Художник увидел здесь то, что попыталась скрыть и навсегда окаменить смерть. Художник перешагнул эту черту, и не в обычном портрете, где всё возможно, где всё подвластно фантазии и даже произволу, но в посмертной маске, в камне, запечатленном ледяным дыханием небытия, он пробудил и жизнь, и слезы, и любовь...»⁵

⁵ Куранов Ю.Н. Озарение радугой. С. 111–112.

Второй портрет поэта, где Пушкин изображен в красном, был приобретен Костромским художественным музеем, судя по всему, до выставки в Тригорском, поэтому и не оказался на ней. Золото неба над высоким горизонтом, ковер зелено-травяных и сине-васильковых полей Михайловского с одинокой мельницей — яркой приметой пейзажа «деревеньки на Парнасе». Художник изобразил поэта в красном одеянии. Красные отсветы на лице Поэта, на упругих локонах кудрявых волос. Красные всполохи и на высокой кромке полей, на лопастях мельницы, в расплавленном золоте неба. Взор синих глаз устремлен вдаль. Всё полотно пронизано сжатой до предела энергией. В доминанте красного слышится многоголосье смятенных чувств «ссылочной» неволи, трагедии «Борис Годунов», краха восстания друзей-декабристов на Сенатской площади Петербурга. И в то же время погрудный портрет на полотне размером всего лишь 94 на 70 см дан художником монументально. Перед нами поэт, сказавший о себе в михайловском изгнании: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить». Перед нами Пушкин-изгнанник, Пушкин-творец.

В год 100-летия живописца Алексея Козлова его картины из «Пушкинского цикла» вновь вышли к зрителю. 27 марта в краеведческом музее села Пыщуг было положено начало юбилейному году земляка. В новой экспозиции среди десяти картин, привезенных из Москвы, находится на одной стене вместе с автопортретом мастера и портрет Пушкина со свечами. Глядя на это соседство, невольно вспоминаешь следующие слова друга-писателя: «Козлов написал Пушкина, как он писал Киприяна Залесова, как близкого, знакомого и даже родного человека, с которым он совсем недавно, может быть, поспорил и выпил бокал шампанского

*А.Н. Козлов. Реквием.
Маска Пушкина. 1974 год.
Холст, масло. 100 × 75.
Семейная коллекция*

*Работа над экспозицией выставки
«Преображая цветом мир».
Центр русского искусства, Кострома.
9 июня 2025 года. Фото автора*

и прошелся по дороге вдоль Маленца либо Добрянны»⁶. Вот так в своей поэтической фантазии Юрий Куранов сблизил землю Псковскую и Костромскую — небольшое озеро на западной окраине села Михайловского и речушку Добрянну, протекающую близ хутора Трошино. Как знать, может, по ночам, когда замирает последний огонек на окраине села, в музее «Пыщуганье» ведут то неторопливую, то весьма оживленную беседу две родственные души — душа поэта и душа художника. «Портрет Пушкина со свечами и с полуулыбкой, так любимый некогда автором, и сам проявил к нему своеобразную привязанность», — такими словами заинтриговал читателя Куранов. А далее поведал следующую историю: «На третий день после похорон мы заканчивали опись работ Алексея Никифоровича. Мы снимали работы со стен, директор Костромского музея Виктор Игнатьев ставил на обратной стороне картины обозначение и номер. Получилось так, что последним на стене остался тот портрет Пушкина, где

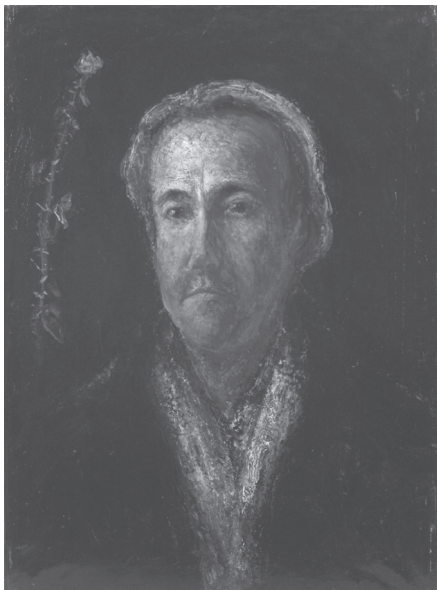
⁶ Куранов Ю.Н. Озарение радугой. С. 110.

поэт стоит меж горящих свечей. И какое-то странное выражение лица было в этот момент у поэта, когда он как бы почувствовал себя в одиночестве на высокой стене совсем небольшой, но уютной комнаты. Что-то вроде улыбки обозначилось на его лице, во всяком случае, печали и особой тревоги на нем тогда никто не увидел. Мы долго не снимали со стены эту работу, пока не пришло время уходить...»⁷

В рамках большого юбилейного проекта «Преображая цветом мир» состоялась выставка и в Костроме (10 июня — 13 июля 2025 года). В Центре русского искусства зрители впервые смогли увидеть в пространстве, посвященном пушкинской теме, рядом с картинами маску поэта — дар Семена Степановича Гейченко. На юбилейную выставку Костромским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником из фондов был предоставлен портрет Пушкина в красном.

В 1974 году режиссер Борис Карпов приглашает С.С. Гейченко и А.Н. Козлова стать героями документального фильма «Повесть о верности», вышедшего на экраны страны весной 1975-го. Так что в этом году еще одна круглая дата — 50-летие фильма, значительная часть съемок которого проходила в Пушкинских Горах.

Фильм начинается с панорамы Куликова поля, с берега реки Непрядвы, а заканчивается парадом под звуки марша «Прощание славянки» — парадом в честь 30-летия со дня освобождения поселка Пушкинские Горы. Поселок был освобожден 12 июля 1944 года. Среди

*А.Н. Козлов. Автопортрет. 1972 год.
Холст, масло. 94 × 70.
Семейная коллекция*

⁷ Куранов Ю.Н. Озарение радугой. С. 113, 115.

пришедших почтить память героев мы видим всех главных участников киноленты.

Эпиграфом к фильму можно назвать слова, озвученные закадровым голосом и относящиеся к человеку в целом: «Самым высоким свойством его души остается верность». Фильм через судьбы людей повествует о верности в любви друг к другу совсем молодых жителей Пушкиногорья — Валентина Федорова и его школьной любви Нины; о верности Родине тех, кто защищал страну в годы Великой Отечественной войны — рядового стрелка Алексея Козлова, выросшего потом в уникального живописца; рядового минометного расчета Семена Гейченко, на протяжении 45 лет бывшего бессменным хранителем пушкиногорского Лукоморья; Петра Синицына, с 12 лет ставшего сыном полка, получившего Орден Славы из рук маршала Конева и создавшего в мирное время заводской ансамбль «Садко», снискавший зрительскую любовь на родине и за ее пределами; солдата Василия Старостина, в послевоенные годы кандидата химических наук, с середины 1950-х поднявшего на ноги колхоз «Русь Советская», химика, ставшего затем писателем, филологом, автором ладовой теории русского народного стихосложения; о верности Родине старшего лейтенанта Льва Маньковского — он погиб в 27 лет, 15 марта 1969 года, отражая военное вторжение китайцев на острове Даманский на реке Уссури. В судьбах этих людей и верность Родине, и верность своему профессиональному призванию.

Пять самостоятельных киноновелл о ярких судьбах сплетает воедино полная лиризма шестая новелла о молодой семье Валентина и Нины Федоровых. Она проходит через весь фильм: от первых школьных фотографий, на которых юные влюбленные взявшись за руки кружатся на берегу Сороти, напротив усадьбы Пушкина в Михайловском, до последних кадров фильма, где Валентин и Нина с маленькой дочкой на руках идут по сельской дороге в полях Пушкиногорья.

Фильм снимали в Псковской, Новгородской, Костромской и Московской областях. «Среднерусскими перелесками идет человек с мольбертом, останавливается в селах, пишет прекрасные пейзажи России, неповторимые лица ее народа. В музеях Пскова и Саратова, Архангельска и Костромы, в залах Лондонской королевской академии картины Алексея Никифоровича Козлова несут радость людям. Его полотна — это любовь к родной земле, радостный, красочный гимн верности родному дому. Рассказ о Козлове глубоко поэтичен. Он начинается с картин природы. А потом в мастерской, в вечерней избе в часы раздумий,

мы вглядываемся в художника, в его картины и понимаем: этот человек дарит нам радость, красоту. Авторы увидели, как смотрит Алексей Никифорович на окружающий его мир, как изумлен он прелестью разнотравья и розовым чудом иван-чая, как упоен работой над портретом смешливой деревенской девчонки, как трепетны и порывисты движения руки его...» — писал кинокритик Юрий Дьяконов⁸.

А вот камера крупным планом снимает дуб — тот самый, что запечатлел Алексей Козлов на одной из своих картин. Мы слышим голос самого Семена Степановича Гейченко: «Вот дуб рядом с моим домом. А какой он стал большой, как он властно растопырил свои руки, порываясь взойти из сада в сад»⁹.

И как тут не вспомнить пушкинские строки:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том.

Златая пушкинская цепь — связующая цепь русской культуры. И тянется она от Михайловского до Трошина и далее за поля, леса и горизонты бескрайнего пространства Русского мира.

⁸ Дьяконов Ю. Сила народная // Советский экран. 1976. № 3. С. 4.

⁹ Повесть о верности (1975): фильм / реж. Б. Карпов, А. Киселев // Яндекс-Диск: сайт [Электронный ресурс: <https://disk.yandex.ru/i/UR9uijJ-wWRdBA>].

Гость «Михайловской пушкинианы»

Евгений Чуриков

КАРТИНА В СУДЬБЕ ПУШКИНА

Удивительная история без конца...

Никогда еще в своей жизни я так долго и внимательно, стараясь не упустить ни одной мало-мальски значимой детали, не рассматривал в музейном зале картину, как в этот раз.

Незадолго до моего прихода в музей, минут двадцать назад, здесь вдруг погас свет. Был ненастный мартовский день, и из низких старинных окон сочился жидкий серенький свет. Помещения погрузились в сумрак, а кое-где передвигаться можно было лишь почти на ощупь. Впрочем, там, куда мне надо было попасть, освещенности еще вполне хватало, и я надеялся, что мой визит сюда не будет напрасным. Меньше всего хотелось бы уйти разочарованным.

Едва я оказался в зале, как ощутил на себе чей-то взгляд, спокойный и вместе с тем пристально-изучающий. Куда бы я ни передвигался, этот взгляд неотступно следовал за мной.

Со стены, прямо по ее середине, на меня взирал пожилой мужчина в парадной военной форме с большой серебристой звездой на груди, в левой руке он держал головной убор с высоким белым султаном. В глазах словно застыл немой вопрос: «Что ты делаешь во владениях, где я когда-то был полновластным хозяином?»

Обращает на себя внимание фон, отчетливо просматривающийся за высокопоставленным военным. Пологие зеленые холмы, а над ними — от края до края — низкое потемневшее грозное небо, навевающее легкое чувство тревоги.

На тщательно, до мельчайших деталей прорисованной работе — атаман Уральского казачьего войска, генерал-майор Давыд Бородин, о котором казаки с подчеркнутым уважением и гордостью когда-то говорили: «Бородин на всё войско такой один».

Он с молодых лет набирался боевого опыта, участвуя в многочисленных среднеазиатских походах в восьмидесятые годы восемнадцатого века. Домой оттуда, с Бухарской стороны, обычно возвращались с русскими, угнанными в рабство, возвращался и украденный кочевниками скот. С конницей уральских казаков он в высшей степени исправно нес охранную службу на порубежных территориях Кавказа.

Самое активное участие принимает он и в дальних заграничных кампаниях русских войск. Во главе полков уральских казаков, походным атаманом, он совершил, в частности, Швейцарский поход, находясь в составе корпуса генерала Римского-Корсакова. Корпусу предстояло соединиться с войсками генерал-фельдмаршала Александра Суворова, направлявшимися из районов севера Италии. Последний, кстати, высоко ценил боевые качества выходцев с Урала. Пройдя долгий и трудный путь боев, с немалыми потерями и лишениями, формирования уральских казаков в марте 1814 года победной поступью войдут в поверженный Париж.

Вот какое весьма примечательное словесное описание Бородина дал один из современников во время его пребывания там, на европейском театре военных действий:

«Это мужчина приблизительно сорока лет от роду, огромного роста, положительно правофланговый гренадер. Сила и здоровье так и отражаются во всех его движениях, и его величественная фигура издали бросается в глаза.

Его борода достигает до луки седла. На груди у него висит большой, украшенный бриллиантами и самоцветными камнями крест.

Лошадь его скачет, вернее сказать, носится по воздуху, а не ходит. И когда он гарцует на ней перед рядами своего полка, то так и кажется, что видишь перед собой покорителя мира — Тамерлана...»

Ко мне подошла, почти бесшумно ступая по мягкому ковру, нынешняя хозяйка особняка, вернее сказать, той его части, что занимает ныне литературный музей, Асылжан Мурзабулатова. Она уже знала о цели моего прихода сюда.

— Самый ценный для нас экспонат, — просто и уверенно сказала она, перехватив мой взгляд, который я всё никак не мог оторвать от старого портрета в резной деревянной раме. — Когда мы посетителям рассказываем об этом портрете, об обстоятельствах его появления, они обычно приходят в изумление от услышанного и, как и вы, долго задерживаются на этом месте. А наши коллеги из других музеев

Казахстана, да и не только Казахстана, по-настоящему нам завидуют. Мол, провинциальный музей — и таким чудесным раритетом обладает...

Будь на моем месте кто-нибудь другой, слова милой собеседницы наверняка показались бы странными и даже, может быть, в какой-то мере кощунственными. Если перевести взгляд на соседнюю стену, налево, то увидишь хорошо знакомый портрет Пушкина, принадлежащий кисти выдающегося русского живописца Василия Тропинина. Здесь в тиши особняка немало вещей — да почти все! — так или иначе напоминает о гениальном русском поэте, о его пребывании на берегах седого Урала, в прошлом Яика, достаточно коротком (которое, однако, могло бы и вовсе не состояться). Оно оставило очень глубокий и своеобразный след в его творчестве. И такое внимание к нему вполне объяснимо и естественно: заведение в течение многих лет носит имя Пушкина. При чем же тут какой-то казачий генерал, которому в музее отведено одно из самых почетных мест?

У нас хранят добрую память о Николае Григорьевиче Чеснокове, известном журналисте и неутомимом, пытливом исследователе исторического прошлого Уральска (до 1775 года Яицкий городок) и края. Я близко был знаком с этим, ныне уже покойным, человеком. Во многом именно ему мы обязаны «вторым рождением» произведения живописи, о котором идет речь, и тем, что вслед за этим неожиданно приоткрывается.

Еще в веке минувшем, в далекие шестидесятые годы, Чеснокову каким-то образом удалось обнаружить в запасниках областного историко-краеведческого музея портрет, на котором, как вскоре выяснилось, был изображен атаман Бородин. Более того, он даже выдвинул довольно-таки смелое предположение, что раритет этот — творение рук известнейшего мастера-портретиста первой половины девятнадцатого столетия Тропинина. Однако это нисколько не поспособствовало тому, чтобы потенциально судьбоносная находка, только что, казалось бы, вырванная из цепкого «подвального» плена запасников, наконец-то заняла достойное место в экспозициях главного музея региона. В то время, учитывая политическую ситуацию, как-то не принято было выставлять на всеобщее обозрение казачьих атаманов царской России (и тем более поклоняться им!). И о Бородине вновь благополучно забыли на долгие годы, задвинув его куда подальше.

Вспомнили лишь в перестроечную пору и попытались исправить несправедливость, но не тут-то было! Картина оказалась в весьма пе-

чальном состоянии: кое-где она была порвана, в зловеще темных пятнах... Ее со всеми предосторожностями и большой аккуратностью, как если бы уже было известно, что в распоряжении специалистов находится действительно ценнейшая раритетная вещь, отправили на реставрацию в Москву. Там она пробыла около двух лет, прежде чем вернулась домой в подобающем, не вызывавшем тревоги за ее судьбу состоянии. Но главное, что безмерно порадовало уральцев: да, подтвердилось, это работа великого Тропинина!

Это же подтвердит и информация, найденная в одном из архивных номеров журнала «Русский вестник» за 1861 год: «Среди работ Тропинина наиболее замечательным является портрет атамана Уральского казачьего войска Давыда Бородина».

Но я вернусь непосредственно к моей беседе с Асылжан Габдулловой Мурзабулатовой, заведующей литературным филиалом историко-краеведческого музея.

— И это еще не всё, — произнесла она, когда мы стояли под неослабевающим пытливо-внимательным взглядом властного атамана. Некоторые утверждают, что в его глазах угадывается едва уловимая лукавая полуулыбка. — Без этого портрета, может, и Александра Сергеевича Пушкина мы знали бы несколько иным. Могли бы наслаждаться таким литературным шедевром, как «Капитанская дочка», или фундаментальной монографией «История Пугачева»? Не знаю. Дело в том, что Тропининым портреты поэта и атамана из далеких азиатских степей создавались примерно в одно и то же время, и можно предположить с большой долей вероятности, что на сеансах у художника они встречались и даже близко познакомились.

И не рассказами ли Давыда Мартемьяновича — живого свидетеля и участника событий Крестьянской войны 1773–1775 годов — вдохновился Александр Сергеевич, да так, что, отринув искушения столичной светской жизни, он отправился в далекое и многодневное нелегкое путешествие за материалом для своих будущих произведений?

Действительно, в 1826 году, в августе, Бородин находился в Москве, где он принимал участие в коронации Николая I. Скорее всего, именно тогда — в августе-сентябре — появилась на свет нынешняя реликвия. Но вполне возможно, что на работу у мастера ушло больше времени: она могла сдвигаться из-за чрезмерной загруженности и обилия желающих разместить у него заказы. Да и мало ли какие дела, помимо позирования художнику, могли возникнуть в белокаменной у главного казака

*Тот самый — тропининский портрет
атамана Уральского казачьего войска Д.М. Бородин*

с берегов Урала. Наконец, настоящие произведения искусства, согласитесь, создаются не на ходу, не за день-два.

Нелегкая судьба портрета Пушкина кисти Тропинина во многом схожа с судьбой портрета Бородина того же художника.

Близкий друг поэта Сергей Александрович Соболевский, слывший большим библиофилом, сделал знаменитому живописцу заказ на картину (по другим данным, якобы сам Александр Сергеевич заказал портрет, чтобы преподнести его в подарок славному другу). Пушкин часто приезжал к нему в Москву и подолгу гостил у него в доме на Zubовском бульваре. Как бы там ни было, пришлось долго уговаривать Пушкина принять на себя на некоторое время роль натурщика, что было неудивительно: он отличался вспыльчивым, пылким нравом, был очень жив, подвижен, непредсказуем в своих поступках.

Современники с восхищением отмечали поразительное сходство «нашего всё» на готовом полотне с оригиналом.

Соболевский надолго уезжает за границу, оставив картину на сохранение друзьям. И тут происходят какие-то странные метаморфозы. Совершается коварная подмена, и владелец в конце концов остается с довольно-таки искусно сделанной копией (которую он быстро распознает). Тропининский же «Пушкин» бесследно исчезает. Лишь где-то в середине пятидесятых годов пропажа обнаруживается в московской антикварной лавке, в довольно удручающем состоянии. К тому времени еще был жив Василий Андреевич, и он в представленном ему полотне признает свою работу. Он с чрезвычайной бережливостью обновляет ее, покрывает лаком, и тогда полотно приобретает князем Михаилом Оболенским, высокопоставленным сотрудником Министерства иностранных дел. В начале прошлого века портрет передается наследниками князя в дар Третьяковской галерее, а в 1937 году попадает в Пушкинский музей на Мойке в Ленинграде, где, как известно, находится и поныне.

В подтверждение того, что Пушкин мог встречаться с бравым и словоохотливым казачьим генералом на сеансах у Тропинина и там получить «подсказку» обратить свой взор на недавно — по историческим меркам — прошумевшие бури грандиозного крестьянского восстания под предводительством Пугачева, свидетельствует такой любопытный факт.

В конце декабря 1826 года Пушкин встретится в Москве с княгиней Марией Волконской, с которой до этого был хорошо знаком.

Мария Николаевна направлялась в Сибирь к сосланному мужу-декабристу, в дороге простыла и на два дня остановилась в доме своей невестки Зинаиды. Та по этому случаю устроила прощальный музыкальный вечер, и на нем Александр Сергеевич скажет княгине, о чем она впоследствии сочтет нужным упомянуть в своих заметках: «Я хочу написать сочинение о Пугачеве. Я отправлюсь на место происшествия, перевалю через Урал, проеду дальше и приду просить у вас убежища в Нерчинских рудниках».

Однако по пугачевским местам он отправится лишь через шесть с лишним лет. Во время работы над архивными документами, на что уйдет немало духовных и физических сил, возникнет острая потребность в том, чтобы «проверить мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев» тех событий, связанных с пугачевщиной.

Он осенью 1833 года посетил Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, а по пути побывал еще во множестве крепостей, которые захватывались восставшими. Обычно это были просто деревни, обнесенные покосившимися плетнями или деревянными заборами. А в них — небольшие гарнизоны из инвалидов и солдат, имевшие на вооружении в лучшем случае две-три видавшие виды пушки и призванные отражать натиск пугачевцев, которые нередко превосходили их многократно.

Насколько известно, в первоначальный замысел Александра Сергеевича поездка в город на Урале, в глубину азиатских степей, не входила. В передвижениях по Оренбургу и окрестностям поэта много сопровождал его близкий приятель Владимир Даль. Владимир Иванович состоял чиновником по особым поручениям администрации военного губернатора, и ему довольно часто приходилось бывать по делам службы на землях уральских казаков, которые в тот период административно входили в Оренбургский край. Он хорошо знал прошлое и обычаи местного казачества и то, какую роль оно сыграло в грозных событиях предпоследней четверти восемнадцатого столетия. Наверняка именно благодаря ему, замечательному писателю, этнографу, создателю «Толкового словаря живого великорусского языка», мы обязаны тем, что Александр Сергеевич почтил своим вниманием наши места. Если до этого с дороги поэт напишет жене Наталье Гончаровой: «Последней точкой моего путешествия будет Оренбург», то девятнадцатого сентября (по старому стилю), находясь уже в Оренбурге, он сообщит ей: «Завтра еду к яицким казакам. Пробуду у них дня три».

А как же версия, что пути поэта и атамана Бородина могли пересекаться во второй половине двадцатых годов, что живые, непридуманные рассказы последнего так могли запасть в душу Александра Сергеевича, что потом в конце концов привели его к значительной в его творчестве теме Пугачевского восстания? Здесь следует сделать важное пояснение.

Во время исторической смуты, сразу охватившей Яицкий городок, нашему земляку было тринадцать-пятнадцать лет. Его отец, Мартемьян Михайлович Бородин, возглавлявший оставшуюся верной правительству часть казачьего войска, заблаговременно отправил семью из мятежного города в соседний Оренбург. Подростку пришлось пережить все лишения и трудности многомесячной осады краевого центра. Он даже принимал посильное участие в отражении нападений восставших, пытавшихся овладеть крупным укрепленным пунктом. Мартемьян Михайлович со своими боевыми соратниками также был в числе активных защитников Оренбурга.

Дома юный Давыд окажется лишь после того, как Яицкий городок будет очищен от пугачевцев, а их главный предводитель с ближайшими сподвижниками схвачен и предан правосудию.

Старший Бородин вместе с Александром Суворовым, будущим генералиссимусом, будут в составе конвойной команды сопровождать главного мятежника в Симбирск, а затем в Москву, где его и казнят.

Вскоре после этого, весной 1775 года, Мартемьян Михайлович по делам войска отправится в Петербург. Там он внезапно скончается, не достигнув сорока лет. Эта смерть в казачьей среде вызвала всякие пересуды и кривотолки. Говорили, что Бородин был отравлен наследником престола Павлом Петровичем якобы в отместку за гибель своего отца Петра III. Многие казаки еще долго после бунта искренне верили, что осенью 1772 года к ним на берега древнего Яика явился не кто иной, как сам великий государь Петр Федорович, чтобы поднять их на борьбу за лучшую и счастливую жизнь.

Проделав долгий и утомительный путь по бескрайним малонаселенным степям в сторону Каспия, Пушкин к вечеру двадцать первого сентября прибыл в Уральск.

Дорожные неудобства и лишения с лихвой были компенсированы тем радушным приемом, который здесь оказали дорогому гостю. К тому времени слава поэта уже достигла казачьих земель. Полковник Василий Покатилов, исполнявший обязанности войскового атамана, предоставил

ему кров в своем доме-резиденции — в том самом доме, где нынче размещаются экспозиции литературного музея.

Прежнего хозяина особняка Давыда Бородина уже не было в живых.

В 1830 году в пределах войска, как и в других регионах империи, разразилась эпидемия холеры. Она унесла тысячи и тысячи жизней. Не обошла беда стороной и Бородиных. От холеры вскоре, в августе, умерли Давыд Мартемьянович и его жена. Невероятно трудно было найти того, кто мог бы совершить полагающийся в таких случаях церковный обряд над усопшими. Люди были так напуганы, что не поддавались ни на какие уговоры; казалось, что страх парализовал их разум и волю. Безжалостному огню было предано нажитое, в том числе парчовые и атласные платья, сарафаны с дорогой отделкой и украшениями, одеяла, белье.

В связи со смертью атамана среди казаков долго бытовало такое поверье.

Давыд Мартемьянович был в то время одним из богатейших людей в наших местах. Кроме особняка на главной улице города он еще владел степными хуторами с обширными сельхозугодьями. На этих хуторах трудились крепостные, приумножая благосостояние властного, привыкшего к разгульно-сладкой жизни атамана. Автор этих строк не совершил описку, употребив слово «крепостные». На вольных уральских (яицких) казачьих землях никогда не было такого явления, как крепостничество. Однако Давыд Мартемьянович себе это позволял. Доходило до того, что он выезжал в соседние российские губернии и у тамошних помещиков покупал или выигрывал в карты крестьян, находившихся в крепостной зависимости. Он привозил их, и они в его хуторских хозяйствах были такой же подневольной рабочей силой, как до этого у помещиков.

Незадолго до смерти Бородин даст крепостным вольную, их зачислит на службу в войско.

Казаки всерьез верили, что, покинув сей бранный мир, их атаман не попал ни в рай, ни в ад, а его душа мается где-то на границе между ними. И это в наказание даже не за разгульный образ жизни, склонность к роскоши, а за то, что сбрил бороду, что в казачестве считалось большим, непростительным грехом. Впрочем, понять Давыда Мартемьяновича можно. Бывая по делам в обеих столицах, он был хорошо знаком с тамошними порядками. Ношение густой растительности на лице там не поощрялось, особенно в среде чиновничества и военных. На полотне, созданном талантливым мастером, мы как раз и видим Бородина таким

*Бывший особняк — резиденция уральских войсковых атаманов.
Фото автора*

«осовремененным», соответствующим тогдашней столичной моде — без бороды, с усами и бакенбардами.

Своих детей у Давыда Мартемьяновича не было, и богатое состояние отошло племянникам. Здание на главной городской улице по завещанию унаследовала его племянница Аграфена Донскова, вдова, женщина с весьма привлекательной внешностью.

Несколько слов об этом доме, одном из лучших в ту эпоху в Уральске.

Построен он был где-то на рубеже XVIII и XIX веков. В 1821 году на казачью столицу обрушилось великое бедствие, которое уже не раз случалось в ее истории, — пожар. Огненная стихия уничтожила большую часть города. Сильно пострадал также дом Бородининых. Атаман пригласил итальянского архитектора Микеле Дельмедино для отстройки заново старинного города. Дельмедино не только восстановил атаманское жилище, он коренным образом перестроил его, значительно увеличив площадь. С двух сторон, слева и справа, пристроил крылья. Особняк стал чем-то вроде итальянского палаццо. Десять лет прожил зодчий у нас, специально под него была создана должность войскового архитектора. Именно при нем в городе началась по-настоящему плановая застройка с упором на возведение каменных зданий. В настоящее

время атаманский дом (такое название за ним прочно закрепилось и в последующем), как и ряд других зданий, построенных известным итальянцем, входят в великолепный старый градостроительный комплекс областного центра, охраняемый государством.

...Скорее всего, новый хозяин поселил Пушкина на время его пребывания в Уральске на втором этаже дома, где были гостиная, зал, диванная, спальни, кабинет. Там же, в зале, еще висел тропининский портрет Бородина. Наверняка его видел Александр Сергеевич, и это могла быть его вторая встреча с произведением высокого искусства. Находясь под впечатлением от оказанного ему внимания, поэт напишет жене, что «тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали два обеда, подпили за мое здоровье, наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной».

Вместе с Василием Осиповичем Покатиловым принимать дорогого гостя будет и наследница особняка Аграфена Абрамовна Донскова. Считается, что именно ей посвящены эти чудесные строки, написанные в дороге, когда Пушкин выехал из Уральска и направлялся в Болдино:

Когда б не смутное влечение
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

Можно только догадываться, сколько в этом легендарном здании гением русской и мировой литературы было обдуманно-передумано из прошлого, из того, что ему удалось узнать и собрать на Уральской земле и что потом перешло на страницы его немеркнущих произведений — «Капитанская дочка», «История Пугачева» и других.

Около трех дней находился поэт в Уральске. Много это или мало? Как посмотреть. Для обычного человека, может быть, было бы мало, но только не в случае с Пушкиным. За это время проделан такой объем работы, что потом стало значимым на века!

Он побывал в Куренях, старой части города, где происходили основные исторические события почти шестидесятилетней давности. Ему, в частности, показали двухэтажный каменный дом Михаила Толкачева, одного из ближайших сподвижников Пугачева. Емельян Иванович неоднократно останавливался тут и, можно сказать, отсюда руководил действиями своих отрядов против войск местного правительственного гарнизона. Объект, к сожалению, не сохранился до наших дней. Видел он и дом яйцкой «императрицы» Устиньи Кузнецовой, второй жены предводителя народного восстания.

Гость из столицы посетил знаменитый Михайло-Архангельский собор, оказавшийся в то роковое время в самом эпицентре многомесячных боев за овладение Яицким городком. Это, без преувеличения, храмовоин. Всякий раз, подходя к нему, хочется снять головной убор и низко поклониться.

В те годы еще живы были некоторые очевидцы и участники освободительного движения, и Александр Сергеевич проявлял к ним живейший интерес, стараясь в разговорах не упустить ни одной более или менее важной детали. Записывал предания, притчи, песни. Изучал архивные документы.

Уже после гибели поэта в его бумагах будет обнаружен на нескольких листах тюркский эпос «Козы Корпеш — Баян сулу», переведенный на русский язык. Это величайшая поэма, рассказывающая о трагической любви двух молодых людей. Она заинтересовала Александра Сергеевича, попала в поле его внимания, и, если бы не его ранняя смерть, может быть, вылилась бы в нечто грандиозное, под стать его таланту. Смерть помешала ему и во второй раз приехать в гости к уральским казакам. Такое у него в наметках было. По крайней мере, когда была издана монография «История Пугачева», он несколько экземпляров отослал новым уральским друзьям, сопроводив посылку такой многозначительной припиской: «До свидания в степях или над Уралом».

Но и это еще не всё, что так или иначе связывает легендарный особняк с именем гения.

Через семь лет после рокового дуэльного выстрела на Черной речке Наталья Николаевна Гончарова выйдет замуж за генерала Петра Ланского. Одна из дочерей, рожденных от этого брака, Софья Петровна Ланская, станет женой армейского офицера Николая Шипова. Когда его назначат наказным атаманом в Уральск, она вместе с ним приедет из Петербурга и в течение восьми лет — с 1885 по 1893 год — будет

полновластной хозяйкой того самого особняка, где некогда гостил Александр Сергеевич Пушкин.

Николай Николаевич Шипов отметится у нас в крае многими благими делами. При нем станет возможным открытие войсковой сельскохозяйственной школы, заработает театр Макарова, начнется телефонизация города, строительство железной дороги — первой в Казахстане! — из степей под Саратовом до Уральска.

Уже много десятилетий одна из крупных станций в Таскалинском районе Западно-Казахстанской области носит имя этого атамана.

* * *

Придя в музей тогда, в марте, поначалу из-за отсутствия электроосвещения я не обратил внимания на выставочную экспозицию в вестибюле, посвященную... другому Пушкину. Появляясь в общественных местах, Владислав Букреев своим поразительным сходством с гениальным поэтом обычно вызывал у людей неподдельное удивление, восхищение и радость. Для большей убедительности ходил он в крылатке, с тростью и в цилиндре, с «пушкинской» прической и бакенбардами. В 2006 году широко отмечался Год Пушкина в Казахстане, и в октябре словно сам Александр Сергеевич встречал у входа в музей своего имени президентов Казахстана и России — Нурсултана Назарбаева и Владимира Путина.

Это был единственный в мире официально признанный двойник гения русской поэзии. В 1990 году в Ленинграде проходил Международный фестиваль двойников Пушкина, и из трех тысяч претендентов он занял первое место.

«Уральский Пушкин» тоже — как же иначе! — писал стихи, рисовал, увлекался музыкой. Его уже несколько лет нет с нами, но у нас его по-прежнему помнят и чтят.

В экспозиции представлены личные вещи Владислава Васильевича. рукописи, фотографии, воспоминания о нем.

Уже на выходе из здания вновь погас свет, и помещения погрузились в плотную темноту. Мне это показалось не случайным, за этим скрывалось что-то символически-мистическое. Старый особняк, много повидавший на своем веку, как будто не хотел до конца приоткрыть свои тайны...

Март-июнь 2025 года

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Антонов Геннадий Николаевич — доктор технических наук, доцент, контр-адмирал, член Национального союза библиофилов, научный руководитель АО «СПМБМ «Малахит» (Гатчина).

Богданов Александр Александрович — старший научный сотрудник Музея-усадьбы П.П. Семенова-Тян-Шанского (Чаплыгин, Липецкая область).

Броницкая Ольга Александровна — заведующая отделом музейной педагогики и массовых мероприятий Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина Вяземы — Захарово (Московская область).

Ганнибал Борис Константинович — кандидат биологических наук, доцент, старший преподаватель Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Гладилин Михаил Сергеевич — старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина Вяземы — Захарово (Московская область).

Дележа Елена Мироновна — член Союза театральных деятелей России, профессор, кандидат искусствоведения, доцент Института современного искусства (Москва).

Дмитриева Екатерина Евгеньевна — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Москва).

Дорожкина Мария Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Государственного университета просвещения (Москва).

Дубровский Александр Владимирович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

Егоров Александр Александрович — старший научный сотрудник отдела «Древлехранилище» Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Козлова Мария Алексеевна — кандидат искусствоведения, экскурсовод Свято-Данилова монастыря (Москва).

Козмина Мария Альбертовна — старший научный сотрудник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы).

Кондратеня Александр Владимирович — начальник краеведческого музея Опочецкого районного центра культуры (Опочка).

Медова Ирина Владимировна — научный сотрудник музея А.С. Пушкина в Бернове, филиала Тверского государственного объединенного музея (Тверская область).

Неганова Галина Дмитриевна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография» Костромского государственного университета (Кострома).

Никитин Олег Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения (Москва).

Родникова Наталья Владимировна — начальник отдела «Древлехранилище» Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков).

Цветкова Нина Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного Псковского государственного университета (Псков).

Чуриков Евгений Владимирович — журналист, публицист (Уральск, Республика Казахстан).

Шадурский Владимир Вячеславович — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород).

Шаинян Наталья Багратовна — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой (Москва).

Содержание

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО]	3
-----------------------------	---

**«И ГОЛОС ЛИРЫ ВДОХНОВЕННОЙ...
И СЛАВЫ БЛЕСК, И МРАК ИЗГНАНЬЯ,
И СВЕТЛЫХ МЫСЛЕЙ КРАСОТА...»**

**Материалы Михайловских Пушкинских чтений
(20–23 августа 2025 года)**

Михаил Гладилин

ЭТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДРАМЫ А.С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»	4
--	---

Мария Дорожкина

«КОМЕДИЯ О ТРАГЕДИИ»: «БОРИС ГОДУНОВ» В ТЕАТРЕ «МАСТЕРСКАЯ ПЕТРА ФОМЕНКО»	13
--	----

Нина Цветкова

ЗИМА В РОМАНЕ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»	21
--	----

Екатерина Дмитриева

ПЕРВЫЙ ЛИРИЧЕСКИЙ ЦИКЛ А.С. ПУШКИНА «ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ» И ЗАГАДКА ЕГО ПОСВЯЩЕНИЯ П.А. ОСИПОВОЙ	30
--	----

Александр Дубровский

МЕЖДУ СМОЛЯНКАМИ И ЛИБЕРТИНКАМИ. МОНАСТЫРЬ В ДВУХ ПСЕВДОПУШКИНСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ	43
---	----

Олег Никитин

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК: ИМЯ А.С. ПУШКИНА НА СТРАНИЦАХ «СЛОВАРЯ РУССКИХ СИНОНИМ, ИЛИ СОСЛОВОВ» А.И. ГАЛИЧА	61
---	----

Владимир Шадурский

РЕЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА
В ГАЗЕТЕ «НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО» (США) 94

Александр Богданов

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СЕМЕНОВ
И АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН:
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЦЕНЗОРА 104

Наталья Шаинян

«В ТОЙ ЖЕ МАСТЕРСКОЙ»: ПУШКИН — ЦВЕТАЕВА 114

Галина Неганова

НАРОДНОЕ СЛОВО В ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА:
ОТ А.С. ПУШКИНА К А.Н. ОСТРОВСКОМУ 129

Геннадий Антонов

КОНВОЛЮТЫ И АЛЛИГАТЫ ПУШКИНСКИХ
МАТЕРИАЛОВ: ГЕОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ. ПЕРСОНАЛИИ 138

Ольга Броницкая

РОЛЬ М.А. ГАННИБАЛ
И ПОДМОСКОВНОЙ УСАДЬБЫ ЗАХАРОВО
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА 153

Борис Ганнибал

В РУНОВО К НАДЕЖДЕ ОСИПОВНЕ
С ДРУЗЬЯМИ И ЦВЕТАМИ 165

Александр Кондратеня

ПОТОМОК ГАННИБАЛОВ —
ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
СЕРГЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ КОРОТОВ (1908–1982).
ИЗ БИОГРАФИИ 181

Ирина Медова

«ЗДЕСЬ МНЕ ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО,
ИБО Я ДЕРЕВЕНСКУЮ ЖИЗНЬ ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ...» 185

Александр Егоров

«МОЙ БЛИЗКИЙ И ДАЛЕКИЙ ДРУГ»:
КОММЕНТАРИЙ К СТИХОТВОРЕНИЯМ Л.А. ТВОРОГОВА,
ПОСВЯЩЕННЫМ Д.С. ЛИХАЧЕВУ (1948–1960)..... 209

Наталья Родникова

ПУТЕШЕСТВИЕ М.С. НАЗИМОВОЙ
ИЗ ПСКОВА В ВОРОНЕЖ И ОБРАТНО В 1833 ГОДУ
Комментарии к травелогу пушкинского времени..... 238

Мария Козмина

ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
А.С. ПУШКИНА 252

Елена Дележа

МОНОСПЕКТАКЛЬ «ПИКОВАЯ ДАМА»
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СЦЕНИЧЕСКОГО
НАРРАТИВА КЛАССИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А.С. ПУШКИНА 271

Мария Козлова

ГЕЙЧЕНКО И АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ
Посвящается 50-летию выставки художника А.Н. Козлова
в Тригорском и 50-летию выхода на экран фильма
«Повесть о верности» 280

Гость «Михайловской пушкинианы»

Евгений Чуриков

КАРТИНА В СУДЬБЕ ПУШКИНА
Удивительная история без конца... 292

Краткие сведения об авторах сборника

«Михайловская пушкиниана» 305

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 110

К 200-летию со времени михайловской ссылки А.С. Пушкина

**«И голос лиры вдохновенной...
И славы блеск, и мрак изгнания,
и светлых мыслей красота...»**

МАТЕРИАЛЫ

Михайловских Пушкинских чтений
(20–23 августа 2025 года)

Руководитель издательских проектов
Пушкинского Заповедника
Н.Б. Василевич

Редактор О.И. Бахтина
Обложка, обработка фото Е.А. Мужаревская
Компьютерная верстка С.В. Лазаренкова

На первой странице обложки:
Л.С. Хижинский. Михайловское. Общий вид. 1937 год

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

181370, Россия, Псковская область, пос. Пушкинские Горы,
бульвар имени С.С. Гейченко, 1

Распространяется бесплатно

Подписано в печать 31.10.2025.

Формат 60x88 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Объем 19,5 печ. л. Заказ № 1972. Тираж 150 экз.

Отпечатано в ООО-фирма «Псковское возрождение». ИНН 6027024264.
180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.